

Французская буржуазия на исходе Старого порядка

Сб. Буржуазия и Великая Французская революция /

Гусейнов Э.Е., Кожокин Е.М., Ревякин А.В., Туган-Барановский Д.М.

М.: изд-во Моск. ун-та. 1989. 216 с. – С.15-50.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения*

В настоящее время наметился определенный разрыв между социальными теориями французской историографии с одной стороны и социологии с другой. Неоконсервативные настроения затронули исторический цех в большей степени, чем их коллег соперников из числа социологов. Так, историки особенно преуспели в избавлении от понятия «общественные классы».

Было бы абсурдно отрицать глубокую трансформацию классов на протяжении их истории. Изучением этой трансформации в значительной степени и занята современная французская социология. Историография, почерпнув из социологии понятия «элита» и «маргинальные группы», абсолютизировала их познавательное значение. Из исторического процесса аннигилируется, в частности, понятие класс буржуазии. В исследованиях по французской истории XVIII и даже XIX в. действуют нотабли, финансисты, банкиры, просвещенческая элита, а буржуазии нет. Будто само слово буржуазия не употреблялось французами XVIII в.!

Устранение из прошлого специфических для него понятий всегда ведет к искажению этого прошлого. Произвольное манипулирование терминами – одна из опасностей, подстерегающая историка, стремящегося в силу тех или иных причин к обновлению понятийного аппарата. А именно произвол менее всего терпим в историческом исследовании.

Внимание к языку, к духовному миру людей прошлого обуславливает специфику подхода к изучению пути формирования французской буржуазии в предреволюционную эпоху, помогает проследить социальный процесс не только в его естественноисторических, объективных проявлениях, но и в формах его осознания как теоретиками, так хотя бы отчасти и массами.

1. КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ

Европейский феодализм только при сравнении с капитализмом выглядит неподвижной системой. Синхронное сопоставление с восточными обществами позволяет обнаружить его динамизм, изменчивость, в которой проглядывает определенная тенденция. Возникавшие в его недрах инородные элементы долгое время абсорбировались, но процесс поглощения не проходил бесследно для самой систем, она изменялась, становилась в чем-то инородной своему прошлому состоянию.

Становление капитализма – всеобщий процесс, в который втягивались все социальные слои и группы страны: негоцианты, торговцы, ремесленники, крестьяне, духовенство, дворяне, даже сам король. Но были протагонисты и аутсайдеры капитализма. **Одна из сложностей понимания истории становления буржуазии в том, что процесс «обуржуазивания», приобщения властвующей элиты, всех имущих к капиталистическому духу, к капиталистической культуре происходил особенно интенсивно. Сравнительно недавнее открытие этого феномена толкнуло часть западных историков к его абсолютизации: они противопоставили капиталистическую элиту консервативной народной массе, о буржуазии как классе перестали говорить, будто протагонистов и аутсайдеров капитализма внутри элит, среди имущих не было. Но ведь именно протагонисты и составили класс буржуазии во всех его ипостасях: экономической, социальной, политической, духовной.**

Анализ социальной жизни XVIII в. затруднен тем, что привычные с XIX в. термины и понятия нередко имели в XVIII в. иные значения. К тому же они никем не были сведены в систему, хотя о классах, буржуа, буржуазии, капиталистах писали и говорили повсюду. Попытаемся распутать клубок представлений и реалий, связанных с процессом формирования и развития класса буржуазии на исходе старого порядка.

Понятие общественного класса может иметь операционное значение при интерпретации многовекового (начиная с эпохи первобытности) разделения общества на богатых и бедных, эксплуатируемых и эксплуататоров, людей умственного труда и людей физического труда. Но помимо этого членения докапиталистические общества всегда имели свои специфические формы организации, которые всегда были особенно значимы для высших слоев. Варны, касты, сословия несводимы к классам и невыводимы из них. Об этих специфических формах организации всегда знали сами люди, их создавшие и в них входившие. Эти формы фиксировались в праве обычном или писаном. Они могли выступать при определенных обстоятельствах в качестве субъектов исторического действия.

Во Франции классы как реальность общественного сознания людей возникают в XVIII в., хотя термин «класс» получал социальное звучание иногда и в XVII столетии.

Абсолютистское государство, подчиняясь экономической необходимости, невольно способствовало разрушению сословий и вынуждено было, прежде всего в фискальных целях, вводить новые социальные разграничения.

В 1695 г. все французское общество было разделено королевской декларацией на 22 класса. Деление имело сугубо фискальную направленность и было вызвано тяжелейшим финансовым положением королевства, но факт остается фактом. Король, исходя из государственных интересов, отчасти презрел сословное деление. Так, к первому классу были отнесены дофин, другие принцы крови и генеральные откупщики, в десятом фигурировали знатные дворяне, нотариусы, банкиры и т.д. Классом в декларации называлось объединение людей, наиболее близких «по профессиональной деятельности, статусу и качеству». Аморфно и малопонятно. Тем не менее это официальное освящение нового фискально-социального членения общества было симптоматичным.

Но классы невозможно создать государственным императивом. Они формируются спонтанно. Для их образования необходимо не принуждение, а свобода от него. Новый тип разделения труда, порождаемый капитализмом и порождающий капитализм, лежит в основе процессов классовобразования.

Не слово, не термин, а понятие «класс» («общественный класс») возникает под пером политэкономов. Это понятие рождается при анализе производительного труда. Всерьез о классах первыми во Франции заговорили физиократы. Нация, считал основатель этой наполовину школы наполовину секты доктор Кенэ, состоит из трех классов граждан: класса производительного, класса собственников и класса бесплодного. К первому относятся все лица, занятые обработкой земли. Создаваемое ими богатство распределяется на чистый продукт, или доход, и на средства для возмещения производственных затрат, в свою очередь распадающиеся на первоначальные издержки и ежегодные издержки. Первоначальные издержки, по существу, являются эквивалентом понятия «основной капитал», ежегодные — эквивалентом понятия «оборотный капитал». Класс собственников, отмечает Кенэ, включает в себя государя, землевладельцев и получателей десятины, его существование обеспечивается получением чистого продукта. Бесплодный класс образуют граждане, занятые всеми видами неземледельческого труда, т.е. рабочие, ремесленники, торговцы, негоцианты, все предприниматели. Разбивая общество на специфические классы, Кенэ исходил не из принципа разделения труда, а из характера распределения в обществе продукта, произведенного в земледелии. Взаимоотношения между классами выступали у него не в качестве естественной, «богом данной» кооперации, а в качестве постоянно повторяющегося акта купли-продажи. Таким образом, согласно концепции Кенэ, общество представляло собой огромный саморегулирующийся рынок, из сферы его действия выпадало только самое первичное отношение между производительным классом и классом собственников. Вопросом происхождения и законности земельной ренты Кенэ не занимался, тезис о законности платы за пользование земельной собственностью он принимал как нечто само собой разумеющееся.

Всеобщность рынка была осознана Кенэ в самом первом приближении. Природу экономических отношений внутри выделенных классов он не рассматривал.

Теоретическую условность трехклассной схемы Кенэ в значительной степени преодолел (сам, впрочем, полностью не осознав того) А.-Р.-Ж.Тюрго. Трудно выявить точное соответствие между общественным развитием и движением экономической мысли, объяснить, почему Тюрго оказался способным синтезировать концепции двух политэкономических традиций, представленных в первую очередь именами доктора Кенэ и почетного интенданта торговли Ж.-К.-М.Венсана де Гурнэ. Но очевидно, что движение экономической мысли является органической частью общественного движения и процесс классовобразования невозможно представить, абстрагируясь от форм осмысления этого процесса в теоретическом сознании.

В 1766 г. Тюрго написал свою самую знаменитую экономическую работу — «Размышления о создании и распределении богатств». Исходные его построения почти не отличаются от концепции Кенэ. Ключевой тезис Тюрго: «Труд земледельца — единственный труд, производящий больше того, что составляет оплату труда. Поэтому он единственный источник всякого богатства». В соответствии с этим Тюрго считал, что общество разделяется на три класса, но гораздо больше, чем Кенэ, интересовался проблемой разделения труда. И хотя он в духе своего времени апеллировал к «природе вещей», его экономическое мышление было не лишено стихийного историзма. Поначалу, согласно концепции Тюрго, разделение труда приводит к возникновению двух классов. Первый класс «своим трудом... извлекает из земли богатства, постоянно воспроизводящиеся, доставляющие всему обществу средства к существованию и материалы для удовлетворения всех других потребностей; второй (класс) занят тем, что обрабатывает произведенные материалы и придает им формы, в которых они становятся пригодными для использования людьми; (этот класс) продает свой труд первому и получает от него в обмен средства существования». Но с возникновением собственности и неравенства происходит отделение землевладельца от собственника: возникает третий, «незанятый» класс, впрочем, также, по Тюрго, имеющий свое место в системе разделения труда. «Класс собственников, единственный, который, не будучи привязан к какому-либо особому труду необходимостью добывать средства к существованию, может быть призван к несению (таких) общественных обязанностей, как воинская и исполнение правосудия; (он может выполнять их) либо личной службой, либо выплачивая часть своего дохода, на который государство или общество нанимает людей для выполнения этих обязанностей». Но эти виды деятельности собственников не очень интересовали Тюрго. Способы получения дохода — вот проблема, которая более занимала его ум.

В соответствии с этим своим интересом Тюрго рассмотрел следующие способы извлечения дохода из земельной собственности: эксплуатация наемных работников, рабов, сервов, исполщиков и сдача земли в аренду. Но он не замыкался на политэкономическом анализе сельского хозяйства. Возможность получения дохода Тюрго усматривал и в других сферах. От анализа земли как источника богатства он шел к анализу движимого имущества, которое периодически называл капиталом. Более того, он сделал вывод, что «движимые богатства составляют необходимое предварительное условие всех прибыльных работ».

Движимое имущество, писал Тюрго, выступает в роли функционирующего капитала, который распадается на авансы на постройку здания, средства на закупку материалов и на заработную плату рабочим (постоянный и переменный капитал по К. Марксу). Промышленный или бесплодный класс оказался разделенным надвое, распался на два разряда: на предпринимателей-мануфактуристов, хозяев-фабрикантов, обладателей больших капиталов, которые они употребляют для получения прибыли, и на простых ремесленников, которые не имеют ничего кроме своих рук, которые авансируют предпринимателям только свой ежедневный труд и прибыль которых сводится к заработной плате. Но тут же обнаружилась частичная идентичность промышленных и сельскохозяйственных предпринимателей (арендаторов) с политэкономической точки зрения. «Владельцы крупных капиталов, стремящиеся извлекать из них доход путем вложения в земледельческие предприятия, берут земли в аренду, дорого платят собственникам за наем и принимают на себя обязательство совершать все предварительные затраты на обработку. Их участь должна быть схожей с участью предпринимателей-фабрикантов: как и последние, они должны совершить первые вложения в предприятие, обеспечить себя скотом, лошадьми, пахотными орудиями, купить первые семена; как и фабриканты, они должны содержать и кормить возчиков, жнецов, молотильщиков, слуг, рабочих всякого рода, которые обладают лишь руками, авансируют только свой труд и добывают лишь заработную плату».

Капитал, приносящий доход, Тюрго обнаружил также в торговле и в кредитном деле. Соответственно капиталистами оказались в его представлении также торговцы и заимодавцы (банкиры, рантье, буржуа). Отметим попутно, что торговцев он дифференцировал только с технической точки зрения, а не политэкономической. Ему казалось, что и розничный торговец, и крупный негоциант равно получают прибыль, пропорциональную капиталу каждого из них.

Итак, Тюрго выдвинул концепцию классовой структуры, принципиально отличную от физиократической схемы. Но он не сумел оценить своего собственного открытия. Ему казалось, что его рассуждения о способах употребления капитала вполне вписываются в трехклассную систему Кенэ. Единственное сомнение у него вызвал вопрос о месте в ней «капиталистов, отдающих деньги в займы». Это сомнение Тюрго разрешил, отнеся их к незанятому классу. Правда, он сделал оговорку: «...капиталист — заимодавец денег должен быть рассматриваем как торговец».

товаром, который безусловно необходим для производства богатства и не может быть в слишком низкой цене... Отсюда можно заключить, что заимодавец денег принадлежит к незанятому классу как личность, ибо ему нечего делать, но не по природе своего богатства». Остальных капиталистов Тюрго распределил по соответствующим физиократическим классам уже без колебаний: торговцев и мануфактуристов — в промышленный (он же коммерческий, незанятый) класс, фермеров-арендаторов — в земледельческий.

Мысль гениального экономиста лишь нащупала контуры нового социального образования. Но формулировки Тюрго были еще слишком осторожны, слишком сложны и двусмысленны. Даже умнейшие люди из числа его современников их не поняли, не оценили. Словом «класс» продолжали обозначать социальные группы самого различного характера.

И тем не менее представление о буржуазии как о классе постепенно пробивало себе дорогу, о чем свидетельствуют некоторые случайно оброненные фразы людей конца XVIII в. Ходатайствуя о королевском адвокате, мечтавшем получить дворянское звание, интендант его провинции писал в 1775 г. Бертену, временно исполнявшему тогда обязанности государственного секретаря по иностранным делам: «Среди ремесленников, в классе буржуазии (курсив мой. — Е.К.), так же как и в дворянском сословии, мало найдется семей, которые не были бы ему обязаны своим покоем и благополучием». (Государственные люди в силу характера повседневной деятельности вынуждены пользоваться часто общими понятиями, но их «социологические» находки чаще всего умирают в бюрократической переписке и в официальных докладах начальству.)

Что касается массового общественного сознания даже образованных людей, абсурдно было бы ожидать от него строгой концептуальной определенности. Массовые представления об общественном классе всегда приблизительны. На степень завершенности (но не в плане законченности) становления той или иной социальной группы указывает наличие у нее просто названия, необязательно сопряженного устойчиво с такими понятиями, как класс или сословие. В конце XVIII в. капиталистические предприниматели уже имели такое название. Именно в этом качестве слово «капиталисты» использовал Тюрго. А судя по художественной литературе, официальным документам и переписке, оно в ту пору имело во Франции уже широкое распространение.

В среде образованных его употребляли самые различные люди. Убедя французских мореходов смело вести корабли в северные моря для установления прямых контактов с Российской империей, составители «Коммерческого атласа» отец и сын Леклерки писали: «Мы надеемся, что впредь наши негоцианты не будут прибегать к ненужной помощи английских и голландских компаний для сношения с Петербургом. Не следует думать, что торговлю с этой империей могут вести только капиталисты, там лично пользующиеся доверием...». Хранитель печати французского королевства Гю де Миромениль, разрабатывая новый торговый кодекс, предлагал четко определить положения о юридическом статусе акционерных обществ, он видел в этих положениях «наиболее надежное средство расширить и увеличить возможности негоциантов и тем самым создать условия, при которых капиталисты могли бы с уверенностью судить о том доверии, которое они могут оказать своим торговым партнерам». Слово «капиталисты» было столь расхожим во всей Европе, что российский посол в Париже князь И.С. Барятинский с уверенностью употребил его в послании к Екатерине II: «С некоторого времени американский кредит во Франции начинает падать, — описывал он в феврале 1780 г. перемену в отношении торговых кругов Франции к Северной Америке. — Здешные коммерсанты с тех пор, как завели с сими колониями дела, не были еще никогда заплачены; в городах Бордо и Нант часть знатных капиталистов от сих дел объявились банкротами»¹⁶.

Конечно, массовые общественные представления дореволюционной эпохи о капиталистическом классе существенно отличались от послереволюционных. В начале XIX в. классы — это уже не одно из множества обозначений социального членения общества, это главное обозначение: все более или менее грамотные люди знали о существовании высшего класса — аристократии, дворянства, среднего класса — буржуазии и низшего класса — народа (иногда в этом смысле говорили о пролетариате, о рабочем классе). Подобного расхожего представления о среднем классе в XVIII в. не было.

Существует динамическое, т.е. относительное, равновесие между научным знанием, обыденными представлениями и типом общества, а также уровнем его развития. Построения Тюрго — не только этап в развитии политэкономической теории, но и реальное свидетельство современника. Надысторичных теорий не бывает. В тезисах «Размышлений о создании и распределении богатств», по существу, содержится концепция капиталистического класса и дано его внутреннее членение: коммерсанты, мануфактуристы, фермеры, заимодавцы.

И все же политэкономические абстракции, даже самые точные, не только раскрывают, но и заслоняют конкретную, столь противоречивую историческую реальность. Как концепцию капиталистического класса, лишь несколько форсируя ее выводы, можно обозначить тезисы «Размышлений о сознании и распределении богатств», посвященные мануфактуристам, фермерам, торговцам, заимодавцам, использовавшим капитал для извлечения прибыли.

Нет историка-марксиста, который не знал бы положения из «Манифеста Коммунистической партии»: «Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений...» И тем не менее представление о капитализме как о системе, которая при всей своей изменчивости принципиально не меняется, чрезвычайно распространено. Промышленную основу капитализма многие считают одинаково значимой и для XVI, и для XVIII, и для XIX в. По-видимому, это связано с решительным осуждением у нас в стране в 30-е годы концепции торгового капитализма, в результате чего было прекращено научное изучение роли торговли в генезисе капиталистического способа производства. Вот уже на протяжении полувека торговля, по существу, находится вне теоретического осмысления советских историков, занимающихся исследованием ранних этапов развития капитализма. Это осложняет понимание истории буржуазии допромышленной поры, в частности французской буржуазии старого порядка, наиболее многочисленным и наиболее значимым компонентом которой являлись именно коммерсанты.

В XVIII в. торговля (и особенно внешняя) была наиболее динамично развивающимся сектором французской национальной экономики. С 1716—1720 гг. по 1784—1788 гг. согласно различным подсчетам объем внешней торговли Франции вырос приблизительно в пять раз. По темпам роста внешней торговли ей уступала даже Англия. С 1716 по 1776 г. внешнеторговый баланс Франции имел постоянно положительное сальдо, лишь в 1777 г. впервые за длительный срок наблюдался дефицит торгового баланса. В 1787 г. на внешних рынках было реализовано на 326,1% промышленной продукции больше, чем в 1716 г.

Внешняя торговля, неэквивалентная во многих отношениях, позволяла сколачивать чрезвычайно крупные состояния в короткие сроки. История сохранила имена крупнейших негоциантов XVIII в., арматоров Бордо, Нанта, Марселя, Сен-Мало, Гавра, этих судовладельцев и купцов, финансировавших и снаряжавших большие торговые экспедиции в Америку, Азию, Африку. Слово «экспедиция», подчеркивающее риск и определенную неповторимость предприятия, точно характеризует морскую торговлю XVIII в.

В середине века своего рода марсельской знаменитостью был Ж.Ру, по прозвищу Корсиканец. С 1733 по 1749 г. один или в компании с братом он снарядил 61 корабль. В Руане в XVIII в. коммерсанты чаще всего отправляли от 2 до 5 кораблей, но некоторые — по 24 и даже по 27 судов. Семейство Монтоденов в Нанте владело 17 судами и вело торговлю со всеми частями света. А.Вальш, богатейший работородец, только в 1748 г. снарядил флотилию в 13 судов.

Сохранились данные о 6300 (60% из всех имевших место) морских торговых экспедициях, снаряженных в Нанте с 1694 по 1792 г. Большая часть экспедиций приходилась на 76 наиболее состоятельных семейств арматоров, каждое из них отправило более 20 экспедиций. Семейства не столь богатые (таких среди арматоров Нанта было около 120) подготовили 2200 экспедиций.

Часть капиталов, аккумулированных в торговле, инвестировалась в промышленность, и негоцианты выполняли одновременно функции мануфактуристов. В 1671 г. крупный коммерсант О.Мажи стал владельцем сахароварни в Марселе; знаменитое впоследствии марсельское производство мыла также было начато благодаря купеческим капиталам. Первую ситцепечатную мануфактуру в Нанте основали в 1729 г. три арматора.

Внешняя торговля питала капиталами не только прибрежную зону, стимулировала не только промышленность портовых городов. Некоторые города внутренней Франции также работали на внешний рынок и обогащались за счет заморских экспедиций. Значительная часть продукции сукнодельческих, шелковых мануфактур и мукомолен Монтобана поступала в Бордо для дальнейшей отправки в колонии. Многие торговцы Гренобля из числа суконщиков, галантерейщиков, бакалейщиков, гренобльские владельцы полотняных мануфактур имели интересы на Санто-Доминго; семейства Доллей и Раби владели там плантациями, экспортировали продукцию своей провинции через Бокер и Бордо, импортировали сахар и ром.

Ощущение, что коммерция — это особая область, наиболее быстрым способом обеспечивающая стране богатство и в то же время генерирующая духовные ценности, отличные от традиционных, посещало наиболее проницательных французов уже в начале XVII в. В трактате, в названии которого впервые в истории появилось словосочетание «политическая экономия», врач и экономист А. де Монкретьен (1575—1621) писал: «Мы ныне живем золотом и серебром, они удовлетворяют потребности всех людей...» Деньги, столь необходимые для государственных нужд, продолжал он, «извлекаются из налогов, уплачиваемых с торговли», а поэтому для государства необходимы и полезны купцы. Утверждая прагматизм, присущий политэкономии, видимо, с самого ее рождения, Монкретьен объяснял, что купцы больше заботятся о своих прибылях, чем об интересах общества, но это понятно и допустимо: без жажды прибыли они не стали бы подвергать себя риску на море и на суше.

Спустя полтора столетия Ш.-Л.Монтескье четко сформулировал особое духовное кредо коммерсантов: «Дух торговли порождает в людях чувство строгой справедливости; это чувство противоположно, с одной стороны, стремлению к грабегам, а с другой — тем моральным добродетелям, которые побуждают нас не только преследовать неуклонно собственные выгоды, но и поступаться ими ради других людей».

В обществе никогда не существует четкого, совершенно однозначного представления о какой-либо социальной группе, но в определениях, которые случайно даются людьми или преднамеренно формулируются, почти всегда есть некий смысловой центр, точка распознавания, которая не позволяет спутать данную социальную группу с какой-либо еще. В XVIII в. торговых людей во Франции обозначали два слова: «негоцианты» и «торговцы». Часто они использовались как синонимы. В конце века против этого со всей решительностью выступил инспектор мануфактур (в будущем один из лидеров жирондистов) Р. де ля Платьер. Он писал в «Методической энциклопедии»: «Всегда и везде смешивают понятия «негоциант» и «торговец», даже корабейник присваивает себе первое из этих званий, а продающий ему какую-нибудь мелочь лавочник так и называет его негоциантом. В действительности Франция располагает определенным количеством предпринимателей, у нас много фабрикантов, много торговцев, негоцианты же очень редки. Из всех городов, что я знаю, они есть в Бордо, Нанте, Руане, Марселе. В Париже их нет, там имеются лишь денежные воротилы, спекулянты, банкиры, люди, торгующие ценными бумагами, облигациями государственных займов, они наживаются на наших общественных бедах, все это не более чем торговцы и дельцы. Истинная негочия родственна дипломатическому искусству; подобно дипломату, ведущему переговоры, негоциант вступает в разного рода отношения, имеет большие интересы, широкий взгляд на вещи; подобно политику негоциант должен понимать дух различных наций, их законы, обычаи, он должен уметь распознавать чуждые интересы и, используя их, добиваться наибольшей выгоды».

Всякий же человек, занимающийся только покупкой и продажей, ведет ли он торговлю за наличные или с отсрочкой платежа, обменивает ли одни товары на другие, занимается ли комиссионными сделками, идет ли на заранее оговоренные поставки, ведет ли крупные или мелкие дела, все едино — перед нами не более чем торговец».

Никак юридически не зафиксированное и тем не менее очень значимое в глазах самих людей торговли это различие родилось задолго до рассуждений Ролана. Еще в мемуаре к Людовику XIV, составленном входившими в Торговый совет королевства крупнейшими негоциантами, со всей определенностью говорилось: «Поскольку Ваше Величество объявили, что они желают благоприятствовать процветанию торговли, депутаты торговли считают, что намерениям Вашего Величества в этом направлении могло бы способствовать оказание знаков уважения негоциантам... При условии положительного отношения Вашего Величества, так как термин "торговец" слишком общий, слишком широко его значение, желательно было бы отделить лиц, занимающихся оптовой торговлей на море и на суше, и называть их исключительно негоциантами; за теми же, кто занят розничной торговлей, сохранить название "торговцы"».

В рескриптах самого Людовика XIV также иногда проводилось различие между негоциантами и торговцами. Так, в эдикте 1660 г. о составе муниципального совета Марселя король предписывал: «Первый эшевен должен быть избран из числа тех, кто входит в ложу (прообраз марсельской биржи. — Е.К.) и держит банк, или из числа негоциантов... последний — из числа буржуа или торговцев».

Французский историк Ш.Карьер, специально изучавший обозначения крупных коммерсантов в XVII—XVIII вв., считает, что приблизительно к 1716 г. в официальных документах повсеместно было принято четкое разграничение между торговцами и негоциантами.

Негоцианты занимались крупной, оптовой торговлей, торговцы преимущественно — мелкой, розничной. Негоцианты издавна пользовались большой свободой, находясь вне цеховой системы; значительная часть торговцев входила в корпорации.

Было и еще существенное различие: негоцианты вели приходные и расходные книги, имели упорядоченную бухгалтерию; мелкие торговцы обходились без записей, тем более что далеко не все из них владели грамотой.

Конечно, были исключения в виде самозванцев, принимавших громкое имя негоцианта ради эфемерного повышения социального статуса; видимо, так можно объяснить тот факт, что некоторые лица, назвавшие себя негоциантами при вступлении в брак, предпочли умолчать о размерах своего состояния, а состояния их избранниц были довольно скромными. Например, девять парижских негоциантов из числа вступивших в брак в 1749 г. не указали размеры своих состояний; у одной из их невест имущество не превышало 500 ливров, у семерых колебалось от 2 тыс. до 15 тыс. ливров. Зато у пятерых негоциантов, чьи состояния были объявлены, они составляли от 50 тыс. до 300 тыс. ливров. Случаи появления самозванцев лишь подтверждают значимость звания негоцианта. Крупная торговля и с точки зрения ценностной системы старого порядка котировалась несравненно выше, чем мелкая, даже дворяне могли ею заниматься без ущерба для своего достоинства. Правда, несмотря на официальную допустимость, торговлей занималось мало дворян. Зато эти нарушители сословных традиций обычно входили в число богатейших негоциантов, и с экономической точки зрения их вес был весьма значительным. Среди нантских арматоров было пять дворянских семей. Они снарядили 385 экспедиций, т. е. в среднем по 75 экспедиций на каждое семейство — размах торговых операций очевиден.

Негоцианты представляли собой разнородную группу и по сословной, и по религиозной, и по национальной принадлежности. Еще в XVII в. торговые колонии голландцев обосновались в городах западной Франции, а также в Марселе. Для XVIII в. была характерна иммиграция швейцарских дельцов, вкупе с немцами они активно действовали в Марселе, Лориане, Бордо. Среди негоциантов Нанта было немало выходцев из Шотландии и Ирландии. В Марселе с 20-х годов XVIII в. все большее могущество приобретали протестантские торговые династии Сонманди, Юг и Рабо. Позже они укрепились и в Бордо. В число богатейших лиц Бордо входили также некоторые члены еврейской торговой колонии; особенной известностью пользовались имена А.Градиса и Ж.-Н.Перейры.

Не представляя собой единой, сплоченной группы, негоцианты тем не менее добивались утверждения в обществе одних и тех же принципов. Их разобщенность совершенно особого рода: сама конкурентная борьба, которую они вели между собой, служила условием того, что они прекрасно знали друг друга не только в рамках города или региона, но часто и в рамках страны.

В конце XVIII в. во Франции промышленность еще только вычленилась в самостоятельную сферу человеческой деятельности. Само слово «Industrie» чаще всего понималось как ловкость, умение. В 4-м издании «Словаря Французской академии» (1762) для пояснения этого слова давались примеры: «Это ловкий человек (homme d'industrie). У него нет никакого определенного дохода, но он трудолюбив, он кормит семью своим трудом, своей ловкостью (par son industrie). Говорят: живет благодаря своему проворству (d'industrie), что означает умеет находить плохие ли хорошие ли средства к жизни». Слово «Industrie» употреблялось также в противопоставлении реальным фондам чего-либо нематериального. В этом случае оно принимало значения «труд», «торговля», «знание». В «Универсальном словаре торговли» слово «Industrie» отсутствует.

Промышленность не представляла собой единого феномена. Мы включаем сегодня в понятие «промышленность XVIII в.» ремесла, горное дело, металлургию, мануфактуры, в том числе рассеянные. Но в те времена типологическую родственность всех этих видов промышленного производства никто не замечал, зато их различия были всем очевидны. Люди XVIII в. могли рассматривать мануфактуры как одну из отраслей торговли; ремесла входили в состав «искусств и ремесел» («arts et metiers») — исторически сложившегося комплекса, в котором соседствовали аптекарское дело, хирургия, торговля скобяными товарами, починка обуви и т.д. О горных разработках почти всегда говорилось как об особом и обособленном виде производства. Новый взгляд на промышленность не проник даже на страницы «Энциклопедии» Д.Дидро и Ж.д'Аламбера. Автор статьи «Торговля» Ф.Верон де Форбонне назвал мануфактуры в числе семи отраслей торговли: наряду с земледелием, свободными искусствами, рыболовством, мореходством, колониями и вексельным делом. Запоздалый меркантилист, Верон де Форбонне, хотя и выступал против физиократической концепции «стерильного класса», не смог разобраться в экономической сущности промышленного производства. А ведь он был человеком осведомленным уже в силу того, что служил в должности инспектора монетного двора. Экономические процессы долгое время плохо поддавались осознанию.

Между тем в XVIII в. промышленность Франции развивалась намного быстрее, чем в предыдущем. Объемы производства увеличивались. С 70-х годов начались первые попытки внедрения машин. Темпы промышленного роста в 1700—1780 гг. в среднем превосходили 1 % в год, а по некоторым подсчетам приближались к 1,9%. До 70-х годов Франция по этому показателю не уступала Англии.

Мало кто подобно Тюрго объединял хозяев промышленных предприятий в одну группу. Да и как обычный человек мог уловить сходство столь различных владельцев. По данным обследований 1771—1788 гг., из 603 металлургических предприятий, расположенных в 21 генеральстве, 57 (9,4%) принадлежали церкви, 304 (50,4%)—дворянам шпаги и мантии, среди владельцев из третьего сословия были финансисты и крупные негоданты, торговцы и бывшие ремесленники.

В некоторых местностях доля «благородных» в составе хозяев металлургических предприятий была особенно высока. Во Франш-Конте она достигала 52%, в Алансонском генеральстве — 84%, в Реннском — 86% ⁴⁰. Помимо металлургии дворянство не считало для себя зазорными каменноугольные разработки. Шевалье де Солаж начал разработки в Кармо, герцог де Бетюн-Шарро — в Рош-ля-Мольер, маркиз де Серне и принц де Круа — в Анзене. Но дворянский капитал проникал и в отрасли традиционно для него чуждые: в текстильную, в зарождавшуюся химическую. Первые полотняные мануфактуры в Эльзасе были основаны бароном де Вальднером и герцогом де Де-Пон; химическое производство в Жавеле субсидировалось графом д'Артуа; вкладывал деньги в текстильные и стекольные мануфактуры герцог Орлеанский.

Но численно среди промышленных предпринимателей преобладали, безусловно, ротюрье. Даже в металлургии и каменноугольной промышленности позиции ротюрного капитала были очень солидными. Шахты Сент-Этьена, Рив-де-Жье, Алеса принадлежали третьему сословию, в металлургии Севера и Востока, в провинции Дофине и Сент-Этьене третье сословие преобладало.

Многие из наиболее технически передовых предприятий были созданы и управлялись иностранцами, в первую очередь англичанами. В середине века из Англии во Францию переехала группа католиков-якобитов, среди них Д.Холкер, приложивший впоследствии немало усилий для технического перевооружения французского бумагопрядения. Он основал во Франции несколько хлопчатобумажных ткацких и прядильных мануфактур, на которых под руководством английских специалистов проходили курс технического обучения французские работники. В 1755 г. Холкер получил от короля Людовика XV звание «генерального инспектора мануфактур, действующих на иностранный лад, и всех рабочих-иностранцев». Мануфактуры в г.Брив, в Сансе, в Невилле на Соне были основаны англичанами Т.Леклерком, Г.Хэллом, Ж. Мильном.

В конце XVIII в. имелись уже предприятия очень значительных размеров. Крупнейшим предпринимателем в металлургии был Дитрих, будущий мэр-фейян Страсбурга, владелец промышленного комплекса в Эльзасе, включавшего заводы в Жагертале, Нидер-бронне, Райхшоффене, Ротау. Более 800 рабочих обслуживали домну и четыре горна в Нидербронне. Металлургическое производство в Жагертале состояло из домны, пяти плавильных и пяти обжигательных печей, двух тяжелых молотов на приводе от водяного двигателя. В Райхшоффене были домна и плавильня, в Ротау—домна, плавильня, кузница, две точильные мастерские. Создание и эксплуатация крупных, отвечавших техническим требованиям времени металлургических предприятий и каменноугольных шахт вызывали потребность в концентрации капитала. Появлялись коммандитные и первые акционерные общества. При поддержке королевской власти в 1782 г. было образовано акционерное общество Крезе с капиталом в 10 млн ливров. Были выпущены 4 тыс. акций стоимостью 2500 ливров каждая. Компаниями эксплуатировались шахты Кармо, Анзена, Литри, Алеса. Но эти компании были исключительным явлением, к тому же составлялись они чаще всего из родственников и близких знакомых.

Анонимный капитал не соответствовал ни нормам действовавшего торгового кодекса, ни хозяйственным привычкам самих деловых людей.

Наемные работники еще не создавали проблем, которые требовали бы от предпринимателей координации действий. Наоборот, борьба за привилегии, за государственную финансовую помощь, конкуренция разъединяли. Свои профессионально-экономические интересы каждый защищал в одиночку или в рамках семьи и семейных связей. Гражданские интересы промышленников, негодантов, банкиров отстаивали в основном другие — литераторы, члены парламентов, философы, либеральные бюрократы. Редко кто из предпринимателей увязывал гражданские и экономические интересы воедино.

Из всех групп формировавшегося класса буржуазии кануна революции в отечественной историографии, пожалуй, лучше всего изучено капиталистическое фермерство. Значительная часть сельскохозяйственных угодий сдавалась в капиталистическую краткосрочную аренду в окрестностях Парижа (уже больше половины), во Фландрии, Эно, Кабрези, Пикардии, Северо-Восточной Нормандии, в областях Бос и Бри. Фермы нередко достигали очень больших размеров — в Нормандском Вексене были хозяйства в 137, 160, 243 га, в области Бос — в 153, 200, 229 га, в Пикардии—в 145, 185, 360 га. В податном округе Мо в конце XVIII в. в местностях Мюльтен и Франс на долю ферм площадью более 120 га приходилось более 40% земли. Правда, редко эти арендованные угодья составляли единый массив. В тех же местностях Мюльтен и Франс в 1771 г. земли крупнейших (имевших более чем по 200 га) арендаторов распадалась у тринадцати на две отдельные фермы, у четверых на три, у остальных на еще большее число.

Фермеры являлись собственниками сельскохозяйственного инвентаря, рабочего и продуктивного скота, держали постоянную наемную силу, в страду нанимали сезонных рабочих.

Размеры ферм диктовались спецификой землепользования в том или ином районе, степенью близости к крупным городам, особенностями почвы. Во Французской Фландрии площадь фермы обычно не превышала 25 га, но такое хозяйство могло быть доходнее пикардийской или босской фермы размером в 130 га. Физиократ де Нефшато в комментариях к трактату XVII в. де Серра дал описание типичной фермы во Фландрии: площадь ее угодий—22,3 га; производственный капитал—6 тыс. ливров; доход—10016 ливров, из них 9730 ливров (97%) от зернового хозяйства; расход— 9240 ливров; арендная плата — 1920 ливров (20,8% всех расходов, остальные расходы шли на налоги, оплату поденщиков и разные производственные траты); чистый доход—776 ливров (7,7% от валового).

Чрезвычайное трудолюбие, бережливость, неутолимая жажда укрепления своего достатка были характерны для этих сельских предпринимателей. Им приходилось вести глухую, незаметную борьбу как против окрестных крестьян, так и против конкурентов в своей среде. «От жадности и властолюбия крупных фермеров страдают не только простые крестьяне, владельцы небольших участков земли, но и фермеры средней руки, которых они вытесняют. В податном округе Крепи насчитывается 43 заброшенных с 1728 по 1762 г. здания бывших ферм, их земли присоединены теперь к соседним угодьям крупных арендаторов», — писал аббат Карлье, изучавший экономические порядки герцогства Валуа в 60-е годы XVIII в.

Использование категорий, разработанных Кенэ и Тюрго, позволяет выявить экономическую анатомию французской буржуазии XVIII в. и в то же время не слишком ее модернизировать, что было бы неизбежно при прямом сведении реалий XVIII в. к понятиям XIX или XX столетия. В идеале первоначальная историческая реконструкция всегда должна осуществляться с помощью научного аппарата соответствующей эпохи. Но, по-видимому, только первоначальная, только исходная реконструкция. Далее ограничиваться использованием достижений теоретической мысли того же XVIII в. нельзя, и от понятий Кенэ или Тюрго исследователь переходит к более поздним, более изощренным средствам познания социальной действительности.

К «капиталистам, отдающим деньги взаймы» в XVIII в. относились банкиры, финансисты, рантье и традиционные ростовщики. Все ли они по своей политэкономической сути относились к формировавшемуся классу буржуазии?

Е. М. Кожокин

С формальной точки зрения эти категории лиц занимались различными видами ссудных операций. Финансисты ссужали деньги государству; банкиры во Франции XVIII в. чаще всего обеспечивали кредит частным лицам и компаниям. К сожалению, о традиционных ростовщиках и их полуподпольной деятельности известные нам источники молчат. Ростовщики обслуживали нужды мелкого народа и вместе с ним терялись в неизвестности. Большинство рантье назывались в ту пору «буржуа». О них мы особо скажем несколько ниже. А сейчас — о банкирах и финансистах.

Считается, что период формирования во Франции первых элементов банковской системы и появление банкира как специфической профессии приходится на 1725—1770 гг. Действительно, к концу данного периода специфически банковская деятельность позволяла уже сколачивать во Франции крупные состояния. Банковское общество Туртон и Бор увеличило свой капитал со 175 тыс. ливров в 1740 г. до 1025 тыс. ливров в 1760 г., оборот банка Ванденивера составил в 1789 г. более 30 млн ливров.

Второразрядный парижский банк Дюфура, Малле и Ле Руайе в 1770—1771 гг. имел 354 открытых текущих счета, всего же у него было 176 клиентов-корреспондентов во Франции и 179 за рубежом (местонахождение еще 13 клиентов банка в настоящее время установить невозможно). Внутри страны более всего клиентов этого банка насчитывали портовые города: 32 — Бордо, 15 — Марсель, 10 — Нант, 9 — Руан; что касается заграничных клиентов, то в Женеве их было 50, в Швейцарии — 34, в Англии — 26, в Голландии — 22, в Германии — 15 (из них 7 в Гамбурге и 4 во Франкфурте), в Испании — 14, в Португалии — 4, в Италии и Пьемонте — 8, в австрийских Нидерландах — 6, в самой Австрии — 1. Банк имел довольно узкую специализацию: он занимался конверсией и переводом государственных ценных бумаг, различными комиссионными сделками, получением за своих клиентов рентных платежей. Этими операциями определялся круг информации, которой должен был располагать управляющий банка Р. Дюфур и его служащие.

Повседневная рутинная работа требовала от капиталиста-банкира прежде всего точности и оперативности. Знаменитый банкир Жак Лаффит (1767—1844) писал в мемуарах: «Я много работал на протяжении 65 лет, и сейчас, когда мне уже 77, я продолжаю работать с тем же усердием, будто мне еще только предстоит создать мое состояние. Каждый день с 7 часов утра до 6 вечера я в своей конторе, и я надеюсь продолжать в том же духе до 100 лет, если Бог продлит мне жизнь».

Пожалуй, именно в банковской сфере наибольшее развитие получили рыночные отношения. Здесь как нигде рынок диктовал нормы труда, нормы поведения. В XVIII в. эти нормы были уже хорошо осмысленны и четко сформулированы, они не только передавались изустно, о них писали в трактатах, словарях, пособиях по коммерческой практике.

В многократно переиздававшемся на протяжении XVIII в. «Экономическом словаре», составленном Н.Шомелем и М.Данжу, говорилось, как обязан был вести себя маклер, или банковский агент, в функции которого входили различного рода посреднические операции (он не был банкиром и до современного брокера еще не дорос): «Банковские агенты должны быть скрытными, все видеть, все слышать и ничего не говорить; для них нет ничего более важного, чем коммерческая тайна, так как одним некстати сказанным словом банковский агент может разрушить кредит и, следовательно, привести к банкротству... в руках банковского агента состояние тех, кто пользуется его посредническими услугами, поэтому он должен быть всегда начеку: к примеру, он ни в коем случае не должен говорить о сделках, которые с его помощью собираются совершить какие-либо негоцианты и банкиры». Размещая векселя и банковские билеты, указывалось далее, маклер до получения согласия их принять должен воздерживаться от ответа на вопросы негоциантов о том, кому принадлежат размещаемые ценные бумаги, дабы не разглашать информацию о своих клиентах, возможно, находящихся в стесненных обстоятельствах. Каждый день и желательно по несколько раз маклеру следует навещать своих контрагентов, ибо валютный курс и курс ценных бумаг переменчивы, векселя постоянно падают и поднимаются в цене, даже с утра до полудня может произойти повышение или понижение денежного курса. Утром негоциант или банкир может помышлять о помещении своих денег и векселей в какое-либо дело, а в середине дня сам в них срочно нуждаться в силу событий, которые он не сумел предвидеть. Знаток коммерции Ж.Савари де Брюлон (1657—1716), характеризуя биржу, отмечал, что негоцианты посещали биржу с неизменной точностью, чтобы не вызвать подозрений в своем банкротстве или разорении. Деловому человеку даже при неимении конкретных дел следовало всегда посещать биржу для поддержания своего кредита.

Капитализм старого порядка, разрушая этот «порядок» в своих внешних второстепенных проявлениях, следовал его нормам. Корпоративные перегородки воздвигали в своей среде и «свободные» предприниматели. Негоцианты отделялись от торговцев, финансисты боролись с банкирами.

Финансы против банка. Помимо чисто экономической конкуренции эти два мира разделял религиозный принцип: финансисты — католики; банкиры (в значительной своей части) — протестанты. Отличались они и по характеру внешнеэкономической ориентации. Финансисты осуществляли операции с пиастрами Испании и испанских колоний, банкиры ориентировались на Англию, Швейцарию, северные страны.

По существу, финансисты входили в частную организацию, выполнявшую государственные функции. С 1726 г. действовала четко оформленная система государственных откупов. Сбор косвенных налогов был передан компании генеральных откупщиков, состоявшей из нескольких десятков крупнейших финансистов. В 1756 г. разрозненные бюро отдельных откупщиков были объединены в центральную контору генеральных откупов. Она возглавлялась «ассамблеей касс» (затем — «административным комитетом»), куда входили десять наиболее богатых и опытных

откупщиков. Ниже стояли специализированные ассамблеи, каждая из которых имела в своем распоряжении бюро наемных служащих. Член компании входил в состав нескольких ассамблей сразу. В некоторых провинциях для сбора налогов имелся аппарат провинциальных штатов, который обычно также представлял собой компании финансистов.

В середине XVIII в. финансисты не ограничивались откупными операциями. Известны гордые слова генерального откупщика и придворного финансиста Ж.-Ж. де Ляборда: «У меня двадцать кораблей в Америке, в Восточной и Западной Индии, в Гвинее. Сколько людей обеспечено работой! Сколько денег потрачено на пользу народу и дворянству!» Но постепенно экономическая активность финансистов свертывалась. Их капиталы или шли на покупку земельных угодий, или замыкались в рамках системы откупов. Финансисты оказались неспособными верно адаптироваться к кризисным явлениям 70—80-х годов, увеличившийся риск производительных инвестиций испугал их. По своей психологии они были более рантье и администраторы, чем предприниматели. Именно в те годы, когда закладывались основы нового капитализма, гораздо более динамичного, чем прежний, финансисты начали сходить со сцены большого бизнеса.

Некоторый взлет их экономической активности наблюдался в период пребывания Ш.-А. де Калонна на посту генерального контролера финансов. Калонн имел большие и стабильные связи в этой среде. Его первая жена Жозефина Анна Марке происходила из семьи финансистов. Марке входили в финансовую группу, объединявшую Ж.-Ж. де Ляборда, австрийскую финансовую династию Неттинов, генеральных откупщиков Пари-Дювернс и Лявивов. Финансисты готовы были покрыть дефицит казначейства в том случае, если Калонн добьется от Ассамблеи нотаблей утверждения территориального налога и гербового сбора. Калонн потерпел фиаско; почти одновременно с этим крупнейшие финансисты Бодар, Серийи, Марке объявили о своем банкротстве.

Крах, а впоследствии и физическая гибель финансистов приближались.

Ни один общественный класс ни в одну историческую эпоху не представлял собой экономически гомогенное образование. И среди французских предпринимателей конца XVIII в. было много лиц, получавших помимо предпринимательского дохода сеньериальные платежи, арендную плату или жалованье. Экономическая многоликость даже тех индивидуумов, которые основную часть своего времени посвящали коммерции или управлению банком, мануфактурой и т.п., — одна из отличительных особенностей класса буржуазии кануна революции. Буржуазия того времени — образование многослойное, имевшее капиталистическое ядро и более или менее удаленные, но тяготеющие к нему по характеру доходов, по экономическим, политическим, культурным устремлениям социальные группы. Одну из таких групп необходимо рассмотреть особо, ибо в ходе революции и в послереволюционную эпоху ее название станет родовым для всего капиталистического класса. Это — «буржуа».

Словари, столь часто исследуемые в последнее время историками, содержат информацию очень разнородную и, пожалуй, не менее субъективную, чем все прочие источники. Если словарь составлял ученый человек, проводивший свою жизнь среди книг и манускриптов, то почти обязательно в обстоятельном словнике будут изобиловать устаревшие, архаичные значения слов; редко кто из заядлых латинистов, знатоков грамматик и этимологии пита; интерес к просторечию, к ненормативной лексике рынков, шейных лагерей, дворянских пирушек. Но иногда словари составлялись бойкими писателями, вездесущими авантюристами, которых случай наделил легким пером, и хотя трудно понять, когда люди этого склада успевали сочинять объемные фолианты, именно из их сочинений можно почерпнуть богатую россыпь значений живого языка эпохи.

Трудно сказать, откуда А.Фюретьер, непоседа и бонвиван, брал свои познания. Во всяком случае, воздух эпохи в его «Универсальном словаре», безусловно, ощущается. Пестрота воспроизведенных Фюретьером трактовок слов ставит подчас в тупик современного исследователя. Не исключение его истолкование слова «буржуа». Приведем из «Универсального словаря» полный список значений и примеров употребления этого слова: «Буржуа — (1). Имя коллективное, обозначает совокупность народа, живущего в городе. Не следует буржуа давать в руки оружие. Порядок на рынках требует, чтобы буржуа снабжались ранее, чем торговцы и перекупщики. Слово буржуа происходит от немецкого слова бюргер. (2). Буржуа называют также любое частное лицо, проживающее в городе. Этот торговец, этот адвокат — добрые буржуа (горожане) (3). Слово буржуа обозначает также всех членов третьего сословия, отделяя их от дворян и духовенства, пользующихся особыми привилегиями, коих лишен народ. Государственные тяготы падают на буржуа. В этом же

смысле говорится: это дворянин, а это всего лишь буржуа. Та женщина — демуазель, а та — простая горожанка (буржуазка). (4). В некоторых кутюмах фигурируют королевские буржуа: это люди, имеющие привилегию быть подсудными только королевским судам, сеньериальная юрисдикция на них не распространяется, подобный статус оговорен в кутюмах Труа, Шампани, Шомона, Санса и Осера. (5). Рабочие называют буржуа человека, на которого они работают. Каменщик, ремесленник всегда стараются надуть буржуа. (6). Иногда слово буржуа употребляют для противопоставления куртуазного, светского человека человеку, не отличающемуся изяществом ни манер, ни ума, живущему и рассуждающему как простонародье... Слово буржуазия означает право получения определенных городских привилегий, это право приобретается по прошествии нескольких лет проживания в городе... Буржуазией называют также весь корпус буржуа».

Фюретьер дал очень широкий, но самый общий обзор значений слова «буржуа». В каждом городе Франции это слово имело свои нюансы.

В Париже в XVII — начале XVIII в. звание «буржуа» мог носить горожанин, проживший в столице не менее года и одного дня, не служивший слугой, не проживавший в ночлежке, уплачивавший муниципальные налоги. Приобретение статуса парижского «буржуа» влекло за собой существенные привилегии: освобождение от уплаты прямого налога — талы, право покупать в любом месте Франции фьефы без уплаты пошлины так называемой фран-фьеф, право носить оружие; парижский «буржуа» подлежал суду только парижских судебных инстанций, в его доме запрещалось расквартировывать солдат, он был свободен от призыва в ополчение (бан и арьербан), имел право беспошлинно ввозить в город сельскохозяйственную продукцию, полученную со своей земли, мог арестовать злостного неплательщика долга с помощью королевских людей.

В Лилле, лишь в 1667 г. завоеванном Францией у Испании, среди жителей выделялись две категории: «буржуа» и мананы. Звание «буржуа» покупалось у эшевен, в ту пору выборных муниципальных чиновников города, за сумму порядка 15 ливров. Оно было наследственным в том случае, если сын буржуа через год после женитьбы выплачивал определенную сумму и тем самым подтверждал свой статус. Это звание «буржуа» мог получить и дворянин; духовным же лицам его приобретать запрещалось. Статус «буржуа» гарантировал в Лилле определенные права: гражданские и уголовные преступления «буржуа» были подсудны только эшевенам; запрещалось накладывать арест на их движимое и недвижимое имущество; нельзя было арестовывать их за долги; только они имели право быть избранными в муниципалитет. В Лилле к этой категории населения принадлежали и лица очень скромного достатка — простые ремесленники, не имевшие в своей мастерской даже учеников или подмастерьев. При всем том в конце XVII в. лишь около 1/20 жителей города считались «буржуа». Звание «буржуа Лилля» покупалось и в предреволюционные годы. Все привилегии, связанные с ним, сохранялись вплоть до 1789 г. Во второй половине XVIII в., как и за столетие до этого, среди «буржуа Лилля» имелись ремесленники, мелкие служащие, негоцианты. Последние, согласно данным французского историка П.Пьерара, задавали тон. Всего накануне революции в Лилле было 2500 «буржуа».

Сохранилось любопытное суждение одного путешественника: «Жители Марселя подразделяются на два сорта граждан... Одних называют буржуа, других — негоциантами. Это будто два разных народа, которые под именем марсельцев составляют один. Буржуа скупы, негоцианты — расточительны; первые не отличаются учтивостью, вторые — сама вежливость; буржуа ведут незаметный образ жизни, негоцианты предпочитают роскошь. Манеры первых грубы и отдают деревенщиной; вторые стремятся к всеобщей любви и не скупаются на любезности. Единственно, что их объединяет, — это страсть к собственным загородным домам». На простоватость, некоторую грубость нравов, по свидетельству «Словаря французских пословиц» (1750), указывало и прилагательное «буржуазный». В этом же издании слово («буржуазна») приводится в значении «служанка».

Значения слова «буржуа», зафиксированные Фюретьером, сохранились в более или менее неизменном виде до Великой французской революции, а одно из них было живо в разговорном языке и XIX в.: в эпоху промышленной революции рабочие продолжали называть своего нанимателя «буржуа».

Но в XVIII в. это слово обрело и новый смысл. Им стали обозначать рантье, не занимающегося какой-либо производительной деятельностью, человека, пользующегося определенным достатком, живущего «на благородный манер», на государственную или частную ренту. По мнению современных французских историков А.Домар, Ф.Фюре, М.Вовеля, данное значение с середины XVIII в. даже стало доминирующим.

Во всяком случае, накануне революции в представлении нотариусов и судебно-административных властей «буржуа»-рантье составляли отдельную группу. Когда в 1766 г. в Шартре проводились выборы нотаблей, то в списке горожан, имевших право голоса, чьи «буржуа» были выделены в особую рубрику. Во время выборов в Генеральные штаты 1789 г. «буржуа», «живущие по-благородному», входили в отдельную избирательную курию совместно со всеми гражданами третьего сословия, не принадлежавшими ни к какой корпорации. В Труа «благородных» «буржуа» в 1789 г. объединили в списках с так называемыми сотрапезниками, прислугой королевской семьи, короля и епископата.

Члены третьего сословия, не входившие ни в одну из корпораций города Коньяк, провели особое собрание и избрали двух депутатов, которые на совместном заседании всех депутатов корпораций Коньяка представляли «буржуа» этого города. Такое же собрание состоялось в Шартре.

Дополнительных данных об имущественном положении, социальном статусе, семейных связях «буржуа» из Труа и Коньяка у нас нет, что же касается шартрских «буржуа», то благодаря исследованию М.Вовеля их облик вполне может быть описан.

В налоговых документах Шартра конца старого порядка фигурировали 250 «буржуа», что составляло приблизительно 5,6% населения города. Женщин среди них было в три раза больше, чем мужчин. Точные возрастные характеристики этой категории жителей неизвестны, но явно среди них преобладали люди зрелого и преклонного возраста. В Шартре в 1766 г. из 60 «буржуа», обязанных уплачивать налог в пользу бедных, было 18 человек, в прошлом занимавшихся торговлей, 15 бывших королевских чиновников и различного рода судебных людей, 4 ушедших от дел ремесленников, 3 зажиточных и богатых земледельцев, на старости лет перебравшихся в город, чтобы жить на ренту.

Звание «буржуа» было более доступным и менее престижным в провинции по сравнению с Парижем. Но и на периферии, и в столице оно указывало на принадлежность к социальному слою, явно возвышавшемуся над массой бедного трудящегося люда. При составлении брачных контрактов и заполнении других официальных бумаг некоторые простолюдины стремились объявить себя «буржуа», особенно бывшие слуги, владельцы небольших пожизненных рент. Подобное самовозвышение отнюдь не вело к тому, что бывшие слуги получали доступ в дома настоящих «буржуа». Париж в XVIII в. четко делился на различные социальные сферы. Попасть из низшей сферы в высшую, даже всего лишь на один порядок высшую, было очень трудно. По этим соображениям А.Домар и Ф.Фюре исключили слуг из числа «буржуа». Исследование этих историков базируется на изучении подписанных в 1749г. в Париже 2597 брачных контрактов, из которых 124 принадлежали «парижским буржуа» (правда, состояния невесты и жениха указаны в 112). Имущество большинства (54,4%) женихов-буржуа колебалось от 1 тыс. до 10 тыс. ливров, что приблизительно соответствовало достатку торговцев и ремесленных мастеров. В 17 случаях, вступая в брак, «буржуа» имели менее 1 тыс. ливров, впрочем во всех этих случаях точные сведения о размерах имущества жениха не были представлены. 34 жениха имели состояние более 10 тыс., из них трое — более 100 тыс. ливров.

Французская буржуазия

2. БУРЖУАЗИЯ и ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

на исходе Старого порядка

Вплоть до XVIII в. во Франции не было гражданского общества как такового. Правда, спорадически возникали его прообразы — на микроуровне, как проявление городской муниципальной жизни. Гражданское общество конституируется лишь в связи возникновением государства определенного типа. Как это ни покажется парадоксальным, государство предшествует гражданскому обществу. В социологических работах подчас трактуют гражданское общество как совокупность всего населения данной страны, но подобное определение препятствует выявлению многих существеннейших моментов в динамике исторического развития.

«Можно отметить два больших надстроечных плана: план, который можно назвать "гражданским обществом", то есть совокупность организмов, вульгарно называемых "частными", и план "политического или государственного общества", которому соответствуют функции "гегемонии" господствующей группы во всем обществе и функции "прямого господства" или командования, выражающиеся в деятельности государства и "законного правительства"», — так характеризовал А.Грамши буржуазное общество и буржуазное государство. Гражданское общество не является данностью, функционирующей постоянно в одном режиме. Оно может погружаться в спячку, превращаться в инертную массу, озабоченную исключительно частными интересами. В этих случаях она перестает быть самой собой. Гражданское общество возрождается и становится действенным в эпохи кризисов, когда выясняется, что государство не в состоянии выполнять свои задачи, когда государственный аппарат насилия нарушает баланс между обслуживанием и эксплуатацией общества, эксплуатация вырождается в паразитирование.

Первичные структуры, питающие гражданское общество, но не составляющие его, — это семьи. Даже внутри самого неразвитого гражданского общества семьи остаются и нередко оказываются ячейками сопротивления государственному насилию, но они же нередко способствуют атомизации общества, распаду его на нуклеарные кровнородственные объединения. Впрочем, в гражданском обществе частное и общественное постоянно взаимосвязано. Встречи друзей ведут к рождению политических организаций, спор в интимном кругу на религиозные темы — к появлению антиклерикальных памфлетов или атеистических трактатов.

Становление гражданского общества во Франции XVIII в. осуществлялось как в результате возникновения различного рода объединений, совершенно автономных по отношению к государству, так и в результате ослабления контроля государства (и церкви) над организациями и институтами, ранее этицированными, но так и не вошедшими полностью в бюрократическую структуру. К первым относились салоны, масонские ложи, некоторые клубы и литературные общества, ко вторым — столичные и провинциальные академии, прочие узаконенные научные и литературные общества, отчасти торговые палаты.

Подобно тому как в конце XX в. французские бизнесмены встречаются в привилегированных клубах «Серкль де Булонь», «Ротари» или «Жокей-клуб», в XVIII в. предприниматели посещали салоны, заседания научных обществ, являлись членами масонских лож. Эти внесловные объединения служили выявлению потенциальных лидеров, формированию интеллектуальных элит, просвещению в каждом городе, в каждой провинции; здесь устанавливались личные контакты интеллектуалов (философов, экономистов, публицистов) с государственными людьми и капиталистами всех мастей.

Расцвет философских салонов, которые все более становились политическими, приходится на 60-80-е годы XVIII в. В салонах мадам Жоффрен, мадам дю Деффан, мадам Тансен, мадемуазель Леспинас собирались лучшие умы Франции; во всей светской Европе были известны салоны Гольбаха и мадам Неккер. О салоне Гольбаха на улице Сен-Рош в Париже Д.Дидро писал: «Здесь собираются наиболее честные и дельные люди столицы. Чтобы переступить порог этого дома, недостаточно иметь титулы или быть ученым, нужно еще обладать добротой. Вот где устанавливаются надежные связи! Здесь обсуждаются вопросы истории, политики, финансов, литературы, философии. Люди достаточно уважают друг друга, чтобы вступать в открытые споры. Хозяин дома — подлинный гражданин мира. Он знает, как с толком использовать свое состояние. Он является хорошим отцом, другом, супругом. Всякий иностранец, который сколько-нибудь известен и обладает некоторыми заслугами, может рассчитывать на доступ в этот дом, на самый сердечный и учтивый прием.»

<...> Большинство сотрудников «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера — безродные литераторы с более или менее скромным достатком. Но среди 125 ее авторов, известных на сегодняшний день, имелись и люди, пользовавшиеся немалым влиянием при дворе и в министерстве: Бюффон, ученый и крупный предприниматель, был вхож к маркизе де Помпадур, ходатайствовал за своих друзей перед генеральным контролером финансов; 8 человек являлись владельцами парламентских должностей...

Франкмасонство, как известно, возникло и получило первоначально развитие в Шотландии. (В 20-е годы XVIII в. появились первые ложи во Франции. Следуя шотландским образцам, французские франкмасоны в причудливой форме соединили в своей деятельности республиканский дух, отсутствие сословных предрассудков, мистические обряды посвящения в таинства организации и ее специфического учения, в котором уживались мистика и рационализм. Королевский прокурор президиального суда в Орлеане писал канцлеру д'Агессо о франкмасонах: «Они образуют сообщество, имеющее свои градации и звания, но все без исключения масоны объединены узами тесного сотрудничества, которые не позволяют им называть друг друга иначе чем брат. У них самым неприличным образом перемешаны дворяне и ротюрье, офицеры и ремесленники, и все пользуются одинаковыми правами. Друг в друге они видят только людей, и это их делает равными в силу самой природы, заставляет забыть о различиях рода, звания, даже религии.». формально открытые для всех, реально закрытые для простого люда, ложи объединяли дворян, священнослужителей, негоциантов, банкиров.

В Ниме в 1783 г. некто Рабо-Дюпюи учредил Филантропическую ложу. Ее главой, «преподобным», стал негоциант Рок, постоянное местонахождение ложи — дом негоцианта А.Шапелья. Вскоре в Ниме Рабо-Дюпюи основал ложу «Благотворительности» и сам возглавил ее. Помещение для собраний и ритуалов предоставила ей торговая компания. Приблизительно в те же годы в маленьком Ниме (население в 1789 г.—54 тыс. человек) действовала ложа Генриха IV и Сюлли. Ее «преподобный» — негоциант Буайе де Вилла, местонахождение—дом адвоката Гриоле.

Первые точные сведения о марсельских масонах датируются 1749 годом. Тогда же с осуждением масонства выступил марсельский епископ, но результата его осуждение не возымело. К 1789 г. в ложах «Совершенной Искренности», «Собрания избранных», «Любителей Истинной Мудрости», «Святого Иоанна Шотландского» состояло значительное число лиц. По заключению французских историков П.Гиралья и П.Амаржье, это были преимущественно негоцианты.

Подчас ложи различались по своему социальному составу. В 1785 г. в г.Лаваль ложа «Юньон» объединяла 5 священников и 34 мелких предпринимателя, а основанная в том же городе в 1786 г. ложа «Объединенных друзей» включала людей более состоятельных: дворян и негоциантов. О ложах г. Манта известно, что в 1788 г. среди 59 членов ложи «Мория» были адвокаты, нотариусы и монахи, а в ложе «Тесный союз святого Жюльена» — врачи, хирурги, негоцианты и судейские. Советники президиального суда, лейтенант ведомства вод и лесов и некоторые негоцианты объединились в Манте чуть позже в особую ложу «Святого К Юбера».

В Дижоне социально-профессиональные различия между масонскими ложами «Конкорд» и «Объединенные искусства Святого Люка» были еще более очевидны. В первой из них преобладали члены парламента, счетной палаты, дворянство шпаги. Ее посещали мэр города, интендант Бургундии, министр иностранных дел Верженн. Из неблагородных в эту ложу входили только лица свободных профессий. Торговцев в ней вообще не было, зато они составляли основной костяк «Объединенных искусств Святого Люка».

Перед революцией масонские ложи имелись в 363 городах Франции, а их общее число приближалось к 700.

В ложи приходили по разным причинам: следуя моде и стремясь продемонстрировать возвышенность духа, надеясь получить нужные связи и искренне желая услышать истины о совершенном обществе и совершенном человеке. В любом случае философские диспуты, которыми столь увлекались масоны, способствовали выработке основ критического мышления, свободного от почтительности к традиционным догмам католицизма, к ценностям сословно-монархического строя. Но было бы большой ошибкой усматривать в масонских ложах тайные организации революционеров. (Никаких политических целей масонство перед собой не ставило.) Не случайно в одну из лож вступил даже король Франции Людовик XVI.

Провинциальные академии в конце XVIII в. были двух категорий. К первой категории относились те из них, которые не имели официального статуса. Они пользовались правом регулярно проводить свои заседания и обсуждать на них любые вопросы, лишь бы при этом не было прямой критики католической религии и правительства и не подрывались основы христианской нравственности. Автор «Универсального словаря полиции» адвокат Дез Эссар считал подобного рода академии объединениями друзей, имевших сходные вкусы и общие развлечения. Названия этих объединений были самыми разными, помимо академий они назывались музеями, клубами, ложами, литературными обществами.

Деятельность академий другой категории санкционировалась королевскими патентами, которые регистрировались парламентами. Таким образом они становились как бы составной частью французского государства. Государственный Совет, министры, магистраты могли обращаться к ним официально за консультацией. Мнение этих академий имело силу заключения законом признанного учреждения, авторитетного в той или иной области науки.

В словаре Дез Эссара названо 27 «официальных» провинциальных академий и приравненных к ним литературных обществ. Хотя все они в своем внутреннем устройстве следовали образцу парижской Академии наук, некоторые имели существенную специфику, в том числе с точки зрения их социального состава и рода занятий. Академия Арля допускала в свои ряды только дворян и к тому же обязательно уроженцев города; академия Ла Рошели выделялась своим прагматизмом, ее члены занимались почти исключительно вопросами торговли. Академия наук, искусств и изящной словесности в Шалоне-на-Марне посвятила себя разработке юридических проблем, подготавливала пересмотр уголовного кодекса.

Самыми крупными и влиятельными были академии Суассона (основана в 1674 г.), Бордо (1712), Лиона (1724), Марселя (1726), Тулузы (1694), Дижона (1749), Нанси (1750), Безансона, Гренобля, а также Королевское научное общество Монпелье (1707). В последние десятилетия старого порядка росла численность членов академий. Так, периодическое издание академии Руана назвало в 1744—1750 гг. 180 членов этой провинциальной академии, в 1751—1770—400, в 1771—1780 — 430. Многие из академий с 1750 г. все более проникались философическим духом, осмеливались присуждать премии вольнодумным сочинениям.

Негоцианты, банкиры, мануфактуристы сравнительно редко сами принимали участие в работе академий или литературных обществ, не блистали в салонах. Но они видели определенный смысл во всех этих формах гражданской жизни и тратили деньги, поддерживая их.

Деятельность торговых палат определялась королевскими ордонансами, что не означало полного подчинения этих профессиональных органов королевской администрации. Наоборот, по целому ряду вопросов они могли выступать как группы давления, добиваясь принятия нужных им решений. В некоторых городах торговые палаты частично осуществляли функции муниципалитетов, обеспечивая необходимые условия для торговой деятельности: следили за порядком на пристанях, санитарным состоянием складов и надежностью охраны, а во время военных действий даже снаряжали конвои для защиты торговых судов. В обращениях торговых палат к центральной власти причудливым образом переплетены требования свободы торговли и защита собственных старых привилегий, свободе в немалой степени препятствовавших.

3. НА ПУТИ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Общественный класс обретает реальность как феномен национальной жизни после того, как теоретическая идея, утратив элитарный эзотеризм, становится достоянием масс, а экономические условия существования класса столь определяются, что будут осознаны людьми. Но осознание увязанности индивидуальных экономических интересов с экономическими интересами тысяч других людей приходит чаще всего через политику, когда класс силой обстоятельств вступает в столкновение с враждебными ему социальными группами; именно тогда он становится активным действующим лицом исторического процесса. Но массы мобилизуются на политическое действие вождями и партиями. Возникает вопрос: класс, не имеющий политической организации, является ли он классом?

Партии как реальность политической жизни и как слово, обозначающее политическую группировку, известны во Франции по меньшей мере с эпохи позднего средневековья. Но религиозно-политические партии XVI в., «партии» фрондеров и мазаринистов 1648—1652 гг., различного рода придворные «партии» — все они не были партиями в современном научном значении этого слова. Партия в буржуазном обществе — это политическая иерархически построенная организация, имеющая идеологическую доктрину, отстаивающая интересы определенной социальной группы (групп), автономная по отношению к государству и церкви. Существование подобного рода партий предполагает наличие гарантированной законом и стабильно соблюдаемой политической свободы. Государство эпохи старого порядка допускало различного рода личные, корпоративные, местные, сословные вольности. Политической свободы как таковой оно просто не знало. Политикой можно заниматься только в той степени, в какой допускал это официальный статус индивида. Возникавшие «партии» имели строго определенное место в государственной системе. Лидер такой «партии» должен был обязательно иметь статус первого ранга в официальной иерархии: никак не ниже принца крови, герцога или кардинала. Соответственно эти «партии» не имели доктрин, выходящих за рамки официальной. Сам тип духовного единства общества не допускал возникновения политических теорий, оппозиционных по отношению к официальной доктрине, освященной авторитетом церкви. «Партии» состояли из вождей и их клиентелл, принцип верности заменял принцип единомыслия. Между типом традиционных «партий» старого порядка и первыми политическими объединениями буржуазии, безусловно, есть взаимосвязь, но роль ее в процессе формирования стабильных партий, характерных для буржуазного общества, очень невелика.

Этот процесс во Франции растянулся почти на два века. О генезисе партийной системы в XIX в. написано довольно много работ. Но сам генезис начался не в XIX в. и даже не в годы Великой буржуазной революции, а еще в эпоху старого порядка.

По мере развития рыночных отношений во Франции явочным порядком устанавливалась и политическая свобода. Ее не санкционировали, но допускали. Абсолютистское государство оказалось достаточно гибким, чтобы дать развиваться гражданскому обществу, но исключительно косным в плане самореформирования. В итоге страна развивалась, а государство постепенно с большим опозданием под нее подстраивалось либо путем запоздалого официального признания уже давно сложившегося статус-кво, либо путем несоблюдения собственных же архаичных законов.

В подобной обстановке в гражданском обществе зародились объединения, имевшие довольно абстрактную философско-политическую программу. Ведь французское Просвещение всегда было в конечном счете ориентировано на политику. Энциклопедисты и физиократы имели хотя и очень аморфную, но действенную форму организации и не традиционных, «статусных», а интеллектуальных лидеров. Постоянство контактов просветителей в значительной степени было связано с коллективной издательской и публицистической деятельностью. Таким образом, мы видим здесь форму политического объединения, характерную для XIX, а отнюдь не XVII в. Конституировавшаяся в 1767 г. школа, или, как называли ее враги, секта физиократов, издавала ежемесячник «Гражданский календарь» с подзаголовком «Национальная библиотека моральных и политических наук».

«Экономисты, — писал о физиократах Башомон, — претендуют на открытие системы, которая будет призвана уничтожить все существующие принципы управления государством ради создания совершенно нового порядка вещей». Характерно, что труды физиократов воспринимались современниками не столько как авторские сочинения, сколько как выражение точки зрения определенной группы и ее признанного лидера Ф.Кенэ. Уже в годы революции К.-Г. де Малерб вспоминал о том впечатлении, которое производила школа физиократов: «Тогда несколько литераторов увлеклись идеями Гурне (оставим на совести Малерба суждение о том, что физиократы увлеклись идеями Гурне, во многих отношениях его идеи были противоположны физиократической доктрине. — Е.К.), одни с пылкостью их пропагандировали, другие стали их развивать в объемных и солидных трудах. Но на этом они не остановились, несколько простых истин они объявили новой наукой и стали ее излагать, прибегая к загадочному, малопонятному стилю, проводили собрания, называли себя сектой, а Кенэ ее верховным учителем... Эти достойные люди, столь исполненные рвения к общественному благу, считали, что истина нуждается в защите партии.

Точно так же энциклопедистов воспринимали как определенное единство, в том числе организационное. В речи, ненадолго сделавшей его знаменитым, генеральный адвокат парижского парламента О.Жоли де Флери говорил: «Общество, государство и религия предстали теперь перед судом справедливости, чтобы принести ему свои жалобы... Нечего скрывать от себя, что имеется определенная программа, что составилось общество для поддержания материализма, уничтожения религии, внушения неповиновения...» <...> Авторы «Энциклопедии» занимали различные посты в государственном аппарате.

Когда Тюрго стал в 1774 г. генеральным контролером финансов, это не было победой «партии», но победой определенного направления безусловно. Вполне в духе новых времен Тюрго привел с собой в министерство не людей из своей клики или клиентеллы, а единомышленников и просто опытных технических работников, поднаторевших в своем деле администраторов. Среди них наиболее заметными фигурами были П.-С.Дюпон де Немур, А.-Н.Кондорсе и А.Морелле, все трое — авторы «Энциклопедии», а первый к тому же один из активнейших физиократов. Они впоследствии разделили и опалу Тюрго.

К началу 80-х годов XVIII в. на смену группам, насчитывавшим десятки, в лучшем случае сотни людей, которых называли энциклопедистами, философами, экономистами, пришло столь же мало оформленное, но гораздо более широкое общественное движение. Неизвестный автор, написавший предисловие к «Секретным мемуарам» Башомона, так резюмировал это превращение: «Сначала энциклопедисты усовершенствовали метафизику, внося в нее ясность, — лучшее средство для рассеяния мрака, которым окутала се теология, — уничтожили фанатизм и суеверие. За ними следовали экономисты: занимаясь преимущественно вопросами морали и практической политики, они искали средства сделать народы более счастливыми, укрепляя общественные узы путем взаимных услуг и лучше поставленного обмена и побуждая человека к изучению природы. Наконец, время смут и гнета породило патриотов, которые, восходя к источникам закона и форм правления, доказали взаимность обязанностей подданных и государей и установили великие принципы».

«Патриоты», «партия патриотов», «национальная партия» — о них все больше говорили в стране. Но чисто политические объединения вплоть до лета 1788 г. не создавались. Политикой, финансовыми операциями, наукой, литературой занимались с одинаковым рвением и часто одни и те же люди. Время профессионализации политики еще не пришло. Сфера политики, эта форма самоотчуждения гражданского общества в эпоху полностью утвердившегося капитализма еще оставалась, с одной стороны, растворенной в самом гражданском обществе, с другой — вознесенной над ним в традиционные институты государства в соответствии с нормами старого порядка.

В начале 80-х годов весь светский Париж, медицинский факультет Сорбонны, Академия наук, парламент обсуждали проблему животного магнетизма, открытие доктора Месмера. С целью пропаганды идей Месмера была организована подписка и образовалось общество, получившее название Ложа. (Что только не называли ложей в те годы!) Советник парламента Дюваль д'Эпремениль, граф Шастене-Пюисегюр, граф Максим де Пюисегюр, лечащий врач графа д'Артуа (брата короля) доктор д'Элон, адвокат Н.Бергасс — наиболее заметные фигуры этого общества. На почве месмеризма произошло знакомство и сближение Н.Бергасса и Ж.-П.Бриссо, звезд публицистики тех лет.

Создать ли новую ассоциацию в целях ликвидации рабства или пропаганды идей заезжего афериста и шарлатана от науки, опубликовать ли самого скандального характера памфлет, открыть ли общественную подписку — все было возможно во Франции в 80-е годы. Честолюбцы политического склада предпочитали объединяться на почве месмеризма или защиты черных невольников. В Обществе друзей чернокожих встречались Лафайет, Мирабо, Бриссо, Карра, Серизье, Бергасс. Часть этих же лиц (Лафайет, Карра, Бергасс, Бриссо) регулярно посещали политический салон банкира Корнманна, там же часто бывали д'Эпремениль, Ж.Петион де Вильнев, Э.Клавьер, Горса и М.Робеспьер.

От политических разговоров к выработке политических планов в полной мере перешли лишь с июля 1788 г., с момента обнародования постановления Государственного совета, в котором французам предлагалось высказывать свое мнение о лучших способах сделать созываемые Генеральные штаты «действительно национальными по своему составу и по результатам». Теперь уже «партия» патриотов не довольствовалась салонами и двусмысленными объединениями. Осенью 1788 г. стали возникать клубы, куда входили люди, стремившиеся делать политику. Самым известным и влиятельным был Конституционный клуб или, как его иначе называли, Общество, собиравшееся у Дюпора. Его членами являлись Мирабо. Лафайет, Кондорсе, Дюпон де Немур, Редерер, Талейран, герцоги де Бирон, Ларошфуко, Люин, Омон — либералы всех оттенков, в том числе те, кто в первые же месяцы революции окажутся консерваторами. Их сближала оппозиционность старому порядку. Вопрос, каким быть новому, все еще оставался второстепенным в политической борьбе. Прежде чем спорить о будущем, надо было рассчитаться с прошлым.

Конституционный клуб не был единственным: в одном из ресторанов Пале-Рояля собирался клуб под председательством аббата Морелле. В своей «Истории Учредительного собрания» А.Ламет упоминает законспирированное Общество Вирофле. Клубы налаживали связи с провинцией, занимались переизданием и распространением брошюр. Будущие политики революции завоевывали известность в стране и в среде парижской элиты еще до того, как революция разразилась.

Формирование класса буржуазии проявлялось и в том, что шел процесс выработки форм политической организации класса, отбирались и обучались политическому искусству первые политические вожди французской буржуазии.

Но обеспечить гегемонию в обществе класс буржуазии мог, лишь выступив представителем общенациональных интересов, представителем интересов большинства. На какой идеологической, точнее, мифологической основе буржуазия могла объединиться с массой трудящегося люда? Ответ дала сама королевская власть.

Термин «буржуа» тяготел к обозначению социального феномена, а термин «третье сословие» — к обозначению феномена политического в той мере, в какой политическое и социальное расчленилось при старом порядке.

Обретение сословиями политической роли было связано с развитием государства, а точнее, королевской власти, являвшейся в средние века, по существу, единственной формой воплощения государственной идеи.

Изначально институт сословий не имел политического характера. Происхождение сословий восходит к древнему разделению труда: одни молятся, заботятся о душах ближних; другие защищают страну, воюют; третьи занимаются производительным трудом. В XI в. это разделение труда было осмыслено и освящено авторитетом церкви.

Но о первоначальном смысле сословного деления вплоть до XVIII в. почти никогда не вспоминали. Дальнейший прогресс разделения труда заставил забыть о его наиболее архаических формах, которые, оставаясь самоочевидными и официально санкционированными, долгое время не побуждали к их теоретическому рассмотрению. Лишь возникновение благодаря капитализму представления об абстрактном труде подтолкнуло к переосмыслению очевидного.

Экономические обоснования сословного деления плохо согласовывались с политической реальностью и потому оказались забытыми. Возникшие в XII—XIII вв. сословные учреждения: провинциальные и Генеральные штаты, сословные собрания герцогств, графств, виконтств — не допускали в свой состав крестьян. Крестьяне не обладали даже минимальным и фиктивным представительством, которое гарантировалось им во многих других странах Европы (особенно в ее северной части). Вещать о том, что сословие непривилегированных составляют те, кто трудится, или землепашцы (как говорили Адальберон в X в. и Жерар из Каморе в XI в., в эпоху Людовика XIII или Филиппа Красивого), было по меньшей мере неуместно. Даже само словосочетание «третье сословие» появилось лишь в конце XV в., когда была изменена система

представительства на Генеральных штатах. До 1484 г. депутаты прибывали на Генеральные штаты по персональным приглашениям короля. В 1484 г. впервые была введена система выборов по судебным округам, баляжам, тогда же впервые на Генеральных штатах были представлены депутаты от «третьего сословия», а не от «добрых городов», как ранее.

В XVI-XVII вв. депутаты избирались на сословных ассамблеях баляжей. Депутатами третьего сословия являлись прежде всего королевские чиновники. Среди 187 представителей третьего сословия на штатах 1614-1615 г. 121 человек – члены судебных присутствий, баляжей и сенешальств, 18 человек – муниципальные чиновники, 8 – чиновники провинциальных штатов, 30 – адвокаты, всего лишь один земледелец, один богатый крестьянин и два торговца. 41 депутат владел сеньерией, а 31—даже дворянским званием; правда, это было дворянство такого рода, что истинные дворяне не считали его обладателей своими. В 1614 г. анобли-рованные включались в списки избирателей третьего сословия.

Третье сословие обрело реальность национального существования преимущественно во время политических кризисов. Королевская власть, лишь оказываясь в сложном положении, превращала политико-юридический фантом в плоть, слова и действия депутатов Генеральных штатов. Гораздо большей стабильностью отличалось существование третьего сословия в локальном масштабе. В пограничных, так называемых «иностранных» провинциях Франции провинциальные штаты продолжали регулярно созываться и в XVII, и в XVIII в. Из числа крупных провинций до конца старого порядка штаты сохранили Бургундия, Бретань, Лангедок; в Провансе провинциальные штаты были преобразованы в ассамблею общин, которая состояла почти исключительно из представителей третьего сословия.

Генеральные штаты — высшая форма реализации сословного принципа организации общества. В то же время реальное политическое значение Генеральных штатов в системе старого порядка было минимальным. В XVIII в. вплоть до 1789 г. они вообще не созывались, а на протяжении XVI и XVII вв. созывались всего четыре раза — в 1560—1561 гг., 1576—1577, 1588—1589, 1614 — 1615 гг.; в годы Фронды было объявлено о созыве Генеральных штатов, но то был лишь маневр королевской власти, представители сословий так и не собрались, хотя выборы во многих баляжах в 1649—1651 гг. прошли и были составлены наказы от сословий. В 1614 г. третье сословие едва успело о себе заявить как о политическом образовании, как Генеральные штаты оказались распущенными.

Во время Фронды третье сословие из всех сословий наименее активно пыталось самоорганизоваться. Поднимался вопрос о созыве Генеральных штатов вскоре после смерти Людовика XIV. Но эту идею высказывали либо побочные сыновья почившего короля, отстаивая свое право на престолонаследие, либо лица из ближайшего окружения регента, обеспокоенные тяжелым финансовым положением королевства. Третье сословие на эти разговоры никак не откликнулось. Во время глубокого политического кризиса 1751 г. о Генеральных штатах заговорили уже не только в залах и кулуарах Версаля и дворца Пале-Рояль. За введение управления посредством провинциальных и Генеральных штатов высказывались и в публичных местах. Этими идеями, как с изумлением отмечал маркиз д'Аржансон, оказались пропитаны даже буржуа. Изумление маркиза очень характерно. Политическая пассивность третьего сословия стала настолько привычной, что интерес буржуа к вопросам управления страной казался неслыханной новостью. Политические инициативы исходили от парламентов, аристократии либеральных бюрократов, наконец, от просвещенческой интеллектуальной элиты, которая долго еще отнюдь не будет отождествлять себя с третьим сословием.

Политическая инертность чаще всего объясняется особенностями социального бытия. Данный случай не исключение.

Проблема сословного неравноправия длительное время осознавалась как факт личного порядка. Если в XVII в. и задумывались о ее решении, то в сугубо индивидуальном ключе — применительно к себе. Каждый недовольный решал ее, исходя из своих личных возможностей. Наиболее активные, энергичные члены третьего сословия тем или иным путем приобретали дворянское звание. Дворянство усиливалось, третье сословие ослаблялось, статус-кво сохранялся. Проблема эта, по сути своей политическая, не мыслилась как таковая, успешно переводилась в план социальный и даже индивидуальный. Всеобщность ее выявилась только с подъемом национальной гражданской жизни в эпоху Просвещения, когда и сама проблема личности обрела универсальный характер.

С другой стороны, еще незадолго до революции проблема дворянства стояла гораздо более остро, чем проблема эфемерного, как в ту пору казалось, третьего сословия. Третье сословие было всем и ничем. Мы привыкли к этой формуле Сийеса, интерпретируя первую ее часть в социально-экономическом плане, вторую — в политическом. Но в начале 80-х годов XVIII в. третье сословие и

как социальный феномен еще мало что собой представляло. Следует отметить, что реальной социальной наполненностью оно никогда не отличалось, обладая не внутренней связью, а внешней оформленностью. Третье сословие представляло собой единство преимущественно в качестве отрицательной субстанции. Числившихся в его рамках буржуа, торговцев, мелких чиновников, ремесленников, крестьян, бродяг, нищих, контрабандистов ничто не объединяло, кроме сознания, что все они не дворяне и не священнослужители.

Аграрно-корпоративная экономика в XVII — первой трети XVIII в. все еще успешно противостояла интегрирующим тенденциям рынка. Партикуляризм общественной жизни удавалось преодолевать лишь эпизодически и в локальном масштабе. Буржуа и торговцы объединялись с простым человеком в тех или иных массовых выступлениях не под сословными, а местническими знаменами. В то же время дифференциация внутри третьего сословия была очень значительной, осознанной и декларируемой. Автор «Трактата о дворянстве», опубликованного в 1678 г., некто Ля Рок, выделял, к примеру, в среде неблагородных три категории: почтенных, обывателей и чернь. Почтенные имеют призвание к существованию более высокому, чем обычное. Они занимают самые почетные должности в муниципалитетах. К ним относятся городские нотабли и буржуа, живущие на ренты. Вторая категория — обыватели, или мещане; их род занятий не столь благороден, но и не содержит в себе ничего низменного. В нее автор включил, в числе прочих, членов шести наиболее привилегированных торгово-ремесленных цехов Парижа. К последней категории — к «подлым и презренным» — отнесены все лица, занятые механическим, т.е. физическим, трудом. Подобного же рода градации встречаются и в других трактатах XVII в.

Финансовые трудности заставляли и корольское правительство дробить третье сословие на имущественные классы.

Но, пожалуй, еще больше, чем вертикальная разобщенность, единству третьего сословия вредила разобщенность горизонтальная: корпоративный и местнический партикуляризм. Находясь в 70-е годы XVIII в. на посту генерального контролера финансов, Тюрго писал в секретном докладе королю: «Нация — это общество, состоящее из различных, слабо соединенных сословий и народа, между членами которого существует очень мало связей, и где, следовательно, каждый занят только своими частными интересами. Заметного общего интереса нет нигде. Села, города имеют так мало взаимных отношений, как и округа, к которым они причислены. Они не могут даже вступать между собой в соглашения для производства необходимых им общественных работ...»

Социальный распад третьего сословия продолжался необратимо, и это было одним из проявлений, в частности, формирования класса буржуазии, ее все большего разрыва с народными массами. Стачки, продовольственные волнения обнажали несовпадение жизненных интересов нанимателей и наемных рабочих, покупателей и оптовых торговцев. «Мучная война» 1775 г. показала глубокий раскол в крестьянской среде: батраки, беднота, крестьяне средней руки громили хлебные амбары, нападали на дома и усадьбы зажиточных фермеров.

И все же эти внутренние будничные проблемы не дорастали до масштабов национальной проблемы. Ни буржуа, ни лица свободных профессий, ни сами предприниматели не задумывались всерьез об угрозе снизу. Любая же несправедливость, шедшая сверху, воспринималась чрезвычайно болезненно. На всю жизнь запомнила мадам Ролан, будущая жирондистка, как в юности, приглашенная в дворянский замок, она была допущена только до буфетной. С годами не изгладилось у А.Барнава воспоминание детства, как аристократ выставил его мать из театральной ложи.

Когда правительство утвердило в 1781 г. устав, по которому разночинцы не могли получать в армии чин поручика, а чин капитана допускался только для дворян в пятом поколении, это вызвало бурю возмущения. Граф Сегюр вспоминал впоследствии: «Это повеление умными людьми всех классов признавалось мерой не своевременной, неприличной, совершенно не соответствующей духу времени и одной из наиболее существенных причин того всеобщего недовольства, которое предрасполагало умы к революции». Другая мемуаристка, госпожа Кампан, отмечала еще более резко: «Нужно принадлежать к почтенному третьему сословию, чтобы понять злобу или, вернее, отчаяние, которое вызвал этот закон... Несправедливость и нелепость этого закона были одной из побочных причин революции». Государство будто решило возратить третье сословие из социального небытия, чтобы потом наделить его и политическими функциями.

С 5 июня 1788 г., со дня обнародования постановления о созыве Генеральных штатов и начала избирательной кампании, третье сословие стало быстро обретать социальную плоть, социально-психологическое единство и политическую форму. Буржуазным элементам в значительной мере благодаря единодушным с ними лицам свободных профессий, прообразу интеллигенции, удалось осуществить духовную гегемонию в национальном масштабе. Возник грандиозный идеологический миф третьего сословия и о третьем сословии. Он выполнил свою

политическую функцию и исчез навсегда. Буржуазия сумела использовать старинную оболочку для самоконституирования и мобилизации масс и затем быстро ее отбросила за ненадобностью.

Социология часто оказывается беспомощной там, где политэконом уверенно теоретизирует, располагая теми же самыми данными. Тюрго, устанавливая экономическую характерологию капиталистического класса, по существу доказал наличие всех предпосылок для конституирования предпринимателей в класс, а социологам и теперь, более 200 лет спустя, чрезвычайно трудно определить степень сформированности класса буржуазии на исходе старого порядка. Безусловно, налицо было типологическое единство предпринимателей, но не в плане их психологической похожести, а в принятии ими всеми без исключения (исключение ведет к прекращению предпринимательской деятельности) определенного ценностного кода, культурных императивов, которым они подчинялись, особо не задумываясь. Макс Вебер свел сущность этих императивов к принципу рациональности. Он писал: «В конце концов создателями капитализма были: рациональное постоянное предприятие, рациональная бухгалтерия, рациональная техника, рациональное право; но даже и не они одни: мы должны отнести сюда рациональный образ мысли, рационализирование образа жизни, рациональную хозяйственную этику».

Принцип рациональности действительно свойствен буржуазному сознанию как некий недостижимый, но постоянно искомый идеал. И в самом общем виде он остается неизменным вот уже на протяжении трех веков.

Мы привыкли вносить в понятие рациональности позитивный оценочный момент. Рациональность же холодна и нейтральна и служит любому хозяину, который ею располагает. Она может служить как максимальному извлечению прибылей, так и уничтожению системы, которая обеспечивает их получение.

Деловых людей Франции конца XVIII в., рациональных в очень высокой степени, возмущал слишком традиционный и неразумный старый порядок. Его неразумность была тем более очевидна, что доказательством ее занимались лучшие умы Франции, а неблагодарный труд доказывать, что старый порядок был во многом рациональным и не так уж плохо выполнял многие из своих функций, никто на себя не брал.

Буржуазия вместе со всем французским обществом шла к революции и вместе почти со всем обществом она ее не хотела.

Ведь революция — дело нерациональное.

¹ См.: Бирнбаум П., Берук Ш. и др. Французский правящий класс. М., 1981; Sherkaoni M. Problemes de mesure des classes sociales: des indices de statut aux lodeles d'analyse des rapports de classe // Revue francaise de sociologie. 1977. Т.2.

² Perrot J. Cl. Rapports sociaux et villes au XVIIe siecle // Annales ESC. 1968. Т.2. Р. 245.

³ Смутное ощущение необходимости вычлениить иные социальные группы, не сословия при осуществлении экономического анализа общества приходило уже к талантливейшему французскому экономисту начала XVII в. Монкретьену. Он объединял в одну группу всех тех, кто «содержится в одном качестве имеет сходство в образе жизни, в привычках, склонностях, действиях и в статусе» (Perrot J. Cl. Op.cit. Р 245).

⁴ См.: Кенэ Ф. Избр. экон. произв. М., 1960. С.360.

⁵ См.: Маркс К; Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.24. С.405.

⁶ Тюрго А.Р. Избр. экон. произв. М., 1961. С.98.

⁷ Там же. С.99.

⁸ Там же. С.102.

⁹ Там же. С.122.

¹⁰ Там же. С.129.

¹¹ Там же. С.129—130.

¹² Там же. С.155.

¹³ Цит. по: Perrot J.Cl. Op.cit. Р.243.

¹⁴ Atlas du commerce, dedie au Roi(Pub). par M. Le Clerc, ecuyer, chevalier ie 1'Ordre du Roi et par M. Le Clerc, fils, ecuyer. Р., 1786. Р. 178.

¹⁵ Цит. по Levy-Bruhl H. Un projet de code de commerce a la veille de la revolution: Le projet Miromesnil: (1778—1789). Р., 1932. Р.10.

¹⁶ Цит. по: Черкасов П.П. Генерал Лафайет. М., 1987. С.30.

- ¹⁷ *Agulhon M.* Le cercle en France bourgeoise. P., 1971. P.18; *Кожокин Е.М.* Французские рабочие от Великой буржуазной революции до революции 1848 г. М., 1985.
- ¹⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 26. С. 957—959.
- ¹⁹ *Crouzet F.* Angleterre et France au XVIII siecle: Essai d'analyse comparee de deux croissanees economique // *Annales ESC.* 1966. N 2. P.261—262; *Ronano R.* Document; e prime considerazione interno alia «balance du commerce» de la Francia del 1716 al 1780 // *Studi in onore du Armando Saporì.* Milan et ^areze, 1957. T. 2. P. 1274.
- ²⁰ *Markovitch T.J.* L'industrie francaise de 1789 a 1964: Analyse des faits // *Cahiers de l'JSEA.* 1966. Mai. P.42—43.
- ²¹ *Leon P.* Structure du commerce exterieur et evolution industrielle de la France a la fin du XVIII" siecle // *Conjoncture economique: Structures sociales: Hommage a Ernest Labrousse.* P.; La Haye, 1974. P.412.
- ²² *Histoire economique et sociale de la France.* P., 1970. T. 2. P.613.
- ²³ *Mayer J.* L'armement nantais dans la deuxieme moitie du XVIII siecle. , 1969. P.90—91.
- ²⁴ *Histoire economique et sociale de la France.* T. 2. P. 613.
- ²⁵ *Palmade G. P.* Capitalisme et capitalistes francais au XIX siecle. P., 1961. P.18—19.
- ²⁶ См.: *Люблинская А. Д.* Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.- Л., 1965. С.119.
- ²⁷ *Монтескье Ш.* Избр. произ. М., 1955. С.433.
- ²⁸ *Encyclopedic methodique.* T.2. P.1—2. Цит. по: *Carriere Ch.* Negociants marseillais au XVIII siecle: Contribution a l'etude des economies maritimes. P., 1973. T.1. P.243.
- ²⁹ *De Boisllsle.* Correspondance des controleurs generaux des finances avec les intendants des provinces. P., 1875. T.2. P.482; *Carriere Ch.* Op.cit. T.1. P.240.
- ³⁰ Цит. по: *Carriere Ch.* Op cit. T.1.
- ³¹ *Daumard A., Furet F.* Structures et relations sociales a Paris aux XVIII siecle. P., 1961. P. 28, 31—32.
- ³² В «Совершенном коммерсante» Савари писал: «Всякий человек согласится, что оптовая торговля более почетна, чем розничная. Оптовая торговля ведется не только ротюрье, но и дворянами, но только оптовая! Так как в розничной есть что-то сервильное, в то время как крупной торговле присущи лишь благородство, приличие и порядочность».
- ³³ *Meyer J.* Op.cit. P. 91.
- ³⁴ *Histoire economique et sociale ae la France.* T.2. P.610—611
- ³⁵ *Dictionnaire de l'academie francaise.* P., 1762. T.1. P.925.
- ³⁶ История в энциклопедии Дидро и д'Аламбера. Л., 1978. С.139—140.
- ³⁷ *Chaussinand-Nogaret G.* Les financiers de Languedoc aux XVIII" siecle. P., 1970. P.287.
- ³⁸ *Leon P.* Op.cit. P.407.
- ³⁹ В словарях XVIII в. даются противоречивые истолкования слова «мануфактурист». К примеру, в столь авторитетном издании, как «Универсальный словарь торговли», мануфактурист определяется следующим образом: «Человек, который учредил и создал мануфактуру, стал ее хозяином, руководит ее деятельностью, обеспечивает работой занятых на ней ремесленников. Эти ремесленники также называются иногда мануфактуристами, но чаще их называют рабочими-фабрикантами» (*Savary des Brulons.* Dictionnaire universel de commerce. Geneve, 1750. T.2. P.1219).
- ⁴⁰ *Histoire economique et sociale de la France.* T.2. P.618.
- ⁴¹ *Vidalenc J.* Quelques remarques sur le role des Anglais dans la Revolution industrielle en France, particulierement en Normandie de 1750 a 1850//*Annales de Normandie.* 1958. N 3. P.275.
- ⁴² *Soboul A.* La societe francaise dans la seconde moitie du XVIII siecle: Structures sociales et modes de vie. P., 1969. P.177.
- ⁴³ *Ibid.* P. 179.
- ⁴⁴ *Ibidem.*
- ⁴⁵ Вплоть до революции продолжал действовать торговый кодекс 1673 г., и хотя, безусловно, на протяжении более чем ста лет после его принятия коммерческое право не оставалось во Франции неизменным, многие чрезвычайной важности вопросы требовали решения на совершенно иной основе, чем та, что была разработана Савари, автором кодекса. В частности, необходимо было изменить нормы, касавшиеся создания акционерных обществ, пересмотреть круг компетенции торговых судов. Еще в начале XVIII в. в годы Регентства, королевские власти обратились с предложением к Торговой палате Нормандии высказать соображения по поводу торгового кодекса. Синдики палаты не преминули представить его развернутую критику, но соответствующие решения так и не были приняты (*Leuy-Bruhl H.* Op.cit. P.8).
- ⁴⁶ См.: *Лучицкий И.В.* Аграрные отношения накануне революции в окрестностях Парижа//Журнал министерства народного просвещения. 1916. № 6; *Адо А. В.* Крестьяне и Великая французская революция: Крестьянское движение в 1789—1794 гг. М., 1987. С.39—64; *Люблинская А. Д.* Французские крестьяне в XVI—XVIII вв. Л., 1978. С.110—178; *Goubert P.* Beauvais et la Beau-vaais de 1600 a 1730. P., 1960; *Deyon P.* Contribution a l'etude des revenus fonciers en Picardie: Les fermages de l'Hotel-Dieu d'Amiens et leurs variations de 1515 a 1789. Lille, s. a.

⁴⁷ Адо А. В. Указ. соч. С. 40.

⁴⁸ Brunei P. Structure Agraire et Economic rurale des plateaux tertiaires ent-re la Seine et l'Oise. Caen, 1960. P. 284, 290.

⁴⁹ De Serres O. Theatre d'agriculture et mesnage des champs. P., 1804. Т.1. P.184—204; Люблинская А.Д. Указ.соч. С.176.

⁵⁰ Цит. по: Moriceau J.-M. Les vice-rois des campagnes? Autour des quelques dynasties de fermiers-laboureurs XVI-eme — XIX-eme siecles//Annales historiques compiegnoises. 1985. N 31. P.12.

⁵¹ Д. Дессер, лучший знаток в мире французских финансистов конца XVII — начала XVIII в., считает, что совмещение банковской и финансовой деятельности чрезвычайно редко практиковалось во Франции старого порядка. Его точку зрения разделяет Н. Е. Копосов (*Dessert D. Argent, pouvoir et societe au grand siecle*. P., 1984; *Копосов Н. Е. Французский абсолютизм и финансисты в свете новейших исследований*//Французский ежегодник: 1985. М., 1987).

⁵² Histoire economique et sociale de la France. Т. 2. P. 631.

⁵³ Luthy H. La Banque Protestante en France de la Revocation de l'Edit de Nantes a la Revolution. P., 1961. P. 251, 259—262.

⁵⁴ Memoires de Laffite. P., 1937. P.1.

⁵⁵ Dictionnaire economique. P., 1740. Т.1. P.31.

⁵⁶ Ibid. P.32.

⁵⁷ Dictionnaire universel de commerce. Geneve, 1750. Т.1. P 564.

⁵⁸ См.: Копосов Н.Е. Абсолютная монархия во Франции XVI—XVIII веков. Л., 1984. Ч.2. С.19.

⁵⁹ Chaussinand-Nogaret G. Op cit. P.261.

⁶⁰ Furetlere A. Le dictionnaire universel. La Haye et Rotterdam, 1690 (Reed. P., 1978).

⁶¹ Правда, этого права парижские буржуа дважды лишались в 1692 и в 1708 гг. (*Marion M. Dictionnaire des institutions de la France aux XVII et XVIII" siecles*. P., 1923. P.52).

⁶² Vovelle M. Ville et campagne au 18^e siecle: (Chartres et la Beauce). P., 1980. P.138; Marion. M. Op. cit. P.52.

⁶³ Lottin A. Chavatte, ouvrier lillois un contemporain de Louis XIV. P., 1979. P.13.

»⁴ Pierrard P. Lille et les lillois. P., 1967. P.32.

" Цит. по: Carriere Ch. Op.cit. Т. 1. P.248.

⁶⁸ Dictionnaire des proverbes francais. Francfurt, 1750. P.45.

⁶⁷ См., к примеру: Dictionnaire de l'Academie francaise. P., 1762. Т.1. P.203.

^{6a} Perdiguier A. Memoires d'un compagnon. Moulins, 1914. P.84.

⁶⁹ Daumard A., Furet F. Structures et relations sociales... P.34—35; Vovelle M. Ville et campagne... P.139.

^{7»} Vovelle M. Op. cit. P.139.

⁷¹ Cahiers de doleances du baillage de Troyes et du baillage de Bar-sur-Seine pour les Etats Generaux de 1789. Troyes, 1909. Т.1. P.24—25.

⁷² Cahiers de doleances de la senechaussee d'Angouleme et du siege royal de Cognac pour les Etats Generaux de 1789. P., 1907. P.474—475.

⁷³ Vovelle M. Op. cit. P.141—142.

⁷⁴ Daumard A., Furet F. Op.cit. P.34.

⁷⁵ Ibid. P. 34—35, таблица «Fortunes des menages».

⁷⁶ Грамши А. Избр, произв. М., 1859. Т.3. С.464.

⁷⁷ Mornet D. Les origines intellectuelles de la Revolution francaise: (1715— 1787). P., 1934. P.145.

⁷⁸ Oeuvres completes de Diderot. P., 1876. Т. 10. P.379.

⁷⁹ La franc-maonnerie orleanaise au XVIII" siecle//Annales historiques de la Revolution francaise. 1969. N 197. P. 426.

⁸⁰ Pouthas Ch.-H. Une famille de bourgeoisie francaise de Louis XIV a Napoleon. P., 1934. P.72, 74—75.

^{8*} Guiral P., Amargier P. Histoire de Marseille. (P.), 1983. P.187, 192.

⁸² Soboul A. La franc-maonnerie et la revolution francaise//La Pensee. 1973. N 170. P.23.

⁸³ Vovelle M. La chute de la monarchic. P., 1972. P.85.

⁸¹ Gaxotte P., Tulard J. La revolution francaise. P., 1975. P.75.

⁸⁵ Des Essarts. Dictionnaire universel de police. P., 1786. P.8.

^{8e} Ibid. P.9—14.

⁸⁷ В конце XVII в. в провинции было всего 6 академий (*Mornet D. Op. cit. P.145*).

- ⁸⁸ Marion M. Dictionnaire des institutions de la France aux XVII et XVIIIe siècles. P., 1923. P.3.
- ⁸⁹ Mornet D. Op cit. P.146.
- ⁹⁰ Roche D. Le siècle des lumières en province. Academies et academiciens ,provinciaux 1680—1789. P.; La Haye, 1978. T.1. P.151—165.
- ⁹¹ Carriere Ch. Op.cit. T.1. P.227—230.
- ⁹² Weulersse G. Le mouvement physiocratique en France de 1756 a 1770. P., 1910.
- ⁹³ Bachemont. Memoires secrets. T.3. P.299; Weulersse G. Op. cit. P.137.
- ⁹⁴ Цит. по: Weulersse G. Op.cit. P.139—140.
- ⁹⁵ Цит. по: Рокэн Ф. Движение общественной мысли во Франции в XVIII ;веке: 1715—1789 гг. Спб., 1902. С.228.
- ⁹⁶ Proust I. Diderot et l'Encyclopedia. P., 1962. P.23—27.
- ⁹⁷ Фоп Э. Опала Тюрго. М., 1979. С.84—101.
- ⁹⁸ Цит. по: Рокэн. Ф. Указ. соч. С.320.
- ⁹⁹ Nicolas Bergasse, avocat au parlement du Paris, depute du tiers e fat de la senechaussee de Lyon aux Etats Generaux: (1750—1832). P., 1910. P.29.
- ¹⁰⁰ Бриссо писал в своих мемуарах об этом салоне: «Невозможно подсчитать замыслы всех памфлетов, зародившихся там; в 1787—1788 гг. из этого очага вышли почти все антиправительственные брошюры, и надо воздать должное Корнманну, который потратил часть своего состояния на их опубликова-ние» (Brissot. Memoires. T.2. Ch.XXXVI).
- ¹⁰¹ Nicolas Bergasse, avocat... P. 39.
- ¹⁰² Egret I. La pre-revolution francaise 1787/1788. P., 1962. P.326—330.
- ¹⁰³ Lameth A. Histoire de l'Assemblee constituante. T.1. P.34—36, en note; Egret J. Op.cit. P.330—331.
- ¹⁰⁴ Согласно католической традиции первыми идею троичного деления общества сформулировали епископы Адальберон и Жерар из Камбре (Duby G. Les trois ordres ou l'imaginaire du feodalisme. P., 1978).
- ¹⁰⁶ Bulst N. Vers les etats modernes: le tiers etat aux Etats generaux de Tour en 1484//Representation et vouloir politiques: Autour der Etats generaux de 1614. P., 1982. P.12—13.
- ¹⁰⁷ Mousnier R. La plume, la faucille et le marteau. P., 1970. P.216.
- ¹⁰⁷ См.: Пименова Л.А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986. С.31.
- ¹⁰⁸ Formes observees en 1649 et pendant les annees suivantes pour l'election et la deputation de certains citoiens du baillage de Rouen aux Etats generaux du Royaume. S.1., s. a.; Mousnier R., Labatut I. P., Durand Y. Problemes de stratification sociale: Deux cahiers de la noblesse: 1649—1651. P., 1965; Major Russell I. The Deputies to the Estates General in Renaissance France. Westport, Connecticut, 1974.
- ¹⁰⁹ Рокэн Ф. Указ.соч. С.9.
- ¹¹⁰ Там же. С.158.
- ¹¹¹ Richef D. Autour les origines ideologiques lointaines de la Revolution francaise: elites et despotisme//Annales ESC. 1969. N 1. P.6—7.
- ¹¹² Godefroy D. Abrege des trois Estats. P., 1682; Menestier. Les diverses especes de noblesse. P., 1685.
- ¹¹³ Цит. по: Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М., 1905. С.125.
- ¹¹⁴ См.: Коробочко А. Е. Из истории социальных движений во Франции в первой половине XVIII в.//Французский ежегодник: 1965. М., 1966; Лотте С. А. «Республиканское» сословие: (Из истории французского предпролетариата XVIII века)//Французский ежегодник: 1960. М., 1961; Она же. Рабочий вопрос в Лионе накануне революции: (По поводу одного конкурса, объявленного аббатом Рейналем) // Французский ежегодник: 1962. М., 1963; Bonnassieux P. La question des greves sous l'Ancien regime. P., 1882; Kaplow I. The Names of Kings the parisian labouring poor in the eighteenth century. N.Y., 1972.
- ¹¹⁵ Bouton C. A. Les victimes de la violence populaire pendant la Guerre des iarmes//Mouvements populaires et conscience sociale. P., 1985. P.391.
- ¹¹⁶ Furef F.. Richet D. La Revolution francaise. P., 1973. P.38.
- ¹¹⁷ Цит. по: Рокэн Ф. Указ. соч. С.425.
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ Вебер М. История хозяйства. Пг., 1923. С.221.

Рекомендуемые публикации по теме:

Р.Дарнтон. **Анатомия литературной республики: досье инспектора полиции** (глава из книги «Великое кошачье побоище и другие эпизоды французской культуры»)

http://enlightment2005.narod.ru/papers/darn_lit_rep.htm

ЖИРОНДА В ПЕРИОД ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Буржуазия и Великая французская революция.

М., 1989. С. 53-96, примечания 195-199.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

Одним из наиболее значимых явлений периода Великой французской революции был процесс зарождения и развития специфических форм политической организации французской буржуазии. Наметившийся еще накануне революции, этот процесс отражал теперь становление буржуазии как нового господствующего класса Франции и имел ключевое значение для складывания политической системы утверждавшегося буржуазного общества.

Наиболее зримо он протекал в период Законодательного собрания (точнее — с лета 1791 по лето 1792 г.), когда была сделана попытка утвердить буржуазный порядок во Франции на основе представительной системы правления при наличии широкого спектра буржуазно-демократических прав и свобод. Главными элементами этого режима, закрепленными в Конституции 1791 г., были однопалатный парламент, контролировавший деятельность назначаемого королем правительства, цензовое, но все же невиданно демократичное по тем временам избирательное право, полный набор политических свобод, избираемость сверху донизу всей администрации на местах.

Появление в период Законодательного собрания целого ряда буржуазных политических организаций диктовалось потребностями складывавшейся новой политической системы. Наиболее показательна история политической группировки жирондистов, сыгравшей важнейшую роль в развитии событий на данном этапе революции.

1. ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ

Изучение истории Жиронды как особой формы политической организации буржуазии выдвигает в качестве одной из главных задач определение круга людей, которых можно применительно к лету 1791 — лету 1792 г. называть жирондистами, рассматривать в качестве субъектов, носителей идейных установок и политической практики Жиронды.

Процесс складывания жирондистской группировки протекал через развитие определенных, специфически присущих ей форм организации. Поэтому представляется, что рассмотрение этих форм, их трансформации на том или ином этапе деятельности Жиронды позволит охарактеризовать основные тенденции процесса зарождения и складывания этой политической группировки.

Уже в заключительный период деятельности Учредительного собрания происходило постепенное сближение ряда политиков и журналистов, группировавшихся вокруг определенных парижских кружков и политических объединений, в том числе Общества друзей чернокожих, которое существовало с 1788 г. Среди членов Общества были Ж.-П.Бриссо, Ж.Петион, Ф.-К.Лантена, аббат А.Грегуар. В этот же период обратило на себя внимание появление двух небольших политических кружков. Центральными фигурами одного из них являлись Бриссо, Грегуар, К.Демулен, Э.Лусталло, во главе второго стояли Лантена и Грегуар. Членов этих кружков объединяло одинаковое понимание ряда актуальных проблем политической жизни. Имена большинства из них мы встретим позже среди жирондистских лидеров¹.

В феврале 1791 г. в Париж приехали из Лиона супруги Ролан, дом которых стал вскоре одним из мест, где собирались политики и журналисты, составившие ядро будущей Жиронды. С некоторыми из них (с Лантена, Бриссо, Боском, Б.-А.Банкаль дез Иссаром) Роланы были знакомы уже давно. Во многом именно благодаря Бриссо салон Роланов превратился в важный центр политической жизни. Это были собрания единомышленников, ощущавших потребность в координации действий. "...Друг Петиона... Бриссо представил его нам, — вспоминала г-жа Ролан, — так же как и многих депутатов (помимо Петиона здесь часто бывал и Ф.Бюзо. — Э.Г.), старые связи или одно только единство принципов и уважение к общественному делу собирали их зачастую вместе для обсуждения связанных с этим проблем"². Этот салон просуществовал до конца августа 1791 г.

Весной — летом 1791 г. произошло сближение деятелей из салона Роланов с аббатом К.Фоше — одним из руководителей "Социального кружка", и массовой организации этого объединения — "Федерации друзей истины". Собрания "Федерации" посещали Ролан и Бриссо; активно участвовал в ее деятельности Кондорсе. Их связи с Фоше устанавливались через Лантена и Банкаля³.

К периоду Вареннского кризиса лета 1791 г. относятся сведения о ряде политических собраний, “комитетов”, в центре которых все те же будущие жирондисты. Э.Дюмон, близкий в 1791—1792 гг. к жирондистам, сообщает в мемуарах: “Кондорсе в момент бегства короля становится законченным республиканцем. Клавьер, Бриссо, Петион, Бюзо собирались, чтобы обсудить этот вопрос (речь шла о возможности введения во Франции республиканской формы правления. — Э.Г.). Об этом говорили у Биддермана, и я видел, как формировалась первичная основа той точки зрения, которая укрепилась в средиземноморских провинциях”⁴. Местом обсуждения проблем, связанных с дискуссией о республике и республиканизме, служил также дом уже упоминавшегося выше Э. Клавьера, с которым Бриссо тесно сблизился именно летом 1791 г. Аббат Грегуар, тогда депутат Учредительного собрания, вспоминал: “Петион, Бриссо, Ноай и кое-кто еще — мы, собравшись у Клавьера, обсуждали, что те из нас, кто был членом Собрания, могли противопоставить сторонникам неподсудности короля”⁵. Вопросы текущей политики обсуждались и на квартире Петиона⁶.

Помимо этих политических собраний и салонов перечисленные политики и журналисты группировались с весны — лета 1791 г. вокруг ряда газет. Одной из них стала “*Republicain*”, которая была задумана в салоне Роланов как рупор обсуждавшихся здесь идей. Сотрудниками и редакторами этой газеты являлись Бриссо, Ж.А.Кондорсе, Т.Пэн, Э.Дюмон, Дюшатле (бывший военный, близкий к жирондистам)⁷. Среди сотрудников ежемесячника “*Chronique du mois*”, в будущем одного из прожирондистских изданий, были Клавьер, Кондорсе, Биддерман, Лантена, С.Мерсье и др.

В целом к концу деятельности Учредительного собрания произошло основанное на едином понимании некоторых политических проблем сближение ряда политиков, журналистов, общественных деятелей, особенно отчетливо проявившееся весной — летом 1791г. Ядро этой группы состояло, очевидно, из постоянных посетителей упомянутых собраний и салонов, среди которых были Бриссо, Петион, Кондорсе, Клавьер, супруги Ролан, Лантена, Банкаль дез Иссар, аббат Грегуар, Бюзо. К ним тесно примыкали Биддерман, Боск, Дюшатле, а также Фоше и Т.Пэн. Многие из этих лиц сыграют затем решающую роль в деятельности Жиронды в период Законодательного собрания и позднее, в период Конвента.

В тревожные дни августа 1791 г. некоторые из этих деятелей уже вполне осознавали потребность в единстве. Так, г-жа Ролан писала Банкалю 19 августа 1791 г.: “Я считаю за честь сообщить Вам, что вы просто обязаны пообедать сегодня с нами: Бриссо только что вышел от нас, он должен вернуться, и мой друг (Ролан.— Э.Г.) считает, что наступил момент, когда добрые граждане должны объединиться и действовать заодно. Эта доктрина доброго согласия близка моему пониманию, и я надеюсь, что она не противоречит и вашему”⁸.

Следует отметить, что этих людей объединяли также и личные связи. Так, давние дружеские отношения существовали между Роланами, Банкалем, Боском и Лантена, знакомыми с 1780 г. Бриссо и Петион — земляки, уроженцы Шартра — тесно сошлись между собой именно весной 1791 г., как и Клавьер с Бриссо. Клавьер, в свое время ближайший помощник Мирабо, после смерти последнего все надежды на продолжение политической карьеры перенес на Бриссо, быстро набиравшего тогда влияние. Биддерман был компаньоном Клавьера в делах, оба они, как и Дюмон, уроженцы Женевы. С лета 1791 г. на почве общих политических интересов завязались дружеские отношения между Грегуаром, Бюзо, Бриссо и Роланами⁹.

Изменение политической ситуации после вступления в сентябре 1791 г. в действие Конституции, а также отъезд в конце августа — начале сентября из Парижа Грегуара, Роланов, Банкаля, Фоше, Бюзо прервали на время процесс формирования группы. К концу лета 1791 г. лишь наметились некоторые ее организационные черты и состав.

Новый период в складывании политической группировки, отождествляемой с будущей Жирондой, открылся с началом работы Законодательного собрания (1 октября 1791 г.) и длился по март 1792 г. Он характеризовался созданием и активной политической деятельностью так называемого “Комитета Вандомской площади” — объединения ряда депутатов Законодательного собрания, общественных деятелей и журналистов. “Комитет” этот принял форму традиционного парижского салона и располагался на Вандомской площади, в доме некоей г-жи Доден, вдовы богатого администратора Индийской компании, близкой знакомой Верньо. Лидерами “Комитета” стали депутаты — представители прежней “парижской” группы: Бриссо, Кондорсе, Клавьер, а также депутаты Собрания от Бордо и департамента Жиронда — Верньо, Гаде, Жансонне и Дюко. Ими, однако, отнюдь не ограничивался состав посетителей салона.

Данные различных источников сходятся в том, что указанные собрания выполняли роль координирующего центра, где вырабатывались политические решения, а их участников объединяло единство взглядов по основным проблемам текущей политики. Бриссо вспоминал: “...с момента созыва Законодательного собрания прибывшие в Париж депутаты от Жиронды искали моей дружбы в силу моей позиции по колониальному вопросу. Мы решили встречаться три раза в неделю, за час до начала работы Национального собрания... Во время этих завтраков мы обсуждали вопросы, которые должны были быть поставлены в Собрании”¹⁰. Дюмон, вернувшийся в марте 1792 г. в Париж из поездки в Швейцарию и введенный в этот салон через Бриссо, Клавьера и Кондорсе, писал о его посетителях в том же духе: “Они приходили сюда для того, чтобы согласовать свои действия перед тем, как отправиться в Собрание...”¹¹ На этих собраниях бывали Бриссо, Клавьер, Кондорсе, Редерер, Жансонне, Гаде, Верньо, супруги Дюко, Лантена, Серр, а после возвращения в декабре 1791 г. в Париж — и Ролан¹². “Комитет Вандомской площади” сумел организовать в

марте 1792 г. падение кабинета Делессара—Монморена и фактически сформировал первое министерство жирондистов в марте — мае 1792 г. Именно к деятелям, входившим в этот “Комитет”, обратились тогда представители короля и двора, как к официальной оппозиции, силе, способной сформировать правительство¹³.

Другим центром политических собраний для той же группы лиц стала парижская ратуша, где Петион (с октября 1791 г. — мэр Парижа) устраивал “общественные обеды”, о которых Дюмон писал позже следующее: “Я ходил в мэрию (т. е. в ратушу. — Э.Г.) на общественные обеды Петиона, где собиралась Жиронда, Беседы всегда были направлены против двора. Здесь говорили о заговорах в Кобленце, об Австрийском кабинете, об измене двора...”¹⁴ В числе посетителей этих собраний — все тот же круг лиц. Дюмон называет основных членов упомянутой им “Жиронды” — Верньо, Гаде, Бриссо, Жансонне, Серр, Редерер, Кондорсе, Ласурс. Кроме того, весной 1792 г. здесь появились Ролан и другие министры-жирондисты (Серван, Клавьер), а в июле 1792 г. и Барбару¹⁵.

Итак, уже с первых дней работы Законодательного собрания прослеживалось сближение группы политиков, депутатов, журналистов, реализовавшееся в организационном плане в деятельности ряда политических салонов, собраний, “комитетов”. Источники уверенно отождествляют складывавшееся объединение с Жирондой. Участие в этом процессе “парижан” — политиков, пытавшихся объединяться в рамках подобных же форм еще весной — летом 1791 г., — позволяет говорить об определенной преемственности в использовании уже более или менее отработанных способов организации.

С начала весны 1792 г. наступил новый, третий этап в деятельности группы. Резко возросла ее роль в политической жизни, влияние в Собрании. Жирондисты добились права на формирование министерства, окончательно определилось их место среди прочих политических сил. Указанные события сопровождались дальнейшим развитием характерных для этой политической группировки форм организации и расширением ее состава.

Весной 1792 г. вновь начал функционировать салон г-жи Ролан, вернувшейся с мужем в Париж в декабре 1791 г. Роланы восстановили связи с членами бывшей “парижской” группы — Боском, Банкалем, Лантена, Бриссо. После того как в марте 1792 г. деятели из “Комитета Вандомской площади” провели Ролана на пост министра внутренних дел в первом министерстве жирондистов, салон г-жи Ролан переместился в “отель” министерства и стал важнейшим организационным центром Жиронды.

“Я часто видела с Бриссо многих других членов Законодательного собрания, — отмечала г-жа Ролан, — они бывали у меня... вместе с министрами и поддерживали с ними ту связь, которая необходима людям, отдавшим себя целиком общественному делу и нуждающимся во взаимном согласии и обмене информацией, чтобы лучше ему служить”¹⁶. Среди посетителей салона были Бриссо, Верньо, Жансонне, Гаде, Дюко, Клавьер, Лантена, Луве, Банкаль, Боск, Дюлор, Серван, Серр, а также, очевидно, Петион, Горса, Манюэль, а позже — Барбару и Ребекки¹⁷.

Вообще именно Роланы наиболее отчетливо проявляли осознанное стремление к объединению, организации близких им по убеждению людей. Едва получив присланный Ж.-А.Дюлором номер издаваемой им газеты с похвалами в свой адрес, г-жа Ролан поблагодарила его и пригласила к себе уже как единомышленника: “Примите мою благодарность и не забывайте, что господин Ролан устраивает обеды у себя по понедельникам и что он разделяет ваше мнение о необходимости увеличивать число добрых граждан, которыми он стремится себя окружить”¹⁸. Луве вспоминает о времени своего сближения с Роланами: “Оба они (Ролан и его жена. — Э. Г.) настойчиво уговаривали меня писать для дела, которое нуждалось в тесном объединении всех лиц, способных претворить его в реальность”¹⁹.

Мало что известно о степени внутренней дисциплинированности жирондистских собраний. Однако, например, постепенный отказ Дюмуре (министра в первом министерстве жирондистов) от посещений салона г-жи Ролан и его нежелание прислушиваться к мнению лидеров Жиронды были восприняты как своего рода измена. “...Он перестал видаться с депутатами, — отмечала г-жа Ролан, — и казался недовольным, встречая их у меня. Приходил он редко. Учитывая это его поведение, я сказала Ролану, что... пришел час расстаться с Дюмуре, если мы не желаем быть повергнутыми им...”²⁰

Анализируя процесс складывания Жиронды, сплочения ее в рамках специфических организационных форм, нельзя пройти мимо вопроса о месте в этом процессе Якобинского клуба и клубной организации вообще. Доминируя в Якобинском клубе до декабря 1791 г. (с момента ухода фейянов из Клуба в июле 1791 г.), жирондисты с периода дискуссии о войне зимой 1791/92 г. испытывали нарастающее сопротивление формировавшейся Горы, которое к концу апреля 1792 г. привело к открытому столкновению с Робеспьером и его сторонниками. Не случайно жирондисты с самого начала функционирования Законодательного собрания воссоздали и активно развивали свою, параллельную клубной, “салонную” “комитетскую” организацию. При всей аморфности и неопределенности последней, именно она весной — летом 1792 г. фактически выполняла для жирондистов роль центра, где вырабатывались политические решения, координировалась деятельность.

Для монтаньяров такую роль отныне будет играть главным образом завоевываемый ими Якобинский клуб (подробнее о взаимоотношениях Клуба и Жиронды см. ниже).

Можно предположить, что размежевание с будущими монтаньярами, которые стали вскоре отождествляться с якобинцами, ускоряло процесс сплочения Жиронды, отражая не только острую борьбу между двумя группировками революционных политиков, но и чисто организационное отделение жирондистов от Якобинского клуба. Не случайно на собраниях у Петиона зимой — весной 1792 г., по воспоминаниям Дюмона, “осуждалась не только умеренность фейянов, но и анархическая яркость якобинцев”²¹. Не случайно также и то, что сама организационная практика жирондистов была сразу же отмечена и осуждена якобинцами — сторонниками Робеспьера. Так, в апреле 1792 г. Робеспьер с трибуны Клуба призывал своих противников выступить против него в Обществе гласно, а не на частных собраниях²². Тогда же, в апреле, Марат в письме к Петиону, явно намекая на устраиваемые последним политические обеды, осудил его за допущение дурных граждан к своему столу (назвав при этом имена Ласурса, Редерера, Бриссо) и очень настороженно отозвался о тайных узах, объединявших их с Петионом²³. Через месяц, в мае 1792 г., Робеспьер в одном из номеров издававшейся им газеты “*Defenseur de la Constitution*” упрекал Ролана за то, что дом последнего стал местом встреч интриганов, “новой клики”, враждебной патриотам²⁴. Показателен отказ Шабо от участия в этих собраниях жирондистов, к которым его пытался привлечь Бриссо еще в начале работы Собрания: “Я не желаю посещать иные собрания, кроме как у якобинцев. Это Собрание — не Конституанта, устройство которой нуждалось в ведущих и ведомых. Здесь все мы — депутаты народа. Народ за нас, необходимо действовать открыто”²⁵. Очевидно, различное отношение к формам организации типа салонов и “комитетов” уходило корнями в различные социальные ценностные ориентиры, модели политического поведения обеих групп революционных политиков — жирондистов и будущих монтаньяров.

Интересные наблюдения позволяют сделать изучение организационной практики “жирондизма” как политического течения в самом департаменте Жиронда и в Бордо, где в отличие от Парижа жирондистские элементы уже с 1791 г. консолидировались на базе клубной организации. Центром жирондистов и отравителем устремлений торгово-промышленной и интеллектуальной элиты Бордо в 1791—1793 гг. стал местный Клуб друзей Конституции. Клуб этот, связанный с широкой сетью клубов в остальных городках департамента, противостоял Национальному клубу Бордо, который олицетворял монтаньярское течение в клубистском движении города. Впоследствии Клуб друзей Конституции стал одним из важнейших центров федералистского движения в Бордо и департаменте Жиронда. Именно с ним поддерживали связи жирондисты в 1791—1793 гг. Членами его были Верньо, Гаде, Гранженёв, Жансонне, Дюко²⁶.

Наличие у жирондистов достаточно устойчивых специфических форм организации, последовательно выкристаллизовавшихся в период лета 1791 — лета 1792 г., позволяет с новых методических позиций подойти к решению вопросов о составе и структуре Жиронды, наиболее сложных в современной литературе, посвященной истории этой группировки²⁷. Применительно к периоду Законодательного собрания отсутствуют такие критерии их решения, какие для периода Конвента с большей или меньшей степенью надежности дают проскрипционные списки лета — осени 1793 г.* или результаты поименных голосований в Конвенте зимы — весны 1793 г. Представляется, что одним из ключевых признаков при определении состава Жиронды в период Законодательного собрания следует считать участие в деятельности жирондистских собраний, салонов, комитетов, так как именно они стали организационными формами объединения политиков и идеологов, входивших в эту группировку.

Подобный подход позволяет несколько по-новому обрисовать ее структуру, наиболее характерной чертой которой являлась внутренняя неоднородность. Применительно к периоду Законодательного собрания можно выделить крепкое ядро лидеров группировки, определявшее и формировавшее ее идейно-политические установки и к тому же достаточно организованное в рамках жирондистских салонов и собраний. К этому ядру, насчитывавшему, очевидно, 30—40 человек, примыкал ряд политиков, журналистов, общественных деятелей, игравших вспомогательную, второстепенную роль в деятельности Жиронды. Более широкий круг лиц входил в жирондистское крыло Законодательного собрания, представляя прожирондистское течение в Якобинском клубе, в прессе и публицистике, среди политиков в провинции, которые постоянно поддерживали политическую линию Жиронды и разделяли идейные установки ее лидеров. В корне неверны и малопродуктивны любые попытки определить с точностью до одного человека состав группировки, рассматривая ее как однородное целое, причем не только применительно к периоду Законодательного собрания, но и в не меньшей степени применительно к периоду Конвента.

Если говорить о тех, кто мог реально претендовать на роль лидеров жирондистов, то следует назвать ряд имен, круг которых постепенно определялся до лета 1792 г. по мере развития группы. Противники жирондистов — будущие монтаньяры, обозначив в ходе бурных политических дебатов весны — лета 1792 г. Жиронду как “клику” (“*faction*”), называли в качестве ее лидеров Бриссо, М.Э.Гаде, П.Верньо, Кондорсе²⁸. Дюмор, вспоминая о зарождении в начале 1792 г. “партии” (“*parti*”) “жирондистов-бриссотинцев”, особо выделял среди последних (помимо самого Бриссо) Кондорсе, Петиона и “депутатов департамента Жиронда”²⁹. Для русского посла И.М.Симолина вождем противников “партии” Робеспьера в Клубе в феврале 1792 г. был Бриссо, также глава “партии”³⁰. Близкая в этот период к жирондистам г-жа де Сталь выделяла среди их парламентского крыла Бриссо и Кондорсе³¹. Ж.-Б.Луве, с весны 1792 г. “законченный” жирондист, отмечал особую роль Кондорсе, Ролана и Бриссо, причем последнего упоминал именно как главу

“партии” (“parti”)³². По словам Дюмона, именно Бриссо играл ведущую роль в “Комитете Вандомской площади” в период Законодательного собрания³³. Тот же Дюмон оставил крайне любопытную характеристику тех, кого он назвал “главными в партии жирондистов” (“principaux des parti girondistes”): “Верньо был человеком апатичным, говорившим мало и требовавшим побуждения; но когда он был воодушевлен, его красноречие было искренним, сильным, проникающим, идущим от сердца. Гаде был более энергичен, более рассудителен, более общителен; красноречивый и изобретательный, он всегда был готов подняться на трибуну и стать лицом к лицу со своими противниками. Бриссо вечно писал, спешил, устраивал собрания, все приводил в движение, но не имел таланта говорить и никогда не производил впечатления как оратор. Ему недоставало выразительности, легкости и непосредственности. Жансонне имел характер мягкий и легкий. Бюзо был по своему красноречив, говорил проникновенно и убедительно. Серр, совсем неизвестный публике и имевший большое влияние в их (жирондистских. — Э.Г.) комитетах, был человеком рассудительным, умеренным, любезным, который часто отвращал их от поспешных решений и который был единственным, кто сдерживал Бриссо. Редерер, человек разумный, но невежественный, имел долю легкомысленности в характере, почему и играл второстепенную роль, хотя по своим способностям он превосходил почти всех. Кондорсе никогда не говорил с трибуны, мало в беседе. Его называли бешеной овцой (le mouton enrage). Это был не лидер; его имя придавало ему большой вес в этой партии, но мне он казался лишь защитником и проводником их действий”³⁴.

Показательно, что г-жа Ролан в тревожном письме к Бриссо 31 июля 1792 г., перебирая в предчувствии близящихся потрясений кандидатуры на роль лидера “партии”, сильной личности, назвала те же имена: Бриссо, Серр, А.Жансонне, Гаде, Верньо³⁵. Их же перечислил Ш.-Ф.Дюмуре применительно к периоду Законодательного собрания: Гаде, Бриссо, Кондорсе, Жансонне, Верньо, Петион и П.-Л. Редерер.

Вплоть до весны 1792 г. Бриссо, Кондорсе, Жансонне, Гаде, Верньо могли претендовать на роль вождей Жиронды. С марта 1792 г. к ним следует добавить супругов Ролан. Большим влиянием пользовались Петион, Редерер, Лантена и Серр. Именно они стояли за важнейшими политическими акциями Жиронды, руководили деятельностью “комитетов” и салонов, назначали министров и раздавали должности в период “первого министерства жирондистов”.

* * *

Рассматривая Жиронду как специфическую форму буржуазной идейно-политической общности, складывавшуюся в период лета 1791 — лета 1792 г., нельзя обойти вопрос о ее месте в системе прочих политических сил того времени, тесно связанный с определением тенденций отмежевания жирондистов от других политических течений и группировок. Непрерывный процесс партийно-политического размежевания в годы буржуазных революций носит закономерный и объективный характер и определяется логикой социальной борьбы, находящей отражение в борьбе политической.

Представляется, что процесс самоопределения Жиронды как особой политической группировки характеризовался ее постепенным вычленением из общего лагеря буржуазной “левой”^{***} и размежеванием жирондистов с якобинцами, будущими монтаньярами. Процесс этот стал также доминирующим фактором внутренней консолидации Жиронды.

Положение жирондистов в общей системе политических сил в период лета 1791 — лета 1792 г. было неоднозначным. Вплоть до конца весны 1792 г. в целом они противостояли с буржуазных позиций как наиболее одиозным пережиткам старого порядка, взятым под защиту королем и двором, так и консервативным устремлениям фейяноско-монархического лагеря. Позиции жирондистов по отношению к “правым” — откровенным роялистам и наиболее консервативным слоям фейянов — достаточно четко наметились еще в период Вареннского кризиса, ожесточенной, по крайней мере в Париже, компании августа — октября 1791 г. по выборам в Законодательное собрание и окончательно определились в ходе упорной борьбы в самом Законодательном собрании с фейянами и с контрреволюционными происками двора.

Конфликт с союзниками по буржуазной “левой” начал назревать с зимы 1791/92 г. и, обостряясь, стал к лету 1792 г. постоянным фоном политической деятельности жирондистов. В этот период Якобинский клуб, “патриотическая”, революционная пресса, “левая” Собрания были расколоты острыми дискуссиями по животрепещущим политическим проблемам, стали ареной размежевания уже достаточно оформившейся Жиронды и складывавшейся Горы. Роль лидера последней все отчетливее играл Робеспьер. Важнейшими среди обсуждавшихся были вопросы о войне, об отношении к М.-Ж.Лафайету и Нарбонну, о возможности сотрудничества с королем и королевской властью, проблемы, вставшие в связи с деятельностью первого министерства жирондистов. Обе стороны, констатируя далеко зашедший процесс размежевания, в разгар дискуссии сами обозначили друг друга как противоборствующие политические группировки.

Первой среди серьезных проблем, выявивших процесс расхождения в лагере “левых”, особенно в Якобинском клубе, стало отношение к войне, в пользу которой жирондисты активно повели агитацию в Собрании, в Клубе и в прессе с декабря 1791 г. Для жирондистов эта дискуссия стала отправной точкой раскола. “Я не затронул бы этот вопрос, — писал в своих воспоминаниях Дюлор об этой полемике, — ...если бы его обсуждение имело обычные последствия; но оно стало причиной, или, по меньшей мере, поводом к крупному размежеванию

между патриотами, разделению, которое повлекло самые разрушительные последствия... С этого периода Робеспьер и его сторонники образуют партию, называемую робеспьеристами, маратистами... а его противники составляют другую, называемую жирондистами или бриссотинцами”³⁶.

Для Луве также именно противостояние по вопросу о войне было борьбой “фракции” (“faction”) Робеспьера и “партии” (“parti”) Бриссо, отождествлявшихся с определенными группами среди якобинцев. “...К январю, — отмечал в октябре 1792 г. Луве, — должно отнести появление среди якобинцев партии, слабой по численности и по влиянию, полной отваги и всякого рода низостей... распространявшей... свою доктрину, которую выдавали за нашу... чтобы сеять недовольство, утомлять, устранять нас с помощью самых подлых методов...”³⁷ Не случайно, очевидно, именно к концу января — началу февраля русский посол И.М.Симолин отмечал разделение якобинцев на соперничавшие “партии” — “партию” Бриссо и “партию” Робеспьера³⁸.

Отчетливую поляризацию мнений, трансформировавшуюся в рамках Якобинского клуба в противостояние двух группировок, ярко раскрыл ход обсуждения вопроса о войне. За жирондистский план превентивной революционной войны, нашедший наиболее отчетливое выражение в речах, статьях и выступлениях Бриссо, высказались Луве, Реаль, Редерер, Силлери, Манюэль, Ласурс, Банкаль, Инар и др. В то же время выявилась группа активистов Клуба, открыто противостоявшая сторонникам войны и солидарная с позицией Робеспьера, видевшего в войне крайнюю и наименее желательную форму решения насущных внутри- и внешнеполитических задач, чреватую осложнениями для революции. Оценивая борьбу Робеспьера против жирондистского плана войны, Бийо-Варенн отмечал 29 января 1792 г.: “...наши противники хотят представить дело так, будто Робеспьер один, будто он один придерживается этой точки зрения. Ну а Дантон, Антуан, К.Демулен, Машено, Сантер, Панис — сколько еще других членов клуба, которые, не поднимаясь на трибуну, выражали те же настроения, одобряя достаточно энергично одну точку зрения, — все они ничто для этих господ”³⁹. Как видим, уже в январе для Бийо сторонники войны (т.е. жирондисты) — “противники” его единомышленников. Даже после того как 20 апреля война была объявлена, стычки в Клубе по этому вопросу не прекратились. В марте — июне с его трибуны неоднократно осуждались и война, и те, кто ее пропагандировал, причем последние понимались как особая группа в рамках Клуба. Таковы в числе прочих выступления Мерлена из Тионвиля, Робеспьера, Шабо, Л.Лежандра, К.Базира и др.⁴⁰

Еще одной проблемой, обсуждение которой выявило раскол среди “левых”, было отношение к двум видным деятелям фейянско-монархического лагеря: Лафайету и Нарбонну. Генерал Лафайет, один из лидеров либерального дворянства в Учредительном собрании, бывший командир парижской национальной гвардии, возглавлял с весны 1792 г. одну из армий на границе. Скомпрометировавший себя участием в расстреле антимонархической демонстрации на Марсовом поле в Париже 17 июля 1791 г., не скрывавший своих монархических взглядов, он к началу лета 1792 г. открыто перешел в стан врагов революции. Для большинства радикально настроенных буржуазных политиков из лагеря “левых”, тех, кто в будущем войдет в монтаньярский блок, маркиз Лафайет уже зимой 1791/92 г. был фигурой одиозной. Отношение к нему становилось мерилom революционности. С января 1792 г. в Якобинском клубе против него разгорелась настоящая кампания, достигшая апогея к июню. Вплоть до падения 13 июня первого министерства жирондистов она велась только будущими монтаньярами, которые подозревали жирондистов в преступных, с их точки зрения, связях с Лафайетом. Эти подозрения стали одной из причин их размежевания с Жирондой.

В январе — феврале 1792 г. Демулен и Робеспьер резко атаковали Бриссо за лояльное, по их мнению, отношение к Лафайету. 23 апреля, в ходе новой вспышки кампании против маркиза, в которой участвовали также Колло д'Эрбуа и Мерлен из Тионвиля, Робеспьер призвал Клуб, сплотившись, разоблачать изменников в своей среде, которые тайно поддерживают Лафайета. Прозрачный намек был понят и 25 апреля Бриссо счел долгом отвергнуть подозрения в знакомстве и сотрудничестве с одиозным генералом.

29 апреля Робеспьер, критикуя “клику Бриссо—Гаде”, условием возможного примирения с ней своих сторонников (“друзей отчизны”) назвал совместную борьбу против Лафайета, как бы подчеркивая далеко зашедшее враждебное размежевание.

На призыв к миру и подобные условия жирондисты 28, 29 и 30 апреля ответили со страниц своих газет потоком яростных нападок на Робеспьера, и тогда же Фрерон, сторонник последнего, заявил с трибуны Клуба, что отношения своего к Лафайету Бриссо так и не выразил⁴¹. Робеспьер, начавший в мае издавать газету “*Defenseur de la Constitution*”, в первых же ее номерах прямо обвинил лидеров Жиронды в “очевидных” тайных связях с Лафайетом и назвал последнего другом жирондистов⁴². В мае — июне против Лафайета в Клубе выступали Шабо, Демулен, Ион, Тальен, Добиньон, Робеспьер, Дантон, Фабр д'Эглантин, Ф.Робер.

Речь последнего 18 июня продемонстрировала как значимость проблемы отношения к Лафайету для размежевания в среде “левых”, так и глубину этого размежевания. Робер заявил: “Мы считаем, что господа Бриссо, Гаде, Верньо и другие связаны с Лафайетом; вскоре мы узнаем, являются ли они его приверженцами. Если они таковыми являются, они не придут сюда. Если придут, то наши подозрения рассеются, так как это единственная возможность установить единство среди нас”⁴³.

Подозрения будущих монтаньяров были обоснованными — вплоть до 20-х чисел июня 1792 г. жирондисты воздерживались от критики в адрес Лафайета, сохраняя надежды на возможность сотрудничества с ним. Еще в период Учредительного собрания Бриссо в *"Patriote Francais"*, издателем которого он был, восхвалял стремление Лафайета к установлению "порядка" и в № 656, 657, 659 даже принял его сторону против нападков Марата, Фрерона и Демулена⁴⁴. Личная дружба и общность взглядов на ряд политических проблем связывали Лафайета с Кондорсе. Бриссо вспоминал, что в период кампании против маркиза в Клубе и в "патриотической" прессе зимой — весной 1792 г. он сознательно оставался в стороне, не допуская появления критических материалов и в своем *"Patriote Francais"*, ибо верил, по его словам, в гражданские добродетели генерала⁴⁵. Ролан, будучи министром, в ответ на заносчивые и угрожающие письма, которые Лафайет слал из армии, уговаривал последнего сделаться "героем революции"⁴⁶. Сходную позицию занимал в этот период и Барбару⁴⁷.

Представляется, что достаточно точно позицию жирондистов в этом вопросе отражают следующие слова Кондорсе из № 172 (июнь 1792 г.) издававшейся им *"Chronique de Paris"*: "Является ли г. Лафайет врагом свободы? Нет, но предпочтение, которое он постоянно оказывает интриганам перед честными людьми, хитрецам перед просвещенными, заставило его совершить немало ошибок, в том числе и эту (речь идет о письме к Собранию 16 июня. — Э.Г.), самую крупную из всех. У него есть средство исправить ее, это — громко, публично и безоговорочно порвать с дураками и мошенниками, толкнувшими его на эту ошибку"⁴⁸.

В различном отношении к Лафайету со стороны жирондистов и будущих монтаньяров проявлялись, по сути, противоположные подходы к возможности компромисса с силами феианско-монархического лагеря: зимой — весной 1792 г. готовность жирондистов к компромиссу отразилась во многих аспектах политической практики, а будущие монтаньяры все более решительно отказывались от него.

Подобный же характер носила и борьба вокруг фигуры Нарбонна, занимавшего в декабре 1791 — марте 1792 г. пост военного министра. Профессиональный военный, он считался сторонником Лафайета и был близок как ко двору, так и к кругам буржуазно-аристократической феиански настроенной элиты, группировавшейся, в частности, вокруг салона г-жи де Сталь, дочери бывшего министра-реформатора Неккера, подруги Нарбонна.

Сохранились многочисленные свидетельства связей Нарбонна с жирондистами. Так, в конце 1791 г. Нарбонн и его коллега по кабинету Кайе де Жервиль установили контакты с лидерами Жиронды Бриссо и Кондорсе, которые вели бурную кампанию против тогдашнего кабинета, и пытались уговорить их умерить пыл. В результате газеты жирондистов начали почему-то расточать похвалы Нарбонну, продолжая критику остальных министров⁴⁹. Бриссо, Кондорсе, Верньо и Инар посещали салон г-жи де Сталь. Лидеры Жиронды были в курсе дел и планов Нарбонна, современники видели в нем их креатуру, и не случайно отставка, данная королем Нарбонну 9 марта 1792 г., была воспринята как удар по жирондистам. Члены военного комитета Собрания, среди которых главенствовал Гаде, отпустили экс-министра на границу в качестве командующего одной из армий, даже не потребовав отчета о прежней деятельности. Фоше расточал в Собрании похвалы Нарбонну, величая его "пламенным патриотом". Кондорсе признавал, что разделял взгляды Нарбонна. 2 апреля, когда Нарбонн явился в Собрание и будущие монтаньяры Дюгем и Дюбуа-Крансе подвергли его резкой критике, именно жирондисты устроили Нарбонну бурную овацию, согнали Дюгема с трибуны, а на следующий день организовали нападки на него в газетах *"Patriote Francais"* и *"Chronique de Paris"*. 23—29 апреля Шабо, Мерлен и Робеспьер, обвиняя Нарбонна в стремлении к протекторату, резко критиковали Кондорсе, Фоше, Верньо, Гаде и Бриссо за связи с бывшим министром, намекали на их причастность к его замыслам, причем Шабо 23 апреля связывал поддержку Нарбонна со стороны Кондорсе, Фоше, Верньо с деятельностью некоей "клики"⁵⁰.

В мае Робеспьер вновь поднял проблему связей жирондистов с Нарбонном в *"Defenseur de la Constitution"*, объявив эти связи очевидными и вменив их жирондистам в вину. Критике подвергалась и статья Кондорсе в *"Chronique de Paris"* от 19 мая. Бывший энциклопедист резко обрушился в этой статье на одного из депутатов Собрания — Лекуантра (будущего монтаньяра) за критические высказывания в адрес Нарбонна, которого Кондорсе представил опорой отечества. В программной статье "Размышления о главных причинах наших неудач" (31 мая 1792 г.) Робеспьер перечислив лидеров Жиронды пофамильно, назвал их врагами свободы, причем одним из пунктов его обвинения стало то покровительство, которое жирондисты оказывали Нарбонну⁵¹.

Споры вокруг фигуры Нарбонна выявили враждебное отношение к нему и к поддерживавшим его жирондистам не только в Якобинском клубе, но и у лидеров "крайне левой" в Законодательном собрании, будущих монтаньяров — Мерлена, Шабо, Базира, Лекуантра, Дюгема, Э. Дюбуа-Крансе и др., причем против последних трех жирондисты даже повели ожесточенную кампанию нападков в Собрании и в прессе.

* * *

Одной из ключевых проблем, ставшей объектом дискуссий весной — летом 1792 г. и отчетливо выявившей далеко зашедший процесс отмежеваний жирондистов не только от будущих монтаньяров, но и от якобинцев вообще, стал вопрос об отношении к первому министерству жирондистов***.

Уже в ходе борьбы за создание этого министерства, а также в процессе его формирования жирондисты достаточно осознанно отмежевывались от якобинцев, действовали как бы в соперничестве с ними. Так, Бриссо в беседе с Дюмоном, раскрывая подоплеку ожесточенной атаки жирондистов против Делессара, министра

иностранных дел, падение которого стало прелюдией к формированию жирондистского кабинета, заявлял: “Это партийный удар. Нам необходимо опередить якобинцев, и с помощью этого акта мы делаем то, что сделали бы они сами”. Комментируя эти слова, Дюмон, очень близкий тогда к лидерам Жиронды, свидетельствовал: “...в глубине ими (жирондистами. — Э.Г.) руководило стремление править. Они осознавали, кроме того, потребность в силе, чтобы противостоять якобинцам Робеспьера, которые их сильно беспокоили и которых они начинали сторониться”⁵².

Не случайно, очевидно, в состав кабинета, сформированного жирондистами, не вошел никто из якобинцев — будущих монтаньяров, хотя такая возможность существовала⁵³. Показательна оценка, данная жирондистскому кабинету одним из его членов, — Дюмуре: “Это министерство лишь с малой долей истины может считаться якобинским. Лакост, Де Грав и Дюрантон (Дюмуре называет министров. — Э.Г.) никогда не принадлежали к этому обществу. Дюмуре, Ролан и Клавьер очень редко присутствовали на заседаниях этого общества до прихода на министерство и никогда позже, рассматривая его как угрожающее явление, которое надо либо придушить, либо унять, сделав менее опасным. Жирондисты были согласны с ними, и, стремясь оградить министерство, все члены которого были назначены по их выбору, они атаковали тех же якобинцев...”⁵⁴

С самого начала часть якобинцев проявила большую сдержанность в отношении нового кабинета. Эти настроения прозвучали в выступлениях Робеспьера и Колло д’Эрбуа в Клубе 19 марта⁵⁵. С откровенной враждебностью воспринял министерство Марат, назвав его “новым набором королевских агентов”, причем особо компрометирующей для одного из министров — Клавьера — счел его дружбу с Бриссо⁵⁶. Позднее негативные оценки министерства “крайне левыми” — будущими монтаньярами — усилились.

В марте — мае 1792 г. Лежандр, Демулен, Верьер, Шабо, Тальен не раз враждебно отзывались в Клубе о новых министрах и уже с конца апреля критика различных аспектов деятельности министерства увязывалась с жирондистским характером кабинета. Осуждению подверглись беспардонное вмешательство жирондистов в дела администрации⁵⁷ и тот факт, что раздача должностей зачастую использовалась ими для поощрения или подкупа тех, кого они толкали на борьбу против Робеспьера и его сторонников. 4 мая Тальен и 6 мая Робеспьер высказались в Клубе против использования жирондистами министерства для пропаганды своих взглядов в провинции, обвинив Бриссо, Гаде, Лантена в связях с министерством⁵⁸. Саму борьбу жирондистов за право сформировать министерство, процесс его создания и деятельность Робеспьер оценивал в конце мая 1792 г. как своекорыстное политическое интриганство, а хозяйничанье Бриссо, Кондорсе, Гаде, Верньо, Жансонне и других жирондистов в министерстве — как компромисс с двором и аристократией⁵⁹.

Неудивительно поэтому, что при известии об отставке, данной королем министрам-жирондистам поэтапно с 10 по 13 июня, ряд якобинцев, группирующихся вокруг Робеспьера, подвергли нападкам бывших министров и тех, кто за ними стоял. Так, 13 июня в Клубе министров критиковали Шабо и Мерлен из Тионвиля. Последний заявил: “...двор... вынужден был прибегнуть к помощи тех самых людей, кого мог считать своими самыми непримиримыми врагами: двор нашел, или ему подсунили агентов (министров. — Э.Г.), которых разыскиали в этом обществе (Якобинском клубе. — Э.Г.)... Поддержанные кликой, которая, сложившись, уже за одно это заслуживает большого осуждения и которая из-за них обвиняла патриотизм и добродетель, эти агенты старались притупить наше оружие, прикрываясь именем дружбы...” Робеспьер, также взявший слово в тот день, сказал: “Знаете ли вы, что ослабило дело патриотизма? Раскол среди патриотов, когда одни из них привязаны к министрам, которые временны, а другие к принципам, которые не изменяются никогда; когда первые занимаются только тем, что атакуют патриотов или дискредитируют их в глазах нации”⁶⁰.

Выступления Мерлена и Робеспьера как бы венчали дискуссию вокруг министерства: министры и те, кто их поддерживал, т. е. жирондисты, были обозначены как “клика”, отделены от “истинных патриотов”, обвинены в связях с двором, в расколе, угрожающем делу “патриотизма”, и как таковые признаны врагами этого дела.

Поворотным пунктом в расхождении жирондистов с будущими монтаньярами, а также в определенной степени с якобинцами вообще стала вспышка ожесточенных схваток между ними в Собрании, в прессе и особенно в Клубе во второй половине апреля 1792 г. Эти схватки приняли форму личной борьбы Робеспьера с противниками из лагеря Жиронды, главным образом Бриссо и Гаде. Полемика завершилась 30 апреля триумфом Робеспьера: Клуб официально подтвердил его правоту. (Правда, атаки против жирондистов продолжались в Клубе и в мае месяце.) Впервые Робеспьеру и его сторонникам удалось повести за собой Клуб не просто по частному вопросу, а именно против жирондистов за Робеспьера. В эти апрельские дни были в комплексе подняты все основные спорные проблемы: о войне, об отношении к Лафайету и Нарбонну, о министерстве. По сути, 30 апреля Клуб разом проголосовал за точку зрения Робеспьера и его сторонников по этим проблемам.

В ходе полемики определилось наметившееся уже ранее восприятие будущими монтаньярами группы своих противников как оформившегося политического целого, достаточно отчетливо отождествлявшегося с Жирондой. Состав этой группы совпадал с ядром посетителей жирондистских собраний, салонов, комитетов, сама она обозначалась как “клика”, “партия”, “коалиция”, чуждая якобинцам вообще. Так, Шабо причислял Фоше, Кондорсе, Верньо и всех тех, кто покровительствовал Нарбонну, к представителям “клики”. “Самыми известными главарями клики, о которой я желаю говорить, — писал сам Робеспьер в своей газете, — являются господа Бриссо и Кондорсе. После них называют имена депутатов Бордо, таких, как господа Гаде, Верньо, Жансонне... Кажется, — продолжал он, обращаясь к лидерам жирондистов, — вашей целью является повсюду угнетать патриотизм и

гасить искренние порывы свободы. Я не желаю знать, двору или другой клике вы служите; достаточно видеть то, что вы служите не делу свободы... Если даже вы не имеете отношения ко двору, вы очевидно принадлежите какой-нибудь другой партии, а поскольку любая партия является угрозой общественному делу, в интересах нации ее надо придушить...”⁶¹ Колло д’Эрбуа заявил об активном жирондисте Редерере: “...мой противник — лишь представитель всей той коалиции, которую я презираю”. Марат в свою очередь противопоставлял Робеспьера, которого брал под защиту, “клик” Гаде — Бриссо, которую истинный друг революции должен был, по мнению Марата, ненавидеть⁶². Базир 6 мая обвинил противников Робеспьера — жирондистов в том, что они хотели стать “главарями партии”⁶³. Дантон 10 мая заклеил их как “интриганов” и предрек скорую расправу с ними: “...возможно, наступят времена, не столь уж далекие, когда нужно будет обрушиться против тех, кто в течение трех месяцев атаковал доблесть, целиком посвященную революции”⁶⁴. Фабр д’Эглантин констатировал 17 июня: “...в обществе (Якобинском клубе.—Э.Г.) существуют две партии — партия Робеспьера и партия Бриссо. Раскол, который, как предполагают, является делом рук последней, распространился на Национальное собрание, где среди прочих выделяют депутацию департамента Жиронда”⁶⁵.

Применительно к этому периоду очевидцы событий отчетливо противопоставляли не только жирондистов и будущих монтаньяров, как вполне оформившиеся группы, но зачастую и Жиронду якобинцам вообще. Г-жа де Сталь выделяла в Собрании “партии” собственно якобинцев во главе с Базиром, Мерленом и Шабо и “республиканцев”, т.е. жирондистов с лидерами Бриссо и Кондорсе⁶⁶. Луве и Барбару отмечали разделение Клуба на жирондистов, которых Барбару называл “республиканцами”, а Луве — “чистыми якобинцами”, и “кордельеров”, т.е. монтаньяров⁶⁷. Дюмон разделял депутатов Законодательного собрания на жирондистов, Гору и фейянов, определяя наличие противоречий как между жирондистами и Горой, так и между жирондистами и якобинцами вообще⁶⁸.

* * *

Весной—летом 1792 г. основной тенденцией процесса самоопределения Жиронды в системе политических сил было взаимное организационное и идейно-политическое размежевание бывших союзников по лагерю “левых”, тесно связанное с внутренней консолидацией обеих групп, в первую очередь Жиронды. Эти явления, диалектически взаимодействуя, стимулировали друг друга.

Одним из свидетельств складывания Жиронды как специфической разновидности идейно-политической общности буржуазии были элементы осознания себя в качестве особой политической группы, проявившиеся в период лета 1791—лета 1792 г. в политической практике и отчасти в политическом мышлении жирондистов. Отчетливо выразилось в это время и стремление лидеров Жиронды к объединению, к координации усилий как наиболее действенному способу достижения общих целей.

Осознание своей принадлежности к определенной “партии” как широкому общественно-политическому течению можно отметить у ряда лидеров группы еще летом 1791 г. и осенью — в период выборов в Законодательное собрание. Вспоминая о той травле, которой он подвергся в ходе избирательной кампании со стороны правых, Бриссо писал: “...низкая атака моих противников в достаточной мере демонстрировала их ничтожество; но упорное ожесточение против одного человека выдавало ее объект. Это бешенство было обрушено не на меня, а на партию, которую я защищал и которую буду защищать до самой смерти”⁶⁹.

Именно к этой оппозиционной “партии” “благородных людей” г-жа Ролан, а вместе с ней Лантена и Банкаль относили Ролана и Бриссо⁷⁰. Естественно, что у г-жи Ролан, как и у Бриссо, речь идет о “партии” в самом широком смысле, как о лагере “патриотов” — буржуазных революционеров, противостоящем силам феянско-монархического лагеря. В это широкое противостояние “левых” и “правых” и укладывалось в тот период представление Жиронды о себе. Вместе с тем в период зимы — весны 1792 г., и особенно в ходе формирования и деятельности первого министерства жирондистов, лидеры Жиронды сделали шаг вперед в выработке элементов группового самосознания, определяя свое “партийное” противостояние вчерашним союзникам по буржуазной “левой” — будущим монтаньярам. Вспомним, что борьбу жирондистов за право сформировать министерство Бриссо характеризовал как “партийный удар”, направленный против якобинцев. Дюмуре также рисует жирондистов сплоченной политической группой, боровшейся за создание “своего” министерства, которое отражало бы ее политические установки, и противостоявшей с групповых “партийных” позиций якобинцам. Тенденция к осознанию группового единства, определяемая формулой поведения “мы против них”, где главным объектом противостояния были якобинцы — будущие монтаньяры, проявилась в преддверии восстания 10 августа 1792 г. Именно так вели себя жирондисты в июне — июле 1792 г. на собраниях в клубе “Объединение”⁷¹.

Интересны свидетельства о распространении “партийного” духа среди жирондистов весной — летом 1792 г., приведенные современниками событий, в частности Дюмоном. Сообщая о разногласиях среди жирондистов, в том числе среди министров, принявших в конце концов курс на войну, Дюмон писал: “...правительство решает, а вожди партии принимают его решения...”⁷² “Выражением партийной позиции” назвал он написанную им для Жансонне речь, которую тот произнес 24 марта в Собрании. “...Конец речи был плохо

воспринят Горой... Партия, — вспоминал Дюмон, имея в виду Жиронду, — уже боялась заходить далеко и раскаивалась в авансах, сделанных в пользу короля”⁷³. Дюмон особо подчеркивал, что видел в Бриссо носителя “партийного” духа среди жирондистов: “Я знал его как провозвестника великих истин; я видел эти истины искаженными партийным духом. ...Бриссо был верен своей партии и неверен порядочности... Для него существовали лишь партийные интересы”⁷⁴.

Отчетливо осознавала необходимость объединения политических единомышленников для эффективных совместных действий г-жа Ролан. В гневном письме Робеспьеру от 25 апреля 1792 г., осуждая его нападки на Бриссо, Гаде и министров-жирондистов, она так раскрывала свою позицию: “...мне кажется важным сблизить тех, кто, имея общие цели, должен объединиться для их достижения. Когда имеешь возвышенную душу, когда намерения справедливы, а влекущие тебя стремления совпадают с общими интересами... необходимо выработать совместный подход для служения общественному делу”⁷⁵. 30 мая г-жа Ролан писала Банкалю: “...спешите присоединиться к нам, мы ощущаем необходимость окружить себя, усилить себя здравомыслящими, активными, образованными и трудолюбивыми патриотами”⁷⁶. “Партийным”, групповым духом было проникнуто ее письмо к Бриссо от 31 июля 1792 г., где она, прямо называя жирондистов “партией”, ставила вопрос о политике в условиях надвигающегося кризиса и о возможной кандидатуре на роль вождя “партии”⁷⁷. Софи Граншам, близкую приятельницу Роланов, коробил свойственный завсегда их салона стиль поведения. “Строгий костюм, принятый как партийная униформа, — вспоминала г-жа Граншам, — казался мне мелкой кичливостью для людей, действительно влюбленных в свободу...”⁷⁸ Правда, термины, использованные г-жой Ролан для характеристики связей, скреплявших группу, — “взаимное согласие”, “коалиция”, “присоединение” — наводят на мысль скорее о союзе равноправных политиков, нежели об организации, в которой действовали законы лидерства и подчинения. Ограниченный круг выдающихся людей, действующих совместно, — вот что является идеалом для г-жи Ролан⁷⁹.

В целом можно отметить наличие у жирондистов в период лета 1791—лета 1792 г. несомненных элементов группового самосознания, осознанной тяги к объединению. Но отчетливого теоретического осмысления идеи “партийности” применительно к деятельности их группы идеологи Жиронды в этот период так и не достигли. Следует, конечно, учитывать, что в тот период признание в принадлежности к обособленной от понимаемого как единое целое революционного движения группе (“faction”) было весьма опасно. Возможно, это и заставляло жирондистов воздерживаться от публичных заявлений такого рода.

2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ

Перед нами две основные задачи: охарактеризовать те конкретные формы политической практики, которые в период лета 1791 — лета 1792 г. стали типичными для деятельности жирондистов; выявить основополагающие тенденции политического курса Жиронды и логику его трансформаций.

Жирондисты сознавали невозможность достижения серьезных результатов без более или менее широкой общественной поддержки и стремились получить такую поддержку для реализации своих политических установок. “Общественное мнение должно идти впереди силы закона”, — писал ставший министром Клавьер в одном из циркуляров к Обществам друзей Конституции⁸⁰. “Свободное правительство существует... лишь при наличии доверия управляемых к тем, кто управляет. Если этого доверия не существует, народ будет постоянно противиться исполнению законов и наступит анархия”, — заявлял Бриссо летом 1792 г.⁸¹ Только мощным выступлением “общественного мнения” можно было, по мнению г-жи Ролан, уравновесить влияние двора летом 1791 г.⁸²

Чтобы обеспечить себе поддержку “общественного мнения”, жирондисты активно использовали практически все доступные им в тот период общественные и политические институты, в том числе Якобинский клуб и народные общества провинции, прессу, а позже министерства и те административные учреждения, которыми им удалось овладеть.

Хотя уже с осени 1791 г. жирондисты представляли собой самостоятельное, независимое от якобинцев явление, осенью и зимой 1791 г. они активно использовали трибуну Клуба, преобладали в его органах, и вели Клуб за собой по ряду политических вопросов. Анализ взглядов лидеров Жиронды на роль клубов, исследование их тактики в Якобинском клубе показывают, что “патриотические” общества были в представлении жирондистов важнейшим рычагом политической борьбы. Г-жа Ролан, вспоминая о том времени, когда она вместе с мужем фактически отвечала за переписку Якобинского клуба с аффилированными обществами (в феврале — марте 1792 г. Ролан был членом корреспондентского комитета Клуба), писала: “Я считала, что материнское общество могло бы осуществлять большее влияние, распространяя мудрые принципы... Поняв то добро, которое можно было принести, овладев умонастроениями... я занялась этой корреспонденцией с удовольствием...”⁸³

Здесь, в Якобинском клубе, жирондисты начинали открытую агитацию за войну, именно сюда приходили за поддержкой, когда разворачивали борьбу против королевских министров. Они использовали газету Клуба, его корреспондентский комитет, в котором преобладали, для распространения своих взглядов, в том числе в ходе борьбы с будущими монтаньярами. В кружке Роланов возникла идея, одним из авторов которой был Лантена,

напрямую связать общества с министерством внутренних дел путем создания специального корреспондентского бюро⁸⁴. Она была предложена через две недели после вступления Ролана в должность министра внутренних дел и отклонена им из боязни вызвать нападки правых. Позже, в период министерства, сформированного после восстания 10 августа 1792 г., подобный орган при ведомстве Ролана все-таки был создан.

Жирондисты высказывались за управляемые, контролируемые общества как средство мобилизации активных элементов буржуазии, где не было бы места “дезорганизаторам” (т.е. будущим монтаньярам). В письме министров-жирондистов королю от 13 июня 1792 г., выражавшем принципиальный взгляд на сложившуюся политическую ситуацию и послужившем поводом к отставке кабинета, говорилось: “Именно добрые граждане призваны поддерживать их (народные общества и клубы. — Э.Г.) справедливостью своих принципов, умеренностью поведения... вместо некоторых беспорядков, в которых те же, кто их провоцирует и раздувает, имеют низость нас обвинять, эти общества будут составлять ежедневный список всех тех доблестных дел, которые характеризуют свободный народ и которые могут родиться и иметь почву только в этих обществах”⁸⁵.

Использование жирондистами Клуба и народных обществ в качестве важного рычага политической агитации, а также для давления на двор и фейянов в борьбе за достижение собственных политических целей было отмечено и современниками. Г-жа де Сталь считала, что жирондисты “скатились от возможности использовать якобинцев вначале до необходимости сдерживать их впоследствии”⁸⁶. Интересное свидетельство оставил Юа, депутат Законодательного собрания, фейян, убежденный противник жирондистов и тем более якобинцев: “Эта партия Жиронды, которая приобрела уже известность... поддерживала якобинцев, не смешиваясь с ними. Жирондисты пускали их вперед как свору бандитов, прокладываящую им дорогу. Зло от них было тем большим, что в то время якобинцы были откровенно дискредитированы своими буйствами, жирондисты — мятежники более умелые и в силу этого более ловкие — оказывали на слабую часть Собрания влияние, с помощью которого и разрушали все меры, которые могли расстроить их проекты”⁸⁷.

Осенью 1791 — зимой 1792 г. жирондисты сумели повести Клуб собой по ряду политических проблем потому, что сформулированные и выдвинутые им лозунги в тот момент объективно отвечали чаяниям тех слоев революционной буржуазии, совокупные интересы которых представляли якобинцы.

Своеобразным было отношение лидеров Жиронды к прямому народному действию. Выступления революционных масс Парижа, равно как и политическая активность революционной буржуазии провинции, принимались жирондистами постольку, поскольку они могли способствовать достижению политических целей группы. Вспоминая о периоде Вареннского кризиса, г-жа Ролан писала: “Уравновесить силу коалиции правых можно было только с помощью решительного выступления общественного мнения: патриоты для этой цели могли располагать лишь своими голосами и пером; но если бы какое-нибудь народное движение выступило им в помощь, они восприняли бы его с радостью, не обращая внимания и не беспокоясь особенно о том, каким образом это движение родилось на свет”⁸⁸. Народная демонстрация 20 июня 1792 г., когда вооруженные жители Сент-Антуанского предместья ворвались в Тюильри, проходила не только при попустительстве Петиона и Манюэля — соответственно мэра и прокурора Коммуны Парижа, но и при активном “подталкивании” со стороны жирондистов, надевавшихся использовать ее в своих целях. По свидетельству Шабо, в агитации в секциях в пользу демонстрации участвовали Жире-Дюпре и Буагийон — “друзья” Бриссо. Сам Бриссо заявил 21 июня Шабо, считавшему это выступление преждевременным: “Вы ошибаетесь... Оно произвело именно тот результат, которого мы ожидали. Ролан, Клавьер и Серван возвращены в министерство”⁸⁹. А вот подготовка восстания 10 августа 1792 г., развернувшаяся в столице в канун прибытия батальона марсельцев⁹⁰, жирондистов тревожила. Она ускользала от их контроля, во главе ее стояли вожаки секций, будущие монтаньяры. В случае успеха именно они поднялись бы на гребне восстания, политическая инициатива ускользнула бы от жирондистов.

На собраниях клуба “Объединение” в конце июля — начале августа 1792 г. Бриссо решительно высказывался против восстания, считая его выгодным только якобинцам и выступая за принятие всех мер, “чтобы остановить этих изменников”. Его поддерживали Инар, Ласурс; последний и в Якобинском клубе неоднократно требовал перевода федератов в Шалон, так как к этому времени они вопреки расчетам жирондистов стали катализатором подъема парижских масс⁹⁰. Мэр Парижа Петион за несколько дней до 10 августа вызвал к себе Л.Бурдона и потребовал от него использовать все свое влияние на народ, чтобы либо предотвратить восстание, либо изменить его ход. 9 августа, за день до восстания, Петион, заявил Шабо: “Депутаты Жиронды и Бриссо заверили меня, что низложение (короля. — Э.Г.) будет проведено; я вовсе не желаю народного выступления, необходимо ждать, пока выскажется Собрание... Я знаю... что вы имеете влияние на предместья, но я имею такое же влияние в городе, и я вас остановлю, я использую все мое влияние и весь авторитет, данный мне законом, чтобы остановить это выступление”⁹¹.

Характерной чертой политической практики жирондистов было умелое использование прессы как важнейшего инструмента борьбы, стремление максимально расширить сеть контролировавшихся ими газет. Еще летом 1791 г. для пропаганды близких жирондистам политических идей была создана газета “Republicain”; в ней сотрудничали Кондорсе, Дюмон, Дюшатле, Т.Пэн. Осенью 1791 г. “Patriote Francais” Бриссо и “Chronique de Paris” Кондорсе вели совместную упорную агитацию против тогдашнего министерства⁹². Также скоординированно велась и пропаганда войны, а затем — ожесточенная газетная кампания против Робеспьера, к

которой с весны 1792 г. присоединились "Thermomethre du jour" и "Courriere des 83 departements" Дюлора и Горса⁹³. Под контролем жирондистов находился и солидный ежемесячник "Chronique du mois", среди редакторов и постоянных авторов которого были Биддерман, Клавьер, Мерсье, Ролан, Кондорсе, Лантена, Бриссо. Для усиления влияния на прессу жирондисты активно использовали контролировавшиеся ими органы, в частности ведомства иностранных и внутренних дел, возглавлявшиеся соответственно Дюмуре и Роланом, мэрию Парижа, во главе которой стоял Петийон. Так, еще в марте 1792 г. Бриссо, Гаде и Жансонне добились в Собрании выделения средств "на чрезвычайные расходы" для министерства иностранных дел. Дюмуре передал часть этих денег Петийону и Ролану, которые вкладывали их в прессу⁹⁴. Именно на эти средства Луве начал выпускать "Sentinelle" — газету чисто "партийную" по духу. Целью ее было "информировать нацию и организовать общественное мнение"⁹⁵. На субсидии Ролана перешли газеты Дюлора и Горса — издателей, которых г-жа Ролан привлекла в свой салон и которые твердо вошли в круг жирондистов⁹⁶.

Делалась попытка овладеть газетой Эбера "Pere Dusehesn". Сохранились сведения о поддержке г-жой Ролан некоего А.Лемера, издателя небольшой газетки. Очевидно, контролировалась жирондистами "Annales Patriotiques" Карра⁹⁷. Сам Ролан относился чрезвычайно внимательно к оценке своей деятельности прессой. Вступая на должность министра, он попросил г-жу Граншам регулярно делать краткие обзоры газетных статей, в которых будет говориться о нем: "Каждый день с утра я буду изучать этот обзор", — сказал он⁹⁸.

Свидетельством далеко продвинувшегося процесса складывания группы являлась способность жирондистов к проведению скоординированных акций. Наиболее показательной в этом плане была их борьба за овладение рычагами исполнительной власти, развернувшаяся весной — летом 1792 г. и ставшая в этот период основным содержанием деятельности группы. Жирондисты, по сути, силой вырвали у двора право сформировать министерство. Впервые в истории революции представители революционной буржуазии пришли к власти как оппозиционная политическая сила, используя при этом исключительно конституционные средства борьбы. Деятельность министерства поставила ряд новых для французской буржуазии политических проблем, решать которые пришлось именно Жиронде.

Кампанию против предшествующего, целиком сформированного королем, кабинета жирондисты вели в прессе, в Клубе, с трибуны Собрания еще с осени 1791 г. Недоверие и враждебность к королевским министрам были характерны для позиции не только "левых" политиков, но и многих фейянов⁹⁹. Назначение на министерские посты откровенных реакционеров способствовало углублению этой враждебности, вносило разлад в деятельность государственного механизма. Пассивность министров по отношению к поднимавшей голову контрреволюции, их попустительство эмиграции, в том числе офицеров армии и флота, стремление руководствоваться только указаниями короля расшатывали политическую систему, в которой законодательная власть контролировалась буржуазией, а исполнительная — силами, ей враждебными. Овладение министерством, одним из ключевым рычагов власти, открывало для буржуазной оппозиции путь к сбалансированию политической системы, являлось действенным способом сохранения буржуазией тех ее завоеваний, которые были реализованы в режиме Конституции 1791 г. В конкретных условиях начала весны 1792 г, именно группировка жирондистов оказалась способной осуществить эту задачу благодаря своей организованности и политической активности.

Уже зимой 1791/92 г. жирондисты через Жансонне сблизилась с Нарбонном, были в курсе его дел, поддерживали его начинания, разделяли его взгляды. Бриссо, Кондорсе, Инар, Клавьер посещали салон г-жи де Сталь¹⁰⁰. Жирондисты стремились воздействовать на Нарбонна (в то время военного министра), чтобы обеспечить успех развернутой ими в последние месяцы 1791 г. пропаганды в пользу войны. Отставка Нарбонна 3 марта 1792 г. была несомненным ударом по Жиронде, влияние которой беспокоило двор и правых и именно так было оценено современниками¹⁰¹.

Ответным шагом Жиронды стала прямая атака против королевских министров: 10 марта по настоянию депутатов-жирондистов во главе с Бриссо и Гаде Собрание постановило арестовать и предать суду министра иностранных дел Делессара, верного слугу двора. Переписка Делессара с венским кабинетом, на публикации которой Бриссо настоял еще 9 марта, была признана изменнической. Жирондисты ловко использовали недовольство Собрания пассивным внешнеполитическим курсом тогдашнего кабинета и специально оговоренное в Конституции право депутатов предавать провинившихся высших должностных лиц суду специального органа — Верховного суда (Haute Cours National). Арест Делессара предстает тщательно спланированной и хладнокровно осуществленной акцией. Сам сценарий "заговора" оформился, по-видимому, еще вечером 9 марта в салоне г-жи де Сталь. Бриссо, который лично подготовил для дипломатического комитета Собрания обвинительный акт из 18 пунктов, называл удар по Делессару "чисто партийным действием", выгодным именно жирондистам, и цинично заявлял: "Я знаю, что обвинения чрезмерно усложнены, но это необходимо, чтобы затянуть процесс... Я отлично понимаю, что он (Делессар. — Э.Г.) будет признан невиновным, так как у нас есть только подозрения и нет никаких доказательств. Но мы достигаем своей цели, устраняя его из министерства..."¹⁰²

Осуждение Делессара свидетельствовало о том, что король и двор были бессильны защитить своих ставленников. Жирондисты же продемонстрировали силу и способность полностью парализовать органы исполнительной власти. Последовали “добровольные” отставки министра внутренних дел Кайе де Жервиля и морского министра Бертран де Мольвиля, особо ненавидимого “левыми”. Кабинет развалился. В этих условиях единственным путем выхода из кризиса было для двора сотрудничество с оппозицией.

Первым новым назначением в кабинете стало вручение Дюмуре портфеля министра иностранных дел (15 марта 1792 г.). Дюмуре, в прошлом профессиональный военный, генерал, имел друзей при дворе, но главное — был тесно связан с осени 1791 г. с жирондистами, которых на протяжении зимы регулярно информировал о положении дел в ведомстве Делессара, своего старого знакомого¹⁰³. “Он (Де Грав.— Э.Г.) был связан с Петионом и партией Жиронды, и Жансонне поручил дипломатическому комитету руководить его (Де Грива.— Э.Г.) выбором, — вспоминало свое назначение Дюмуре. — Петион и Редерер были во главе: один — парижского муниципалитета, другой — парижского департамента; эти двое, а также Бриссо, Кондорсе и некоторые другие депутаты от Парижа показались министрам (речь идет о Дюмуре и еще сохранявшим свои посты Де Граве и Кайе де Жервиле.— Э.Г.) наиболее подходящими, чтобы определить их выбор. Эти-то люди и советовали министрам”¹⁰⁴.

Центром принятия решений стал “Комитет Вандомской площади”, где были названы имена Ролана — На пост министра внутренних дел, Клавьера — на пост министра финансов (это были креатуры Бриссо), а портфель министра юстиции доверили Дюрантону, адвокату из Бордо, чью кандидатуру выдвинули Верньо, Гаде, Жансонне и другие бордосцы¹⁰⁵. Здесь же обсуждался вопрос о назначении на пост министра юстиции Луве¹⁰⁶. Очевидно, и кандидатура Лакоста, занявшего по предложению Дюмуре пост морского министра, прошла через утверждение жирондистов¹⁰⁷.

С момента введения Ролана в круг “государственных людей” он сам и его жена начали активно вмешиваться в процесс формирования кабинета, стремясь провести своего друга, Банкаля, на пост министра юстиции. Кандидатура Сервана, заменившего в мае 1792 г. Де Грива на посту военного министра, также была названа Роланами (Серван являлся их старым знакомым еще по Лиону) и одобрена Бриссо и его друзьями. До этого Бриссо и некоторые близкие к нему политики (очевидно, из числа парижского ядра группы) планировали сделать военным министром Дюшатле, бывшего военного, одного из редакторов “*Republicain*”, своего соратника по антимонархическому движению лета 1791 г., но эта кандидатура не прошла¹⁰⁸. Таким образом, жирондисты через “Комитет Вандомской площади” и салон г-жи Ролан фактически осуществляли или полностью контролировали формирование кабинета.

Лидеры Жиронды и министры-жирондисты относились к министерству как к органу, призванному реализовывать установки группы и воплощавшему вполне определенные политические принципы. “Наш друг, — писала о своему муже г-жа Ролан вскоре после его назначения, — охвачен надеждой послужить на благо своей страны, надеждой, основанной на единстве принципов лиц, составляющих нынешнее министерство, и их согласии с частью Собрания, беззаветно преданной Революции”¹⁰⁹.

Естественным было и стремление жирондистов поставить под свой полный контроль работу министерства. Одним из путей к этому было постоянное общение министров и лидеров Жиронды на частных собраниях, в салонах и “комитетах”. “Они (министры — Э.Г.) собирались за обедом у одного из них в дни заседания совета, — вспоминала г-жа Ролан. — Я принимала их у себя каждую неделю, у меня бывали и некоторые знакомые им депутаты, здесь они совещались о делах, чтобы направлять их в соответствии с общими интересами”¹¹⁰. Подобные же функции выполнял и “Комитет Вандомской площади”. Жирондисты во главе с Бриссо всю хозяйничали в министерских канцеляриях, раздавая должности. Бриссо играл роль третейского судьи в эпистолярной перепалке, вспыхнувшей между Роланом и Лафайетом. Петион в беседе с посланцами Марселя ссылаясь на свою “тесную дружбу” с министрами. И наконец, ломая традиции, лидеры Жиронды стремились принимать участие в конфиденциальных совещаниях членов кабинета. Дело в том, что министры имели обыкновение обедать вместе три раза в неделю, в дни совета у короля, обмениваясь информацией и заранее согласовывая ряд решений, которые вечером должны были быть вынесены на королевское одобрение. “Это продолжалось приблизительно месяц, — свидетельствует Дюмуре, — после чего Ролан пожелал, чтобы его жена и их друзья были допущены на эти обеды... Предлагая это решение, жирондисты надеялись расширить свое участие в делах и руководить правительством”¹¹¹.

Показательна также та раздача должностей единомышленникам, которую осуществляли жирондисты, установив контроль над министерством. Широко использовались возможности ведомства иностранных дел. Биддерман стал его официальным банкиром. Луве было предложено (Бриссо и Гаде) отправиться комиссаром на Санто-Доминго, позже — послом в Стамбул¹¹². Дюмон уехал с миссией в Англию. Назначения на различные дипломатические должности получили Шепи, Ноэль, Буагийон и другие лица, участвовавшие в травле Робеспьера и борьбе с будущими монтаньярами. Жирондисты контролировали выбор большинства послов: Бриссо давал обещания о подобных назначениях просто за обедом¹¹³. Дюмуре признавался, что “был возведен на министерство жирондистами, осуществлял выбор своих коллег по указке жирондистов, получил из их рук казну своего ведомства¹¹⁴, советовался с ними о выборе служащих и послов при иностранных дворах”.

Подобным же образом обстояли дела и в других министерствах. «Когда Ролан впервые стал министром, — вспоминал Бриссо, — он поинтересовался моим мнением о людях, которых я считал возможным использовать в департаменте внутренних дел. У него был список, который я ему переслал»¹¹⁵. Самому Ролану помогал ряд добровольных или состоявших на жаловании помощников, таких, как г-жа Граншам, Лантена, ставший фактически секретарем и одним из ближайших помощников Ролана. В начале апреля Ролан и Лантена пытались протолкнуть Банкаля на пост генерального секретаря департамента юстиции, чему, однако, воспротивился Дюрантон. Реорганизуя администрацию почт, Клавьер ввел туда среди прочих старых знакомых и протеже Роланов — Боска и Жубера, причем первый возглавил эту администрацию и сам принимал активное участие в устраивавших Жиронду назначениях.

Укомплектовывая различные звенья администрации своими ставленниками, жирондисты тем самым в первую очередь обеспечивали контроль группы над органами исполнительной власти, а кроме того, вознаграждали политических сторонников за счет хорошо оплачиваемых чиновничьих мест.

Анализ политической практики жирондистов в период Законодательного собрания показывает, что в решающие моменты борьбы они готовы были действовать против своих политических противников самым жестким и решительным образом, не брезгуя никакими методами. Без колебания жирондисты прибегли к аресту вставшего у них на пути Делессара (а затем и его коллеги Дюпор-Дютертра, ушедшего в отставку 22 марта 1792 г.). Осознав невозможность договориться с Лафайетом, они требовали, хотя и безуспешно, применить против него подобную же меру. Столкнувшись с оппозицией будущих монтаньяров, а позже и якобинцев вообще, жирондисты готовы были их «придушить», предлагали обвинительный декрет против Антуана и Робеспьера. Они добились от Собрания ареста на трое суток депутата Лекуантра, принадлежавшего к «крайне левой» и осмелившегося открыто критиковать их связи с Нарбонном. Они поливали своих противников грязью в прессе, как это было с Робеспьером и Маратом. Тут одинаково преуспели и сдержанный энциклопедист Кондорсе и малочепетильный Луве. Легенда о нерешительности жирондистов, их неспособности действовать жестко и твердо лишена оснований — они умели добиваться своего любыми средствами, если могли опереться на реальную силу.

Тактику жирондистов в период лета 1791 — лета 1792 г. отличало стремление добиваться поставленных целей путем постоянного давления. Сущность их политики определял курс на утверждение политической гегемонии, а с весны 1792 г. на овладение министерством — ключевым рычагом власти. До весны 1792 г. борьба жирондистов за политическую гегемонию направлялась главным образом против двора и феянов. Позже жирондисты вынуждены были считаться и с будущими монтаньярами как с потенциальными политическими противниками. Степень реализации основной целевой установки обуславливала политическую позицию жирондистов в первую очередь в таком важном вопросе, как отношение к королю и монархии, ставшем с лета 1791 г. вопросом вопросов для всех политических течений и групп.

* * *

Вспомним, что в разгар Вареннского кризиса большинство будущих жирондистов выступило с критикой существовавшей монархии, заявив о своей оппозиции структуре власти того периода и выдвинув в качестве возможной альтернативы идею республики. В этой кампании в той или иной степени приняли участие Бриссо, Кондорсе, Клавьер, Петион, Бюзо, Биддерман, г-жа Ролан, Фоше, Грегуар, Редерер, Керсен, Карра, Лантена, Банкаль, Боск, Дюмон, Т.Пэн и др. Вопрос об отхождении к монархии был предметом обсуждения на жирондистских политических собраниях¹¹⁶.

Позиция жирондистов была сформулирована в ряде публичных выступлений Кондорсе, Редерера, Петиона и нашла наиболее отчетливое выражение в статьях, речах и публицистике Бриссо. От имени всех «республиканцев» Бриссо выступал за такую политическую систему, при которой все власти будут прямо или косвенно избираемы народом, временны и сменяемы¹¹⁷. Он видел две возможности реализации этого принципа во Франции: 1) отменить королевскую власть, заменив ее республикой, 2) сохранить монархию, создав особый выборный Совет, который ограничивал бы власть короля, и дополнив его выборным же министерством¹¹⁸. При этом Бриссо больше склонялся к сохранению монархии, ибо создание «чистой» республики представлялось ему в тогдашних условиях делом крайне сложным¹¹⁹. Ограничение власти короля Советом и министерством, члены которых определялись бы коллегией выборщиков, избранных на первичных собраниях по одному от каждого департамента, позволило бы, по мнению Бриссо, устранить пагубное влияние монарха или его клевретов на ход государственных дел. Лидер жирондистов принимал идею замены Людовика XVI его наследником, причем регентские функции должны были бы выполняться все тем же Советом. Подобная реорганизация политической системы представлялась Бриссо реальным способом выхода из трудностей, из кризиса, в опасности которого идеолог жирондистов вполне отдавал себе отчет. Отвергая от имени «сторонников республики» мысль о восстании как о способе ее утверждения, Бриссо запугивал короля и монархистов возможностью того, что поднявшийся на стихийную борьбу народ, «видя себя столь жестоко обманутым и раздраженный этим, ненавидя все больше и больше министерский деспотизм... пробьется силой к полностью республиканскому правлению», что, как считал Бриссо, необходимо было предотвратить¹²⁰.

По сути, Бриссо, выражавший позицию большинства жирондистов, предлагал не радикальное ниспровержение, а модернизацию режима конституционной монархии за счет расширения его социальной базы. Становившаяся номинальной фигура монарха получала бы общественную поддержку через окружавшие его выборные органы. Это был курс на откровенный компромисс с монархией, который, однако, открывал доступ к рычагам власти более широким слоям буржуазии. В чисто политическом плане жирондисты мостили дорогу именно для себя.

“Чистая” республика была для жирондистов крайним и отнюдь не самым желательным способом выхода из кризиса. Она рассматривалась лишь как средство перехватить инициативу у народа. Неслучайно летом 1791 г. Кондорсе заявлял на политических собраниях жирондистов в доме Биддермана: “Если республика будет утверждена в результате революции, если народ поднимется против двора, последствия этого будут ужасны, но если республика будет основана сейчас, когда Собрание всемогуще, переход к ней не будет труден”. Дюмон свидетельствовал, что на этих собраниях высказывались скорее против короля, нежели против королевской власти как таковой. [Что было и что могло бы быть: опыт альтернативной истории]

С начала функционирования Законодательного собрания жирондисты усилили натиск на короля и на монархический лагерь в целом. Они поддерживали требование об амнистии для всех участников кровавых событий в Авиньоне*, что в тех условиях означало поощрение прямой расправы с контрреволюционерами и религиозными фанатиками. Жирондисты добились принятия декретов против эмигрантов и неприсягнувших священников. Агитация за войну с пригrevшими эмигрантов приграничными государствами, начатая жирондистами в конце 1791 г., угрожала в первую очередь наиболее экстремистски настроенным монархам.

Вместе с тем жирондисты, по сути, прекратили критику королевской власти как института и все чаще делали реверансы в сторону самого короля. Так, Фоше, выступая в Собрании 26 октября 1791 г., выразил надежду, что король скоро отвратится от “фанатичных священников”, от “продажных куртизанов” и “низких прислужников”, которые “оскорбляют его, преклоняясь перед ним как перед деспотом”, тем самым “избавит корону от всей этой нечисти... и употребит свою чистую, бессмертную славу на то, чтобы проявить себя достойным главой самой великой и самой свободной страны — Франции”¹²¹. Сохранение монархии казалось вполне естественным Рабо Сент-Этьену, который так оценивал события периода Вареннского кризиса: “...нельзя представить такую обширную страну под чисто республиканской формой правления. Столь великие пространства, народы столь разнообразные... большинству которых имя короля всю жизнь внушало почтение, приверженность к нему, ставшая привычкой, — все наводило Национальное собрание на мысль, что Франция должна быть монархией”¹²². 14 марта 1792 г. Жансонне произнес в Собрании написанную Дюмоном речь, монархическую по духу и являвшуюся программной для “партии” жирондистов¹²³.

Пик примирения Жиронды с королем пришелся на период первого министерства жирондистов. Овладение рычагами исполнительной власти превратило жирондистов из силы оппозиционной в силу правящую, продемонстрировало реальную возможность обеспечить доминирование группировок революционной буржуазии в рамках существовавшей политической системы через легальное использование ее институтов. Открывалась возможность лояльного сотрудничества с королем, изменялся подход к оценке его роли. “Войдя в совет (министров. — Э.Г.), — вспоминал Дюмон о Клавьере, — он пришел к мысли, что король — человек прямой и говорит без двуличностей”. И далее: “Клавьер и Ролан, разглядев короля в совете, отказались от своих предрассудков, считая его порядочным человеком”. “...В течение трех недель я видела Ролана и Клавьера очарованными отношением короля, не помышлявшими о лучшем порядке вещей и склонившимися к тому, что революция окончена”, — свидетельствовала г-жа Ролан о первом периоде деятельности министерства¹²⁴, Бриссо, хотя и не разделял похвалы, расточавшиеся королю Роланом и Клавьером, официально занял их, позицию. “Кто осмелится свергнуть конституционного монарха?” — заявил он 25 апреля в Клубе¹²⁵. И хотя уже в мае отношения министров-жирондистов с королем стали быстро ухудшаться, в своей официальной переписке они оправдывали все действия короля, стремились укрепить его авторитет. В письме к королю от 10 июня 1792 г. Ролан, Клавьер и Серван выражали уверенность, что именно действия короля должны обеспечить исполнение Конституции, привести к упрочению правительства и устранению народного недовольства¹²⁶.

После отставки жирондистского министерства борьба за возвращение контроля над правительством становится главной целью политической деятельности Жиронды.

Усиливая нажим на короля, жирондисты одновременно проявляли готовность поддержать шатавшуюся монархию. Г-жа де Сталь вспоминала: “Воодушевление принципами смешивалось у республиканцев 1792 г. со стремлением к власти (имеются в виду жирондисты.— Э. Г.), и поэтому кое-кто из них предлагал сохранить королевскую власть, если все министерские посты будут переданы их друзьям”¹²⁷. Кондорсе признавал: “Я собирался хранить, верность королю постольку, поскольку он сам сохранял бы свою клятву и поскольку эта верность... не противоречила бы моим обязанностям перед нацией”¹²⁸. Карра высказывался за сохранение “полумонархической” Конституции 1791 г., раз она была провозглашена Учредительным собранием.

Жирондисты постоянно зондировали по “закрытым”, тайным каналам возможность договориться с королем, как бы проверяя результаты “открытого” давления. В конце июля 1792 г. Жансонне, Гаде и Верньо, очевидно, при участии Бриссо через посредничество королевского камердинера Тьерри де Виль д’Авре и художника Боза,

знакомого Жансонне, передали королю записку, содержащую условия сотрудничества (отвергнутые Людовиком), главным из которых было возвращение министров-жирондистов на свои посты. В июле — августе попытки зондажа через различных близких королю лиц продолжались, а Гаде, видимо, даже имел личную встречу с королевской четой. Выступая в Собрании 3 июля 1792 г., Верньо, призывал “уберечь монархию, балансирующую на краю бездны”, и 1) объявил фигуру короля неподсудной, 2) снял с него ответственность за деятельность назначенных им министров. “Это, — заявил он, — две неразделимые основы организации исполнительной власти. Только с их помощью можно спасти государство... Если существуют обстоятельства, в которых законодательный корпус будет иметь хотя бы возможность для изменения этих основ, значит та гордость, которую мы испытываем, считая себя свободными, не более чем бред, а Конституция — лишь отпечаток постыдного рабства”¹²⁹.

По мере нарастания революционного кризиса в июле — августе 1792 г. позиция жирондистов по этому вопросу становилась все более категоричной. 25 июля Бриссо, выступая в Собрании, высказался против немедленного низложения короля, которого требовали якобинцы и крайне левые Собрания. Он заявил: “Если существуют люди, которые в настоящее время стремятся установить республику на обломках Конституции, карающий меч закона должен обрушиться на них как на сторонников двух палат и контрреволюционеров Кобленца”¹³⁰. В том же духе выступили Гаде, Жансонне, Верньо, другие жирондисты. Не видя возможности сохранить трон за Людовиком, они до последней минуты пытались спасти монархию и его самого. 10 августа, уже после низложения Людовика, Верньо поднял вопрос о назначении воспитателя для наследника престола, как бы предопределяя сохранение монархии.

Таким образом, жирондисты в период лета 1791 — лета 1792 г. прошли путь от критики монархии, от признания, хотя и с оговорками, республики возможной формой политического устройства, от признания безусловной виновности короля до утверждения об изначальной неподсудности короля, до стремления сохранить монархию любой ценой и до объявления преступной самой мысли о возможности ее насильственного свержения. Представляется, что “республиканизм” жирондистов был реакцией части буржуазных политиков на стихийное антимонархическое движение масс, позволял — в случае падения конституционной монархии — приспособиться к утверждению господства буржуазии в условиях иного политического режима. Именно в силу подобной идеологической гибкости Жиронда оказалась способной успешно продолжить и даже активизировать свою деятельность в период Конвента.

В целом в период Законодательного собрания Жиронда шла по пути адаптации к сложившейся политической системе, имея главной целевой установкой овладение рычагами власти, политическое доминирование. Жирондисты пытались защитить эту систему, позволявшую достаточно полно реализовать их политические устремления. Отсюда и стремление Жиронды сохранить, пусть даже в самом урезанном виде, королевскую власть, бывшую составной частью этой системы. Судя по всему, политические идеалы жирондистов не шли дальше конституционной монархии и только мощный революционный натиск масс вынудил Жиронду приспосабливаться в период Конвента к новым условиям.

3. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО ЖИРОНДЫ В ПЕРИОД ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Вопрос о социальной сущности Жиронды как особой формы политической организации является одним из ключевых для определения ее роли в революции и ее места в процессе складывания политического опыта и политической культуры французской буржуазии.

Достаточно достоверное решение вопроса о социальной сущности Жиронды может дать комплексное сопоставление данных о ее идеологии, политической практике и социально-профессиональной структуре. Основой подобного анализа является определение состава группы. Выше было изложено представление о неоднородной, “слоистой” структуре Жиронды. Поэтому наиболее показательными должны быть сведения о социальном облике, идеологии и политической практике организационного ядра группировки.

Следует помнить, конечно, что ядро любой политической группировки или партии отнюдь не тождественно своей социальной структурой тем общественным слоям, интересы которых она представляет. Тем не менее данные подобного анализа в сопоставлении с результатами изучения политики и идеологии жирондистов могут оказаться весьма интересными. При этом важно не только происхождение лидеров Жиронды и их имущественное социальное положение к моменту описываемых событий, но и изменение этого положения в годы революции. Значительная часть деятелей, входивших в ядро Жиронды, были выходцами из состоятельных семей торговцев, промышленников, богатых чиновников, уже до революции имели достаточно высокий имущественный и социальный статус.

Так, общая стоимость только движимого имущества Горса, сына сапожника, на момент ареста в 1793 г. составляла 261380 ливров, в том числе обстановки и посуды — 2700 ливров, библиотеки — 31500 ливров, вин в погребах — 6760 ливров, денег и ценных бумаг — 25580 ливров, оборудования типографии — 76690 ливров. Типография приносила в год 50 тыс. ливров дохода¹³¹.

Инар, после того как на его наследственное дело по производству и продаже растительного масла был наложен арест, оценивал финансовые потери только за 1793—1794 гг. в 152047 ливров. Конфискованное движимое имущество Бюзо, который был крупным землевладельцем, стоило 152920 ливров, в том числе библиотека — 60 тыс., мебель — 14831, серебро и бижутерия — 9512, одежда и белье — более 30 тыс., дом — 22 тыс. ливров.

Лишь проданная после конфискации 1793 г. и не целиком учтенная часть мебелировки и запасов погреба Петиона была оценена в 80 тыс. ливров.

О состоятельности Барбару, выходца из семьи богатых негоциантов, можно судить по тому, что в 1790 г. он потратил 20 тыс. ливров только на печатание своих произведений. Гаде, при том, что отец его был богат (члены рода Гаде неоднократно возглавляли коммуну их родного города Сент-Эмильона в XVIII в.), получил в наследство от усыновившей его состоятельной вдовы из Бордо 20 тыс. ливров, а позже женился на дочери богатого бордоского торговца Дюпейра. Роланы владели имением Ла-Платьер в окрестностях Лиона, жалование Ролана как инспектора мануфактур (вплоть до упразднения его должности осенью 1791 г.) составляло 5 тыс. ливров в год.

Когда в августе — сентябре 1791 г. Роланы и Лантена решили приобрести через находившегося в провинции Банкаля земли из национальных имуществ, Роланы выделили на эти цели до 60 тыс. ливров, Лантена — до 30 тыс. В качестве министра Ролан получал в год 150 тыс. ливров. Лантена происходил из семьи торговцев в Ниме. Отец Банкаля владел производством изделий из шелка в Клермоне (брат Банкаля продолжал отцовское дело)¹³².

Кондорсе, чей дед со стороны матери был зажиточным сборщиком ренты, по отцу происходил из старой дворянской фамилии. К 1789 г. годовой доход Кондорсе, инспектора монетного двора, составлял 18 тыс. ливров (1/3 его составляли суммы от наследства умершего в 1782 г. дяди, епископа, 1/3 — деньги от наследства матери, 1/3 — жалование за службу в монетном дворе и проч.), что соответствовало поступлениям от капитала в 360 тыс. ливров (при пересчете на 5-процентную ренту)¹³³.

Клавьер и Биддерман — банкиры, миллионеры, оба из семей торговцев, их имущественный и социальный статус не нуждается в комментариях¹³⁴. Из семьи богатых бордоских торговцев был Дюко, сыном богатых буржуа — Гранженёв. Крупное наследственное предприятие по торговле ликерами имел Ребекки.

Ряд жирондистов преуспели, частью на государственной службе, уже в период 1791 — 1792 гг. Боск, чиновник в почтовом ведомстве, получал 4 тыс. фр. в год (до 1790 г. — 5 тыс. фр.); возглавив с мая 1792 г. эту администрацию, он стал зарабатывать уже 15 тыс. фр. Годовое жалование Луве, сделавшегося после 10 августа 1792 г. редактором *"Journale de Debats"*, составляло 10 тыс. ливров. Фоше и Грегуар были в 1791—1792 гг. конституционными епископами, чье жалование достигало 15 тыс. ливров в год¹³⁵.

Для понимания социально-политической сущности Жиронды интересны также некоторые черты психологии, образа жизни ее деятелей.

У многих из них можно отметить глубокое пристрастие к общественной, политической деятельности, понимаемой зачастую как призвание. Оно нередко соединялось с представлением о своей особой ответственности, особом предназначении на этом поприще. Так, в начале сентября 1791 г. после неудачного для Ролана исхода выборов в Лионе г-жа Ролан писала своему знакомому Шампено: "...мне тяжело видеть нашего общего друга (Ролана.— Э.Г.), покинутого в молчании и безвестности; он привык к общественной жизни, она ему необходима настолько, что без нее он себя не мыслит!..." Сам Ролан с горечью пишет Банкалю 6 сентября из Парижа: "...необходимо менять свои позиции, идеи, проекты... не имея никакого доступа к общественным делам, к которым я привержен всей душой..."¹³⁶. Бриссо вспоминал: "...с момента моего избрания (в Законодательное собрание.— Э. Г.) я целиком посвятил себя общественным делам... Я обязал себя собирать все сведения, которые могли оказаться полезными для карьеры, которую я избрал"¹³⁷. Свою журналистскую деятельность Бриссо также понимал как важнейший гражданский долг, служение революции¹³⁸.

Клавьер, по свидетельству Дюмона, мечтал о должности министра финансов более 10 лет. Еще в 1780 г., во времена Неккера, будучи простым женеvским торговцем, Клавьер, прибыв в Париж в качестве члена делегации Женевы и прогуливаясь перед зданием, где размещалось ведомство генерального контроля, признался своему товарищу Дюверу, что сердце подсказывает ему, что он когда-нибудь поселится в этом отеле¹³⁹. Барбару с восторгом вспоминал о своей административной деятельности в качестве марсельского комиссара в очищенном от контрреволюции Арле¹⁴⁰.

Жирондисты проявили большую работоспособность и энергию в общественных делах. Тот же Барбару мог просидеть 20 часов кряду за сочинением брошюры о марсельских делах¹⁴¹. Г-жа Ролан, не довольствуясь участием в министерских делах мужа, принимала посетителей по делам и дома, в частной обстановке¹⁴². Ролан и Боск, включенные в корреспондентский комитет Якобинского клуба, взяли на себя всю огромную работу по переписке общества, в чем им активно помогала жена Ролана¹⁴³. Бриссо и Жире-Дюпре выпускали свой *"Patriote Francais"* почти через день, откликаясь на все горячие события дня. Карра, владелец и один из редакторов *"Annales Patriotiques"*, за март 1790 — февраль 1791 г. опубликовал в этой газете 501 статью, сотрудничая в то же время в других изданиях¹⁴⁴. Дни большинства их насыщены заседаниями в Клубе, после которых они отправлялись в Собрание, разного рода встречами, совещаниями, хлопотами, журналистской работой. Они вели традиционно обширную для тех времен переписку. При этом работа неизменно доставляла им радость, реализуя бьющую ключом энергию.

Денежные вопросы всегда оставались в центре внимания многих членов группы. То же можно было сказать об их отношении к жизненным благам, чисто внешним характеристикам образа жизни. В конце лета — начале осени 1791 г. Роланы, Лантена и Банкаль пустились в предприятие по приобретению земель из числа национальных имуществ, ассигновав на это значительные суммы и отправив Банкаля в провинцию в поисках подходящих объектов для покупки. Боск, сообщая о своей деятельности в почтовом ведомстве, не забыл упомянуть о снижении своего жалования в результате реформы почт с 5 до 4 тыс. ливров в год и о том, что после назначения главным администратором (по протекции Ролаиа) стал получать уже 15 тыс. ливров¹⁴⁵. Луве, которому предложили стать редактором “Journal de Debats” — полуофициоза, освещавшего работу Собрания (по протекции Бриссо, Гаде и Кондорсе), был недоволен назначенным поначалу окладом в 6 тыс. ливров в год и выторговывал 10 тыс.¹⁴⁶ Барбару, сообщая о своей активной публицистической деятельности в первые годы революции, тут же с гордостью отметил, что только в 1790 г. затратил на издание своих сочинений десятки тысяч ливров¹⁴⁷.

Некоторые особенности мышления жирондистов иногда прорывались в их лексиконе. Так, для Верньо слова “банкротство” и “банкрот” — символы зла и тягчайшего преступления; Фоше, рассуждающему о профессиях, которые могли бы свести сны священники, приходят на ум только коммерсанты и мелкие сельские хозяева¹⁴⁸.

Практически все жирондисты чувствовали себя причастными к интеллектуальному наследию века Просвещения, что находило отражение не только в образе мыслей, но и в образе жизни, в занятиях многих из них. Так, они с удовольствием занимались наукой и литературой и сообщали об этом как о некоей своей заслуге, как о свидетельстве своей просвещенности, прогрессивности. Барбару с тоской вспоминал о проведенных в Марселе счастливых днях первых лет революции, когда по воскресеньям у него за обедом собирались друзья и обсуждали философские, естественнонаучные проблемы, говорили о Платоне, Горации, Ньютоне, и тщательно перечислял написанные им мемуары и брошюры¹⁴⁹. Боск с гордостью отмечал, что свои занятия литературой, естествознанием, историей, физикой, химией он не прерывал и в годы революции¹⁵⁰. Ролан был автором “Словаря мануфактур”. “Трудолюбивый ученый” — так с гордостью аттестовала мужа г-жа Ролан.

При этом она не забывала отметить, что в период временного уединения в своем поместье под Лионом осенью — зимой 1791 г. они с мужем не прерывали литературных трудов¹⁵¹. Кондорсе с увлечением разрабатывал проект организации народного просвещения, Клавьер и Керсен опубликовали сочинения по экономике, и к их ученым трудам соратники относились с почтением. “Философ”, “ученый” — лучшая характеристика в глазах этих людей. Не случайно, что в истории и для большинства современников они остались “людьми таланта”. Ведь именно так любили называть они: себя и своих соратников.

Их очевидная страсть к “салонной”, “кабинетной” деятельности, приверженность к “кулуарной” политике также, очевидно, были проявлением определенных социокультурных традиций. Нельзя не согласиться с Сайденхэмом, который выводит эту традицию из “салонной практики” XVIII в. Политические и литературные салоны стали в это время одной из форм реализации идеологии Просвещения. Из них выросли, в них участвовали многие лидеры группы. В ходе революции такая форма организации использовалась ими в конкретно-политических целях. Деятельность якобинцев, монтаньяров в этом плане восходила, как нам представляется, к несколько иной в социокультурном отношении исторической традиции.

Суммируя эти в общем-то достаточно беглые наблюдения, можно отметить наличие у жирондистов не только определенных общих черт психологии, образа мышления, единого взгляда на общественные ценности, но и их более или менее отчетливую социальную направленность. Эти черты характеризовали Жиронду как явление, в значительной степени уходящее корнями в те слои имущей или близкой к ней по мироощущению интеллигенции, которая сформировалась еще до революции на идеях Века Просвещения. Из этой среды жирондисты вынесли не только идейный багаж и взгляды на жизнь, но и некоторые черты политической организации.

Интересы промышленности, торговли, развития финансовой системы и кредита, а также, что особенно важно, интересы связанных с этими сферами деятельности социальных слоев занимали одно из важнейших мест в идеологии и политике Жиронды. Именно потребностями дальнейшего развития экономики мотивировали жирондисты в Собрании необходимость принятия основных своих законодательных актов — декретов о борьбе с эмигрантами и неприсягнувшими священниками, о войне, об отмене рабства в колониях и др. То же характеризовало и деятельность министров-жирондистов. Так, для Клавьера, Верньо, Барбару, Бриссо процветание торговли и промышленности, упрочение кредита, стабилизация финансов прямо ассоциировались с благом нации, отождествлялись со свободой, с революционными завоеваниями, а все, что этому процветанию препятствовало, они объявляли преступлением против нации и революции¹⁵². При этом Верньо прямо призывал французских неогонимов придать новый толчок развитию промышленности, мануфактур и сокрушить торговлю других наций, “лишить ее кредита”. Бриссо полагал, что политика должна следовать путем, намеченным развитием торговли и промышленности, что насиловать их интересы в угоду политике вредно¹⁵³.

Клавьер, с осени 1791 г. «штатный» эксперт Жиронды по экономическим вопросам, став министром финансов, указывал, что аккуратное поступление налогов необходимо для нормального функционирования промышленности и торговли. Считая их прогресс безусловным благом (даже за счет успехов сельского хозяйства), Клавьер связывал его с введенными революцией ассигнатами, поддержанию твердого курса и увеличению выпуска которых жирондисты придавали в 1791—1792 гг. особое значение¹⁵⁴. В январе — мае 1792 г. Кондорсе и Клавьер выдвинули проект «заемной кассы», прообраза общепанцузского национального банка, который, имея филиалы по всей Франции, должен был стать универсальным посредником и кредитором во всех финансовых сделках и расчетах¹⁵⁵.

Взгляды лидеров Жиронды по вопросам экономики уточнялись в период экономического кризиса зимы 1791/92 г. Ряд жирондистов: Керсен, Дюко и др. — призвали к введению откровенно протекционистских мер, в том числе к ограничению экспорта сырья и инструментов, необходимых для французской промышленности¹⁵⁶. Данные, приведенные французским исследователем Дориньи, позволяют предположить, что торговля, в том числе внешняя, виделась жирондистам лишь как вспомогательное средство для развития промышленности. Отнюдь не отвергая в своей министерской деятельности протекционистских мер, Ролан запрещал, к примеру, экспорт хлеба из районов, где ощущался его недостаток¹⁵⁷. Жирондисты, таким образом, демонстрировали достаточную гибкость, опровергающую представление о них как об адептах безусловно полной свободы экономической деятельности. Хотя жирондисты и выступили в 1791—1792 гг. против любых ограничений этой деятельности внутри страны, можно, думается, в определенной степени согласиться с Дориньи, полагающим, что они «являлись типичными представителями экономической мысли французской буржуазии, которая... неустанно выдвигала требования протекционизма против идеологов свободного обмена»¹⁵⁸. Показательны связи Жиронды с кругами деловой финансовой и торгово-промышленной буржуазии, к которым принадлежали или к делам которых были причастны Инар, Банкаль, Лантена, Барбару, Биддерман, Ролан и другие жирондисты¹⁵⁹.

Тесными и давними были контакты Бриссо не только с Клавьером, Биддерманом, но и многими швейцарскими, французскими и американскими банкирами. Вспоминая о жирондистах периода Законодательного собрания, Гара отмечал, что они (Гара называет при этом имена Кондорсе, Верньо, Дюко) «собирались очень часто у глав промышленных и торговых домов, способных благодаря обширности своих практических познаний, благодаря дерзости своих проектов распространить влияние французской промышленности на весь мир, обеспечить ей более обширную торговлю, большее могущество, чем имели промышленность Голландии и Великобритании, вместе взятые»¹⁶⁰.

Все это позволяет предположить, что жирондистам были особенно близки чаяния и устремления собственно капиталистической деловой буржуазии, банкиров, промышленников, торговцев, не связанных напрямую с социально-экономическими и финансовыми структурами старого порядка. К подобным слоям принадлежали дельцы, стоявшие во главе или финансировавшие ряд чисто капиталистических по характеру акционерных обществ и компаний, возникших во Франции незадолго перед революцией («Компания по освещению улиц» и «Компания по снабжению водой» в Париже, компания промышленных и пассажирских перевозок, общества по страхованию жизни и др.), банкиры «нового типа»: Делессар, Бати, Клавьер, Малле, Перье, сферой деятельности которых было активное предпринимательство, кредитование динамичных отраслей промышленности и торговли, не связанное с «продажей денег» абсолютистской монархии и с полугосударственными монопольными предприятиями (такой же характер носила деятельность банков Биддермана и Неккера)¹⁶¹.

К этой группе буржуазии можно отнести также негоциантов и арматоров, особый слой богатых торговцев и судовладельцев, связанных отчасти и с промышленной деятельностью, наиболее отчетливо представленный в торговых «метрополиях» Юга и Юго-Запада Франции — в Бордо, Марселе, Тулоне, Нанте и т. д.¹⁶² Пример негоциантов Бордо, с последней четверти XVIII в. предпочитавших, разбогатев, развивать свое торговое или промышленное дело, а не вкладывать деньги, как раньше, в земельную собственность или стремиться к анобличиванию, позволяет говорить о складывании собственно капиталистической деловой буржуазии, все дальше уходившей от обыденного сознания «буржуа» старого порядка. Негицианты Бордо активно участвовали в организации разного рода литературных, научных обществ, которые были первичной школой общественной деятельности для многих жирондистов. Они же наиболее активно поддерживали Жиронду в период федералистского мятежа¹⁶³.

Именно этим слоям буржуазии было наиболее близко сформулированное жирондистами требование полной и безусловной свободы собственности, отождествлявшееся зачастую со свободой вообще, как это делал Бриссо¹⁶⁴. То же касается очень широкого понимания жирондистами политических свобод, в том числе свободы мысли, совести, эмиграции и связанного с ним представления о сущности взаимоотношений индивидуума с государством, по сути, основанного на классическом либерально-буржуазном идеале государства — «ночного сторожа». В разной степени элементы подобного взгляда на эти проблемы в 1791—1792 гг. можно встретить у Верньо, Бриссо, Дюко, Ролана, других жирондистов¹⁶⁵.

Указанные черты идеологии и политической практики Жиронды были во многом сходны с сущностными, типичными чертами обыденного сознания буржуазного предпринимателя, со свойственными ему индивидуализмом, противопоставлением себя обществу, стремлением максимально ограничить, если в том нет

крайней необходимости, вмешательство регулирующих, в первую очередь государственных, сил в сферу его предпринимательских интересов¹⁶⁶. В этом плане становится понятна враждебность жирондистов к спекулянтам ассигнатами и национальными имуществами — “монстрам ажиотажа”, “алчным финансистам”, о которых, в частности, упоминали Верньо, Горса, Рабо Сент-Этьен и которые отождествлялись с лагерем контрреволюции. Своими махинациями они, с одной стороны, подрывали социальную устойчивость режима, обостряя недовольство народных масс, с другой — расшатывали тот экономический порядок, за который выступали жирондисты с начала 1792 г. и в основе которого лежал твердый курс ассигнатов и сбалансированность государственных финансов. Последнее особенно не соответствовало интересам названных выше слоев предпринимательской буржуазии, для которых риск, авантюризм и спекуляция как способы обогащения были исключением, а нормой являлось спокойное, осуществляемое в стабильных экономических условиях, накопление¹⁶⁷.

Следует отметить, что интересы “деловой” торговой, финансовой и промышленной буржуазии определяли лишь ядро идейных установок и политики Жиронды, которые не ограничивались только ими. Будучи прежде всего политическим явлением, Жиронда обобщала в своей деятельности социальные устремления данных слоев французской буржуазии, абстрагировала их от обыденных интересов этих слоев.

В этом плане жирондисты действовали как члены особой идейно-политической общности, вырабатывая специфически присущее этой общности сознание, обладающее определенной автономностью, самостоятельностью по отношению к сознанию классовому. Именно в силу этого обстоятельства в идеологической и политической практике жирондистов в 1791—1792 гг. преломились интересы значительно более широких слоев революционной буржуазии.

Выдвинувшись в период лета — осени 1791 г. в качестве лидеров буржуазной оппозиции наиболее одиозным пережиткам старого порядка, сохраненным Конституцией 1791 г., жирондисты встали перед необходимостью решения общеполитических задач революции, концентрации усилий на закреплении ее политических и социально-экономических достижений. В этих условиях они твердо определили свою позицию, высказавшись против любых попыток реставрировать упраздненные феодальные институты, за дальнейшее ограничение личной власти короля, разоблачили контрреволюционную сущность эмиграции, мятежей, поднятых неприсягнувшими священниками и дворянами. Само дворянство, так же как и реакционное духовенство и даже буржуазия старого порядка, весь лагерь привилегированных, оценивались жирондистами — Бриссо, Верньо, Роланом, Инаром, Дюко, Рабо Сент-Этьеном, Горса, Барбару, Петитоном и др. — как силы, изначально враждебные революции, противостоящие нации в целом¹⁶⁸. Целый ряд законодательных актов, проведенных в Собрании жирондистами или активно поддержанных ими, был направлен на подрыв этих сил: декреты против эмигрантов и неприсягнувших священников в ноябре 1791 г., майско-июньские (1792 г.) декреты о роспуске королевской гвардии, о создании лагеря федератов под Парижем и др. Объективно вплоть до весны 1792 г. и борьба жирондистов за власть отвечала интересам почти всего бывшего третьего сословия левее групп феианской буржуазии.

В то же время социальные ориентации жирондистов в период, лета 1791—лета 1792 г. претерпевали постоянные изменения в соответствии с изменением социально-политической ситуации в стране. В ходе кризиса зимы 1791 — весны 1792 г., обострившего социальные антагонизмы внутри третьего сословия, на роль лидера мелкобуржуазного и плебейского большинства выдвинулись будущие монтаньяры, осознавшие, что удовлетворить интересы этих слоев можно лишь взломав режим Конституции 1791 г. Жиронда, нащупавшая возможность решения своих специфических социально-политических задач в рамках указанного режима, осознавала растущую угрозу со стороны социальных сил, стоявших за будущими монтаньярами, и стремилась не допустить развала существовавшей политической системы.

В этих условиях усилился процесс постепенного самоопределения Жиронды на позициях преимущественного отражения интересов торгово-промышленной и финансовой буржуазии “нового типа”. Гора и Жиронда представляли в разном своем отношении к социально-экономическим и политическим реальностям режима Конституции 1791 г. разные тенденции, пути окончательного слома всех институтов старого порядка, феодализма, разные пути утверждения буржуазного порядка. Мысль о том, что столкновение этих тенденций могло принимать столь же острые, конфликтные формы, как и борьба между защитниками феодальных порядков и антифеодальными силами, была выдвинута Н.М.Лукиным и развита в работах А.В.Адо¹⁶⁹.

Не случаен потому и перевод Жирондой конфликта уже с зимы 1792 г. в русло противостояния имущих вообще неимущим вообще. Впервые в речах и писаниях жирондистов эти социальные слои последовательно отделялись друг от друга и противопоставлялись друг другу. Вслед за тем неимущих объявляли угрозой для имущих, на сторону которых становились жирондисты. Именно имущие в целом, при всей безусловной расплывчатости этого понятия, могли удовлетвориться компромиссным в основе режимом Конституции 1791 г. и видеть в неимущих угрозу своим социальным и политическим позициям.

Применительно к периоду 1791—1792 гг. следует скорее определять Жиронду как политическую группировку, которая отражала стремление французской революционной буржуазии утвердить свое господство в обществе, ориентируясь при этом главным образом на общественные модели, диктовавшиеся политическими и социально-экономическими интересами торговой, промышленной и финансовой буржуазии и частично тех имущих слоев населения, система воспроизводства которых не зависела от структур старого порядка и противостояла этим структурам.

* * *

Как и любая идейно-политическая общность, Жиронда выполняла две основные функции: 1) формулировала идеологию представляемых ею социальных групп, преломляя в ней их классовое сознание; 2) стремилась реализовать идеологические положения в общественной практике.

Жиронда адекватно и отчетливо определила цели, ценности, способы действия, отвечавшие конкретно-историческим условиям бытия определенных слоев буржуазии. Политическая практика жирондистов в указанный период характеризовалась достаточной степенью сложности и организованности. Объектом их активности были ключевые “горизонтальные” институты политической системы: Якобинский клуб, Законодательное собрание, министерство, пресса.

В определенной степени деятельности жирондистов в период Законодательного собрания, особенно в первой половине 1792 г., была присуща система признаков, критериев, которыми характеризуется в советской социологической литературе политическая партия¹⁷⁰. Прилагая эти критерии к собственно жирондистскому феномену, можно отметить, что Жиронда: а) объединила ряд активных и сознательных представителей социальных групп, интересы которых представляла; б) сумела выразить определенные классовые интересы, выработать элементы классовой идеологии; в) по ряду признаков отразила в своей деятельности одно из буржуазных социально-политических течений в рамках революции; г) проявляла активность в политической сфере жизни общества; политической целью, все более явно вырисовывавшейся в перипетиях революционных событий весны — лета 1792 г., было господство в различных эшелонах власти.

В то же время нельзя утверждать, что Жиронда в означенный период стала той формой организации представляемых ею социальных групп, какой является современная политическая партия. В общенациональном масштабе устойчивые формы связи жирондистов со своей социальной базой, ее организации в свою поддержку находились в зачаточном состоянии. Применение к Жиронде различных критериев, определяющих существование политической партии, создает двойственную картину. Представляется, что решение проблемы лежит не в поисках тождества “жирондистского варианта” политической организации с современным представлением о буржуазной партии. Опыт Жиронды следует оценивать как с точки зрения форм политической организации, обусловленных глубинными чертами социально-политического развития Франции, так и учитывая те специфические условия, которые революция XVIII в. накладывала на ход партийно-политической борьбы и складывания политических группировок, в частности в период Законодательного собрания.

Легко заметить, что у “жирондистской модели” довольно много общего с теми формами политической организации классов и социальных групп во Франции, которые будут утверждаться и развиваться в течение всего XIX столетия. Жиронда с ее характерными чертами идейно-политического и организационного облика — “салонной” организацией, повышенной идеологической нагрузкой в функционировании группы, “парижским”, “верхушечным” вариантом деятельности и откровенно слабыми и нерегулярными связями с провинцией, значительным иногда уходом от непосредственных интересов провинциальных и парижских буржуазных нотаблей в борьбе за обеспечение общих интересов буржуазии, тех ее слоев, интересы которых в совокупности отражали жирондисты на том или ином этапе революции, — не выпадает из общего ряда исторически сложившихся форм политической организации французской буржуазии, а в определенной мере стоит у истоков этого ряда.

Ведь для политической организации французского буржуазного общества будет характерно существование множества партий, от крупных объединений с массовой базой и идеологической традицией до мельчайших клубов, вызванных к жизни определенной идеей, конкретной задачей, желанием общения, переживавших постоянные метаморфозы. Противостоя друг другу на общенациональном уровне, партии даже в поздние времена остались на местном уровне зачастую довольно рыхлыми в организационном отношении¹⁷¹.

Во Франции традиционно существовало определенное противоречие между идеологией “парижского ядра” партий и деятельностью их на местах. “Политическая партия традиционно строилась во Франции как бы с двух сторон одновременно — из Парижа, где в интеллигентском клубе или в кулуарах парламента возникала определенная тенденция, и на местах, где существовали устойчивые группы нотаблей, тесно связанных с местными интересами и не особенно интересовавшихся оттенками парижских тенденций...”¹⁷². Появлению общенационального политического движения вне Парижа препятствовала разнородность политических условий: для возникновения партии почти всегда был необходим интеллектуальный импульс из Парижа. Новые политические организации (партии, клубы, движения, блоки и т. д.) возникали в среде профессиональных политиков, более или менее тесно связанных с интеллектуальной средой¹⁷³.

Отмечая те организационные и функциональные особенности Жиронды, которые увязываются с традиционными для Франции или для представляемых жирондистами социальных слоев способами и формами политической организации буржуазии, следует помнить и о своеобразии исторической ситуации, в которой рождалась Жиронда. Колыбелью политических партий являются буржуазные революции. Партии вне зависимости от того, какой вид они принимают, суть форма самоорганизации классов или социальных групп, орудие обеспечения их интересов на политической арене. По мере развития революции и дифференциации интересов различных слоев процесс партийно-политического размежевания также углублялся. При этом организационная и идейно-политическая структура той или иной партии была тем четче, чем определеннее сформировались и обособились представляемые ею класс или социальная группа. Слои, определявшие идейно-политический облик Жиронды, были далеки от того, чтобы со всей определенностью осознать себя и свои классовые интересы. Французская буржуазия как класс и различные ее группы находились в процессе складывания уже после революции. В неустойчивой, менявшейся социальной обстановке лишь намечались тенденции партийно-политической самоорганизации различных фракций буржуазии, что предопределило недостаточную четкость, постоянную трансформацию элементов организационного и идейно-политического облика Жиронды в тот период.

Ряд признаков позволяет говорить о том, что жирондисты в 1791—1792 гг. составляли как бы фрагмент складывавшейся новой правящей элиты Франции¹⁷⁴. При этом по сути своей деятельности Жиронда отвечала функциям политической и идеологической элиты в наибольшей степени. Жирондисты принимали политические решения и, используя разнообразные средства — от личных связей до прямого массового действия, — оказывали непосредственное влияние на развитие событий. Ряд членов Жиронды активно пропагандировали идеи не столько группы, сколько фактически господствовавшего (или поднимавшегося к господству в ходе революции) класса — буржуазии, т. е. функционировали как идеологическая элита. Жирондисты системой сложных отношений, как формальных, так и неформальных, были связаны с доминировавшими в тот момент социальными слоями и политическими группами, полубуржуазной-полудворянской либеральной аристократией (кружком мадам де Сталь и Нарбонна), крупными финансистами и банкирами (через Клавьера, Бидлермана и др.), буржуазным нобилитетом крупных торговых метрополий Юга и Юго-Запада (Бордо, Нант, Марсель), как бы интегрируя все эти слои в социальном облике своей группы.

Представляется также, что Жиронда, впервые отчетливо сформировав и обобщив в опыте своей деятельности ряд важнейших социально-политических ценностей французской буржуазии и тем самым заложив основы ее политического сознания, была важным этапом в развитии политической культуры господствующего класса Франции.

В самом деле, именно Жиронда в период Конвента впервые открыто столкнулась с организованным в политическом плане натиском народных масс, его антикапиталистическими и уравнилельными тенденциями как альтернативным вариантом общественного развития, определила позицию, занятую по отношению к ним имущими элементами буржуазного общества. Именно Жиронда в своей политической практике реализовала характерное для буржуазной политической системы понимание демократии, политических свобод, стабильности, порядка, прав и обязанностей, отношения к прямому народному действию, соотношения исполнительной и законодательной власти, отношения к различным общественным институтам, различным проявлениям внутривнутриполитической и социальной борьбы.

* Под "проскрипционными списками" жирондистов в историографии имеются в виду составленные монтаньярами после победы восстания 31 мая — 2 июня 1793 года перечни депутатов Конвента и министров, подлежащих аресту и суду за принадлежность к враждебной монтаньярам "партии", т. е. Жиронде.

** Под буржуазной "левой" имеется в виду весь спектр различных течений среди буржуазных политиков левее феянско-монархического лагеря.

*** Так в исторической литературе принято называть кабинет министров, существовавший с 10 марта по 13 июня 1792 г., почти все члены которого были назначены по выбору жирондистов и действовали под их контролем.

**** Речь идет о батальоне национальной гвардии Марселя, посланном в Париж по призыву Барбару вопреки вето короля на декрет о создании под Парижем лагеря из вооруженных посланцев департаментов — так называемых федератов.

***** Имеется в виду расправа, учиненная отрядом национальной гвардии в Авиньоне в сентябре 1791 г. в отместку за убийство толпой секретаря местного муниципалитета Лекюйе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Gregoire A. Memoires de Gregoire, ancien eveque de Blois, depute a l'Assemblée Constituante et a la Convention Nationale, senateur, membre de l'Institut. P., 1838. T. 2. P. 384, 390.*

² *Roland M.-J. Memoires de madame Roland / Ed. C. A. Dauban. P., 1864. P. 257.*

³ См.: *Алексеев-Попов В.С. "Социальный кружок" и демократическое республиканское движение 1791 г. // Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957. С. 176—196.*

⁴ *Dumont E. Souvenirs sur Mirabeau et sur les deux premieres Assemblees legislatives. P., 1951. P. 176—177.*

- ⁵ *Gregoire A.* Op. cit. T. 2. P. 408.
- ⁶ *Dumont E.* Op. cit. P. 178—179.
- ⁷ *Abrantes L. P.* Histoire des salon de Paris: Tableaux et portraits du grand monde sous le roi Louis XVI, le Directoire, le Consulat en l'Empire, la Restauration et la regne de Louis-Philippe. P., 1893. Vol. 1. P. 29—30; *Roland M.-J.* Memoires... / Ed. C.A.Dauban. P. 234.
- ⁸ *Roland M.-J.* Lettres de madame Roland: (1780—1793) / Publ. par Cl.Perroud. P., 1902. Vol. 2. P. 360.
- ⁹ *Roland M.-J.* Memoires... / Ed. C. A. Dauban. P. 237; Actes du Tribunal revolutionnaire / Recueillis et commentes par G. Walter. P., 1968. P. 210; *Dumont E.* Op. cit. P. 289—300; *Roland M.-J.* Memoires de madame Roland / Publ. par Cl.Perroud. P., 1909. T. 2. P. 451—452, 461; *Roland M.-J.* Lettres... Vol. 2. P. 370.
- ¹⁰ Actes du Tribunal revolutionnaire. P. 219.
- ¹¹ *Dumont E.* Op. cit. P. 201.
- ¹² Ibid. P. 201; *Roland M.-J.* Memoires... / Publ. par Cl. Perroud. T. 2. P. 473—474; *Roland M.-J.* Lettres... Vol. 2. P. 358; Actes du Tribunal revolutionnaire. P. 210.
- ¹³ *Dumont E.* Op. cit. P. 212; *Dumouriez Ch.-F.* La vie du general Dumouriez. Hambourg, 1795. T. 2. P. 143—144, 152; *Roland M.-J.* Memoires... / Ed. C.A.Dauban. P. 348—349, 238—239; Actes du Tribunal revolutionnaire. P. 219; *Roland M.-J.* Lettres... Vol. 2. P. 400—401; *Louvet de Couvray J.-B.* Memoires de Louvet de Couvray. P., 1823. P. 38—40.
- ¹⁴ *Dumont E.* Op. cit. P. 206—207.
- ¹⁵ Ibid., P. 208; *Petion J.* Memoires inedites de Petion et memoires de Barbaroux et de Buzot. P., 1988. P. 466; *Morse-Sthephens H.* The principales Speeches of the statsmens and orators of the french revolution: 1789—1795. Oxford, 1892. T. 3. P. 427; Actes du Tribunal revolutionnaire. P. 226; *Мартен Письма: 1776—1793.* Пр.; М., 1923. С. 158.
- ¹⁶ *Roland M.-J.* Memoires.../Ed. C. A. Dauban. P. 244.
- ¹⁷ *Dumont T.* Op. cit. P. 207—208, 209—210, 306; Actes du Tribunal revolutionnaire. P. 195, 197; *Louvet de Couvray J.-B.* Op.cit. P.41—42; *Roland M.-J.* Memoires... / Ed. C. A. Dauban. P. 306; *Roland M.-J.* Lettres... Vol.2. P.416, 427—428; *Barbaroux Ch.* Correspondance et memoires de Barbaroux / Publ. par Cl.Perroud avec la collaboration d'Alfred Chabaud. P., 1923. P.461—463, 456—457; *Roland M.-J.* Memoires... / Publ. par Cl. Perroud. T.2. P.478—480.
- ¹⁸ *Roland M.-J.* Lettres... Vol.2. P.426.
- ¹⁹ *Louvet de Couvray J.-B.* Op.cit. P.41.
- ²⁰ *Roland M.-J.* Merriiores... / Ed. C.A.Dauban. P.361.
- ²¹ *Dumont E.* Op.cit. P.206—207; Actes du Tribunal revolutionnaire. P.213, 223—224.
- ²² La societe des Jacobins: Recueil des documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris. / Par A.Aulard. T.1—6. P., 1889—1897. T.3. P.457.
- ²³ См.: *Мартен Письма.* С. 158.
- ²⁴ *Robespierre M.* Oeuvres completes de M. Robespierre. T.1—9. P.1910—1968. T.4. P.32.
- ²⁵ Actes de Tribunal revolutionnaire. P. 210. Бриссо полностью подтвердил эти слова Шабо.
- ²⁶ *Forrest A.* Girondins et Montagnards dans une ville de province: exemple de Bordeaux // Girondins et Montagnards: Actes du colloque / Sous la direction d'Albert Soboul. P., 1980. P.149—176 (далее — Actes du colloque).
- ²⁷ См.: *Гусейнов Э.Е.* Исследования и споры о жирондистах в современной зарубежной историографии // Общественные движения и политическая борьба в странах Европы и Америки в новое и новейшее время. М., 1985. С.19—34.
- ²⁸ *Robespierre M.* Op.cit. T.5. P.83; La societe des Jacobins... T.3. P.669; Histoire Parlementaire de la Revolution franchise ou journal des Assemblees Nationales depuis 1789 jusqu'en 1815 / Par P.-J. Buchez et P. Roux. P., 1834—1838. T.14. P.132, 183, 186.
- ²⁹ *Dulaure J.-A.* Esquisses historiques des principaux evenements de la Revolution franchise, depuis la convocation des Etat-Generaux jusqu'au retablissement de la maison de Bourbon. T.1—4. P.1823—1825. T.2. P.41.
- ³⁰ Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И.М.Симолина // Литературное наследство / Под ред. Н.Лукина. М., 1937. Т.29—30. С.529.
- ³¹ *Stael G. de.* Considerations sur les principaux evenement de la Revolution Francaise. P., 1820. T.2. P.28.
- ³² *Louvet de Couvray J.-B.* Op.cit. P.35, 36.
- ³³ *Dumont E.* Op.cit. P.201.
- ³⁴ Ibid. P.207—208.
- ³⁵ *Roland M.-J.* Lettres... T.2. P.428—429.
- ³⁶ *Dulaure J.-A.* Op.cit. T.2. P.41, 43.
- ³⁷ Accusation contre Maximilien Robespierre, par Jean-Baptiste Louvet, a la sceance du 29 octobre 1792 // Louvet de Couvray J.-B. Op.cit. P.338, 34—36,
- ³⁸ Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И.М.Симолина. С.529.
- ³⁹ Histoire Parlementaire... P.169.
- ⁴⁰ La societe des Jacobins... T.3. P.516—517, 549—550, 565—566.
- ⁴¹ Ibid. P.332, 464—465, 470—522, 540; Histoire Parlementaire... T.14. P.159—¹⁶⁰, ¹⁶².
- ⁴² *Robespierre M.* Op. cit. T.3. P.5—15, 77—99.
- ⁴³ La societe des Jacobins... T.3. P.554, 604—605; T.4. P.16.
- ⁴⁴ *Brissot J.-P.* Memoires: (1754—1793) / Publ. par Cl. Perroud. T.1—2. P.1909—1911. T.2.

- ⁴⁵ Ibid. P.143.
- ⁴⁶ Lettres et pieces interessantes pour servir a l'histoire du ministere de Roland, Servan et Claviere. P., 1792. P.68 (lettres et pieces).
- ⁴⁷ *Barbaroux Ch.* Op.cit. P.149.
- ⁴⁸ Цит. по: *Шоммет А.* 1792 год: Мемуары / Ред. И. Хераскова // Голос минувшего. 1917. № 11—12. С.88.
- ⁴⁹ *Granier de Cassagniac A.* Histoire des Girondins et des massacres de septembre d'apres les documents officiels et inedits. P., 1860. Т. 1. P. 260.
- ⁵⁰ Histoire Parlementaire... Т.14. P.132; Societe des Jacobins... Т.3. P.524—536, 538.
- ⁵¹ *Robespierre M.* Op.cit. Т.4. P.13, 65—68, 77—99; *Stael G. de.* Op.cit. Т.2 P.33
- ⁵² *Dumont E.* Op.cit. P.202.
- ⁵³ *Petion I.* Op.cit. P.426—427.
- ⁵⁴ *Dumouriez Ch.* Op.cit. Т.2. P.156.
- ⁵⁵ La societe des jacobins... Т.3. P.438—441.
- ⁵⁶ См.: *Мапам Ж.П.* Избр.произв.: В 3-х томах. М., 1956. Т.3. С.63—66.
- ⁵⁷ *Robespierre M.* Op.cit. Т.4. P.92.
- ⁵⁸ La societe des Jacobins... Т.3. P.557—558, 564.
- ⁵⁹ Ibid. Т.4. P.77—79. 196
- ⁶⁰ Ibid. Т.3. P.678, 691—692, 697.
- ⁶¹ Histoire Parlementaire... Т.14. P.153—161, 164, 183—184; *Robespierre M.* Op.cit. Т.4. P. 82—83, 88, 98—99.
- ⁶² Histoire Parlementaire... Т.14. P.186.
- ⁶³ La societe des Jacobins... Т.3. P.566.
- ⁶⁴ Ibid. P.576.
- ⁶⁵ Ibid. Т.4. P.3.
- ⁶⁶ *Stael G. de.* Op. cit. Т.2. P.26—28.
- ⁶⁷ *Louvet de Couvray J.-B.* Op. cit. P.34—35; *Barbaroux Ch.* Op. cit. P.458.
- ⁶⁸ *Dumont E.* Op. cit. P.200—201.
- ⁶⁹ *Roland M.-J.* Lettres... Vol.2. P.379.
- ⁷⁰ Ibid. P.400.
- ⁷¹ Actes du Tribunal revolutionnaire. P.212.
- ⁷² *Dumont E.* Op. cit. P.206.
- ⁷³ Ibid. P.212.
- ⁷⁴ Ibid. P.178, 204.
- ⁷⁵ *Roland M.-J.* Lettres... Vol.2. P.418.
- ⁷⁶ Ibid. P.403.
- ⁷⁷ Ibid. P.428—429.
- ⁷⁸ *Roland M.-J.* Memoires... / Publ. par Cl. Perroud. Т.2. P.457.
- ⁷⁹ *Roland M.-J.* Lettres... Vol.2. P.385.
- ⁸⁰ Lettres et pieces... P.118.
- ⁸¹ *Brissot J.-P.* Recueil des quelques ecrits principalement extraits du Patriote Francais relatifs a la discution du partie a prendre par le roi, et de la question sur le republicanisme et la monarchie. P., 1791. P.20—21.
- ⁸² *Roland M.-J.* Memoires... / Ed. C.A. Dauban. P.234.
- ⁸³ Ibid. P. 247.
- ⁸⁴ *Roland M.-J.* Memoires... / Publ. par Cl. Perroud. Т.2. P.382.
- ⁸⁵ Lettres et pieces... P.142.
- ⁸⁶ *Stael G. de.* Op. cit. Т.2. P.28.
- ⁸⁷ *Bire E.* La Legende des Girondins. P., 1896. P.79—80.
- ⁸⁸ *Roland M.-J.* Memoires... // Ed. A. Dauban. P.234.
- ⁸⁹ Actes du Tribunal revolutionnaire. P.211.
- ⁹⁰ Ibid. P.213, 223—224; La societe des Jabobins... Т.4. P.47.
- ⁹¹ Actes du Tribunal revolutionnaire. P.213, 226.
- ⁹² *Granier de Cassagnac A.* Op.cit. Т.1. P.149.
- ⁹³ *Hamel E.* Histoire de Robespierre. P., 1860. Vol.2. P.283.
- ⁹⁴ *Dumouriez Ch.* Op.cit. Т.2. P.147.
- ⁹⁵ *Roland M.-J.* Memoires... / Ed. A.Dauban. P.249.
- ⁹⁶ Actes du Tribunal revolutionnaires. P.191; *Roland M.-J.* Lettres... Т.2. P.472.

- 97 Actes du Tribunal revolutionnaire. P.192; *Clemenceau—Jacquemaire M.* Madame Roland. P., 1926. P.71; *Roland M.-J.* Lettres... Vol.2. P.440.
- 98 *Roland M.-J.* Memoires... / Publ. par Cl.Perroud. T.2. P. 80.
- 99 *Dodu G.* Le parlementarisme et les parlementaires sous la revolution 1789—1799: Origines du regime representatif en France. P., 1911. P.210.
- 100 *Dumont E.* Op.cit. P.201; *Condorcet I. A. N. de.* Oeuvres de Condorcet. P. 1847. T.1. P.51; *Dumouriez Ch.* Op.cit. T.2. P.139—140.
- 101 *Dumouriez Ch.* Op.cit. T.2. P.138—142; *Dumont E.* Op.cit. P.200—201.
- 102 *Dumont E.* Op.cit. P.203.
- 103 *Dumouriez Ch.* Op.cit. T.2. P.138, 140.
- 104 *Ibid.* P.143—144, 152.
- 105 *Roland M.-J.* Memoires... / Ed. A.Dauban. P.238—239; *Roland M.-J.* Memoires... / Publ. par Cl.Perroud. T.2. P.472.
- 106 *Louvet de Couvray J.-B.* Op.cit. P.38, 40.
- 107 *Roland M.-J.* Lettres... Vol.2. P.399—400, 411.
- 108 *Dumont E.* Op.cit. P.205—206.
- 109 *Roland M.-J.* Lettres... Vol.2. P.412.
- 110 *Ibid.* P.367.
- 111 *Dumouriez Ch.* Op.cit. T.2. P.188.
- 112 *Louvet de Couvray J.-B.* Op.cit. P.42—43.
- 113 *Dutnont E.* Op.cit. P.29—300; *Histoire Parlementaire...* T.12. P.189—192.
- 114 Речь идет о 6 млн ливров на чрезвычайные расходы выбитых жирондистами в Собрании для министерства Дюмюрье (*Dumouriez Ch.* Op.cit. T.2. P.157)
- 115 Actes du Tribunal revolutionnaires. P.229.
- 116 Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И.М.Симолина. С. 484—500; *Алексеев-Попов В.С.* Указ.соч. С.130—136; *Gregoire A.* Op.cit. T.2. P.407; *Clemenceau-Jacquemaire M.* Op.cit. P.68—69; *Dumont E.* Op.cit. P.198; *Roland M.-J.* Memoires... / Ed. G.A.Dauban. P.233—234; *Roland M.-J.* Memoires... / Publ. par Cl. Perroud. T.2. P.450.
- 117 *Brissot J.-P.* Recueil... P.15, 16.
- 118 *Ibid.* P.8, 21—22; *Brissot de Warvilles J.-P.* Discours sur la question de savoir si le roi peut etre juge prononce a l'Assemblee des Amis de la Constitution dans la sceance du 10 Juliet 1791 par J.-P. Brissot. P., 1791. P.5—7, 9—14.
- 119 *Brissot J.-P.* Recueil... P.13, 32.
- 120 *Dumont E.* Op.cit. P.177.
- 121 Archives parlementaires de 1787 a 1860: Recueil complet des debats. Legislatifs et politiques des chambres francaise: Serie I: (1787—1799). T.1—54. P., 1867—1965. T.34. P.422.
- 122 *Rabaut J.-P.* Almanach historique de la Revolution Francaise / Redacte par J.-P. Rabaut. P.; Strassbourg, 1792. P.250—251.
- 123 *Dumont E.* Op.cit. P.180.
- 124 *Roland M.-J.* Memoires... / Ed. C.A.Dauban. P.353.
- 125 La societe des Jacobins... T.3. P.528.
- 126 Lettres et pieces... P.73, 74.
- 127 *Stael G. de.* Op.cit. T.2. P.30.
- 128 *Condorcet A.* Op.cit. T.1. P.585.
- 129 *Mors-Sthephense H.* Op.cit. T.1. P.305, 312.
- 130 *Hamel E.* Op.cit. Vol.2. P.341.
- 131 *Soboul A.* Sur la fortune des Girondins // AHRF, 1951. N 122. P.181—185; N 123. P.29; 1954. N 136. P.257—259.
- 132 *Roland M.-J.* Lettres... Vol.2. P.301.
- 133 *Cahen L.* Condorcet et la Revolution francaise. P., 1904. P.14.
- 134 *Chapuisat E.* Figures et choses d'autrefois. Gejeve, 1925; *Luthy H.* La banque protestante et France de la revocation de l'edit de Hante a la Revolution. P., 1959 T2
- 135 *Roland M.-J.* Memoires... / Publ. par Cl. Perroud. T.2. P.420; *Louvet de Couvray J.-B.* Op.cit. P.29.
- 136 *Roland M.-J.* Lettres... Vol.2. P.369, 382.
- 137 *Brissot J.-P.* Memoires... T.2. P.208.
- 138 *Ibid.* P.275.
- 139 *Dumont E.* Op.cit. P.211.
- 140 *Barbaroux Ch.* Op.cit. P.450.
- 141 *Petion J.* Op.cit. P.411.
- 142 *Roland M.-J.* Memoires... / Ed. G.A.Dauban. P.248—249; *Roland M.-L.* Lettres... Vol.2. P.415—418.
- 143 *Roland M.-J.* Memoires... / Publ. par Cl. Perroud. T.2. P.346, 491.
- 144 *Kennedy M.* L'Oracle des Jacobins des departments: Joan-Louis Garra et ses Annales Patriotique // Actes du Colloque. P.251.

- ¹⁴⁵ *Roland M.-J. Memoires... / Publ. par Cl.Perroud. T.2. P.452.*
- ¹⁴⁶ *Louvet de Couvray J.-B. Op.cit. P.50.*
- ¹⁴⁷ *Barbaroux Ch. Op.cit. P.438.*
- ¹⁴⁸ *Archives parlementaires... T.34. P.422.*
- ¹⁴⁹ *Barbaroux Ch. Op.cit. P.146.*
- ¹⁵⁰ *Roland M.-J. Memoires... / Publ. par Cl.Perroud. T.2. P.455.*
- ¹⁵¹ *Roland M.-J. Memoires... / Ed. C.A.Dauban. P.281.*
- ¹⁵² *Lettres et pieces... P.115, 126—127; Morse-Stephense H. Op.cit. T.1. P.172, 281; AP. T.34. P.311—312; Petion G. Op.cit. P.447.*
- ¹⁵³ *Archives parlementaires... T.34. P.312—313.*
- ¹⁵⁴ *Ibid. P.644; Lettres et pieces... P.144; Dorigny M. Recherches sur les idees economiques des girondins // Actes du colloque. P.92.*
- ¹⁵⁵ *Dorigny M. Op.cit. P.100—101.*
- ¹⁵⁶ *Ibid. P.79—93.*
- ¹⁵⁷ *Lettres et pieces... P.145.*
- ¹⁵⁸ *Dorigny M. Op. cit. P.102.*
- ¹⁵⁹ Процветающим “торговым домом”, специализировавшимся на продаже зеркал, владел Жен-Луи Трюд, близкий родственник г-жи Ролан, тесные связи с которым она поддерживала вплоть до конца 1791 г. Имение Трюд в Во в 1795 г. перешло к дочери г-жи Ролан, Эудоре.
- ¹⁶⁰ *Garat D.I. Memoires historiques sur M. Suard, sur ses ecrits et sur XVIIIe siecle. P., 1820. T.2. P.327—329.*
- ¹⁶¹ *Soboul A. La France a la veille de la Revolution. P., 1969. T. 1. P. 128; Luthy H, Op.cit. T.2; Chapuisat E. Op.cit.*
- ¹⁶² По мнению французского исследователя Ж.Мейера, чаяниям торговцев и судовладельцев Нанта отвечала политика жирондистов осенью—зимой 1791/92 г. (*Meyer J. L'armement nantais dans la deuxieme moitie du XVIII-ieme siecle. P., 1969. P.253*).
- ¹⁶³ *Bordeaux aux XVIII siecle / Sous la direction de F.-G. Parise. Bordeaux, 1968. Ch. V; Гордон А.В. Федералистский мятеж. Из истории гражданской войны во Франции летом 1793 г. // Французский ежегодник: 1967. М., 1968. С.86—107.*
- ¹⁶⁴ *Archives parlementaires... T.34. P.312; Dorigny M. Les Girondins et le droit de propriete // Bulletin d'histoire economique et sociale de la Revolution Francaise: 1980—81. P., 1982. P.15—31.*
- ¹⁶⁵ *Morse-Stephense H. Op.cit. T.1. P.250—255, 263, 293; Archives parlementaires... T.34. P.311—313, 417, 419, 420; Lettres et pieces... P.10, 16; Dorigny M. Les Girondins et Jean-Jacques Rousseau // AHRF. 1978. N -234. P.573—582; Chomie J. Les Girondins // Acte du colloque. P.31-433.*
- ¹⁶⁶ *Социальная психология классов. М., 1985. С.128, 132—134.*
- ¹⁶⁷ *Там же. С. 128—130; Бунин И.М. Буржуазия в современном французском обществе. М., 1978. С.72.*
- ¹⁶⁸ *Brissot J.-P. Memoires... T.2. P.190; Barbaroux Ch. Op.cit. P.183; AP. T.34. P.310—311, 427, 451; Morse-Stephense H. Op.cit. T.1. P.273, 289, 269, 274, 301; Godechot J. La Penses revolutionnaire en France et en Europe: (1789— 1799). P., 1964. P.158; Histoire Parlementaire... T.12. P.177, 179; Rabaut J.-P. Op.cit. P.190, 207—208; Lettres et pieces... P.14—15, 48, 58; Petion J. Op.cit. P.411; Courier de quatre-vingts departements. II.V 1792.*
- ¹⁶⁹ *См.: Адо А.В. Великая французская революция и ее современные критики//Буржуазные революции XVII—XIX вв. в современной зарубежной историографии. М., 1986. С.96—126.*
- ¹⁷⁰ *См.: Марченко М.Н. Очерки теории политической системы современного буржуазного общества. М., 1985. С.142.*
- ¹⁷¹ *Рабочий класс в странах Западной Европы: К изучению социальных основ политического поведения. М., 1982. Гл.IV.*
- ¹⁷² *Там же. С.201.*
- ¹⁷³ *Там же. С.202.*
- ¹⁷⁴ *Используя термины “правящая элита”, “политическая элита”, “идеологическая элита”, автор опирался на определения, данные в кн.: Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан. М., 1985.*

Д. М. Туган-Барановский

НА ПУТИ К БРЮМЕРУ

БУРЖУАЗИЯ и ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА в 1797-1799 гг.

Сб. Буржуазия и Великая Французская революция /

Гусейнов Э.Е., Кожокин Е.М., Ревякин А.В., Туган-Барановский Д.М.

М.: изд-во Моск. ун-та. 1989. 216 с. – С.99-140.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* 2008

В острейшей социально-политической борьбе 90-х годов XVIII в. во Франции рождались и испытывались различные формы организации государственной власти буржуазии — класса, который революция впервые выдвинула на руководящие позиции. Черту этим поискам новой буржуазной государственности подвел переворот 18 брюмера VIII г. Республики (9 ноября 1799 г.), ставший вехой в истории Франции и Европы. В этот день дала Директория и утвердился новый, бонапартистский режим, просуществовавший 15 лет.

Как Франция шла к этому дню? Какие социальные и политические условия подготовили падение Директории и приход к власти генерала Бонапарта? Что представляла из себя позиция французской буржуазии и какова была ее роль в политической борьбе того времени? Эти вопросы стоят в центре нашего исследования. Разумеется, они уже неоднократно рассматривались в историографии. Достаточно назвать имена французских исследователей - А.Тьера, Ж.Мишле, И.Тэна, А.Вандаля, А.Сореля, А.Олара, А.Матьеза, Л.Мадлена, Ж.Сюратто, Ж.Годшо, А.Мейнье, А.Собуля, Ж.Тюлара, американских — Р.Палмера, И.Волоха, Л.Ханта, П.Хэнсона, английских — Г.Митчелла, К.Черча, западногерманских — В.Гиссельмана, Э.Шмитта.¹ В нашей стране эти вопросы ставились академиком Е.В.Тарле, А.З.Манфредом, В.М.Далиным и некоторыми другими историками.² Тем не менее остаются еще значительные лакуны и конкретного, и историко-социологического плана.

Выделим проблемы, которые, по нашему мнению, в особенности заслуживают внимания историков.

1. Чтобы представить всю сложность социально-политической ситуации в 1798—1799 гг., определявшей политические позиции буржуазии «на пути к брюмеру», важно выявить масштабы и влияние роялистского и якобинского течений, в особенности последнего. Современные исследования показывают, что так называемая - «красная опасность» ощущалась тогда в обществе очень остро и явилась одной из непосредственных причин колебания термидорианской буржуазии в сторону идеи о консервативной и даже авторитарной республике.

2. Еще не полностью изучена идейная эволюция термидорианской буржуазии. В 1934 г. А.Матьез в исследовании «Директория» показал возникновение движения за пересмотр Конституции III г., так называемого «ревизионистского» направления в среде буржуазных политиков.³ Но после второй мировой войны были опубликованы новые материалы и работы (прежде всего исследования Ж.Годшо⁴), которые существенно дополняют созданную А.Матьезом картину. В совокупности с прессой термидорианского времени и мемуарами эти материалы позволяют дать более четкое представление об особенностях массового сознания французской буржуазии в этот заключительный период революции.

3. Когда речь идет о буржуазном характере наполеоновского переворота, остается в тени существенный вопрос, ограничивалась ли буржуазия абстрактным сочувствием противникам Директории или же она помогала им более осязаемо — деньгами, например. Специально эта проблема почти не ставилась. В общих работах о Наполеоне она затрагивалась, но лишь косвенно. Так, А.Сорель отмечал: «Нужны были деньги; Бонапарту достаточно было открыть дверь банкирам Перрего, Ле Кутё-Кантелё». ⁵ Примерно так же характеризовал ситуацию А.Вандаля: «Когда Бонапарт вернулся из Египта, капиталисты встретили его как избавителя; поставщики сразу бросились к нему еще накануне брюмера; а на другой день пришли и более робкие банкиры: вслед за шальными деньгами деньги осторожные, благоразумные. Банкиры торговались, давали и придерживали, но все же доставили кой-какие фонды и устроили синдикат с целью помочь Бонапарту стать во главе правления». ⁶ Однако исследователи типа А.Вандала, А.Сореля, Л.Мадлена, писавшие в духе «наполеоновской легенды», касались этого вопроса только «между прочим»: стремясь доказать «истинно национальный» характер переворота 18 брюмера, они не акцентировали внимание на связях молодого Бонапарта с банкирами и другими влиятельными представителями французской буржуазии. Что касается работ, посвященных истории французской буржуазии этого периода, то ее политический аспект интересовал их авторов лишь в малой степени. Так написаны книги Р.Стурма, М.Мариона и др. ⁷ Тем не менее эти работы содержат ценный фактический материал, по которому можно судить об источниках пополнения французской казны и влиянии буржуазных слоев. Особенно это относится к фундаментальному труду Л.Бержерона о парижской буржуазии и книге Р.Шрамкевича о руководителях «Банк де Франс». ⁸ Много фактов приведено также в биографических исследованиях о парижских богачах — Увраре, Колло и др. ⁹

4. Как это ни парадоксально, в огромной литературе, посвященной Наполеону, почти не нашлось места, чтобы рассказать о его социально-политической доктрине. Французские политологи М.Дюверже, М.Прело, Р.Ремон ¹⁰ были, пожалуй, единственными, кто пытался дать систематизированное изложение его идей, но делали они это бегло, в рамках общих курсов по конституционному праву и без достаточной аргументации. Применительно к изучаемой нами проблеме было бы интересно выяснить комплекс идей, сложившихся у Наполеона в 1797—1799 гг., накануне брюмера, когда он стал не только крупным военачальником, но и видным деятелем возникшего в ходе революции буржуазного государства.

Исследуя очерченный круг вопросов, мы учитывали данные старой и новейшей литературы, а также опирались на источники различного типа: литературное наследие самого Наполеона ¹¹, известные сборники документов по истории Парижа в период термидорианской реакции, Директории и Консульства ¹², политические памфлеты того времени, прессу, мемуары французских политических деятелей, в том числе Люсьена Бонапарта, Бурьенна, министра финансов Э.Годена, банкира Ле Кутё-Кантелё и др. Ценные документы были обнаружены в ЦПА НМЛ при ЦК КПСС и Архиве внешней политики России. Все эти материалы дают возможность проследить колебания в общественном настроении, борьбу различных политических группировок, позиции термидорианской буржуазии.

1. НОВЫЕ ХОЗЯЕВА ФРАНЦИИ

После 9 термидора многое изменилось во французском обществе. К власти пришли новые люди, в большинстве своем из буржуазных слоев. Именно буржуазии принадлежала отныне безраздельно политическая власть.

Враги республики, прежде всего бывшие привилегированные, не оставляли попыток при помощи интервенции и заговоров вернуть на французский престол Бурбонов, а вместе с ними — свои прежние социальные и политические позиции. Термидорианцы без колебаний пресекали эти попытки.

Но в той же, а может и в большей степени термидорианскую буржуазию страшила опасность слева, со стороны бывших соратников М. Робеспьера, а также Г.Бабефа. Уравнительные проекты, требования перераспределения собственности или уничтожения ее были явно не по душе тем, кто ею располагал. В стремлении обезопасить себя от повторения якобинской диктатуры и под впечатлением восстаний парижских санкюлотов в жерминале и прериале III г. термидорианцы приняли новую Конституцию, которую за ее откровенно буржуазный характер называли в стране конституцией нотаблей. От Конституции 1793 г. ее отличали две черты. Во-первых, при сохранении республики и республиканских свобод утверждался высокий имущественный ценз, который обеспечивал власть крупных собственников. Во-вторых, не доверяя исполнительной власти, авторы Конституции учредили слабое по своим правам правительство. Директория в составе пяти человек избиралась Советом старейшин по списку, составленному Советом пятисот, при этом ежегодно один из пяти подлежал смене. Правительство могло общаться с обоими Советами только письменно и не имело власти над казначейством.

Чтобы разобраться в социальных и политических планах термидорианцев, важно рассмотреть вопрос о положении французской буржуазии, как оно сложилось к последним годам Французской революции, о ее происхождении и составе.

Важной частью нового господствующего класса были старые богачи — люди, завоевавшие прочные экономические позиции еще до революции. К их числу можно отнести, например, банкиров Перрего, Рекамье, Ле Кутё-Кантелё, Малле, Юг-Лагарда, Делессера, Мартэн д'Андрэ. Некоторые из них имели дворянские титулы.¹³ Однако наряду со старой буржуазией большим влиянием после 9 термидора пользовались нувориши, составившие себе богатство во время революции.

При отсутствии точных статистических данных ответить исчерпывающе на вопросы, касающиеся происхождения буржуазного класса этой поры, затруднительно; вместе с тем это можно сделать с большей или меньшей степенью определенности в отношении самой состоятельной и политически активной (хотя и действующей чаще всего «из-за кулис») части буржуазии — парижских банкиров и крупных дельцов.

Сразу отметим, что банкиры в то время занимались не только чисто денежными операциями; с одинаковым успехом они создавали мануфактуру, входили в различные торговые компании, и вообще старались не упускать ни одной сделки, которая могла бы принести им прибыль.

Если считать, что в число руководителей «Банк де Франс», созданного Наполеоном в 1800 г., входили наиболее крупные дельцы (а нам представляется, что в принципе это было именно так), то изучение их социального состава в определенной мере проливает свет и на происхождение французской крупной буржуазии в целом. В этом плане чрезвычайно важной является работа по выявлению биографий 43 регентов и цензоров «Банк де Франс» времен Консульства и Империи, проведенная Р.Шрамкевичем.

При анализе материалов, собранных этим автором, нас прежде всего интересовало, в какой момент и как были приобретены состояния (накануне революции, во время ее или после) и каково место отдельных периодов революции (особенно якобинской диктатуры и послетермидорианского периода) в возвышении той или иной группы буржуазии к власти и богатству.

Воспользуемся таблицей, составленной Р.Шрамкевичем. С 1803 г. управляющие банком 15 регентов и 3 цензора избирались 200 крупнейшими его акционерами.

Социальное и семейное происхождение регентов и цензоров «Банк де Франс»

Из дореволюционной крупной буржуазии

Ле Кутё-Кантелё
Юг-Лагард
Малле
Журню
Бюффо
Делессер
Мартен д'Андрэ

Из достаточно богатой дореволюционной буржуазии

Перрего
Демотор
Перье
Перре
Робийар
Рекамье
Карье
Бастерреш
Севен
Дайан
Сабатье
Жам
Жибер
Дибон
Готтингер
Гупи
Моро
Мюге
Бастид
Варанж
Олливье

Из дореволюционных средних слоев

Баррийон
Сонэ
Тибон
Виталь Ру
Флори
Дюко
Давилье
Мартэн-Пуеш
Рикар

Из мелкой дореволюционной буржуазии

Жермен
Кордые
Пьерло
Марме
Лаффит
Депре

Наиболее крупной фигурой из первой группы банкиров был Ж.-Б.Ле Кутё-Кантелё (с 1806 г. — граф де Френель). Он родился в Руане в 1746 г. в очень богатой буржуазной семье. Его предки основали в Париже свой банк еще в 1670 г., и в конце старого порядка дом Ле Кутё стоял во главе целого ряда международных банков.

Семья не ограничивалась только финансовыми операциями; она вела большую торговлю с Востоком и Америкой, имела табачные плантации в Вирджинии, участвовала в испанских займах (1780) и даже в новой Индийской компании.¹⁵

К революции Ле Кутё отнесся в целом положительно, хотя и без большого энтузиазма. Он представлял интересы третьего сословия в Генеральных штатах; есть данные, что в дальнейшем он примыкал к фельянам и в 1791 г. во время Вареннского кризиса написал брошюру в защиту Людовика XVI. В период якобинской диктатуры Ле Кутё находился в заключении, и его настоящий взлет (политический и деловой) начался после 9 термидора, особенно при Директории. В 1796 г. он стал членом Совета старейшин, а в 1799 г.— президентом администрации департамента Сена, одним из руководителей банка «Кэсс де комт курант», и таким образом выдвинулся в первый ряд французской буржуазии.¹⁶

Во многом подобными этой были биографии Г.Малле, Ж. Делессера и др. Выходцем из крупной руанской буржуазии являлся Г.Малле (при Наполеоне — барон Малле де Шалмасси). При Людовике XV семейством Малле был основан банковский дом. Сам Г.Малле был человеком консервативных взглядов и в начале революции даже входил в монархический клуб Валуа. В дальнейшем его карьера напоминала карьеру типичного буржуа. Малле дважды арестовывался якобинцами. После 9 термидора он вновь превратился в крупного банкира и предпринимателя. В 1796 г. ему принадлежало 713 акций Индийской компании, и, может быть, он являлся ее главным акционером.¹⁷

Другая группа регентов и цензоров «Банк де Франс» — всего 21 человек — принадлежала до революции достаточно богатой буржуазии. Они были менее влиятельными, чем Ле Кутё, Юг-Лагард, Бюффо, которые стали сливаться со старой знатью. Тем не менее и среди них имелись «дворяне мантии». Отцы Жибера, Варанжа и Гупи еще до революции приобрели дворянские титулы.¹⁸

Колоритной фигурой в этой среде был П.-Л. Бастерреш. Он происходил из семейства байоннских торговцев, тесно связанного с правителями Наварры. Бастерреш занимался предпринимательской деятельностью в своем родном городе, но его политические интересы в предреволюционный период были связаны с Парижем. Нам неизвестна его роль в годы революции; очевидно лишь, что он не был якобинцем: 17 мая 1793 г. П.-Л.Бастерреш и его брат были арестованы, и только переворот 9 термидора их освободил. После переворота Бастерреш сразу был избран в Конвент от Байонны, а потом стал одним из нотаблей Директории. В 1796 г. в Париже им был основан банковский дом. В провинции он купил крупные земельные участки, где устроил фермы. Состояние Бастерреша только в Париже в начале Консульства оценивалось в 1,2 млн фр. Весьма похожим был жизненный путь Ж.-В.Демотора, А.-И.Карье, Сабатье, Перрего и др. После 9 термидора им удалось значительно увеличить свои состояния.

Третью и четвертую группу банковских дельцов составляли выходцы из средних и мелких буржуа. Они располагали некоторым имуществом и до революции, правда, не очень значительным; революция предоставила им возможность выбиться в высшие слои.

Типична в этом отношении карьера Ж.-Ш.-И.Давилье. В Париж он приехал в возрасте 20 лет, в 1778 г. Но только в 1788 г., за год до революции, он вместе с братом основал торговое общество. Одновременно братья активно участвовали в делах Индийской компании, а в 1797 и 1798 гг. в Париже возникли сразу два банка — банк будущего регента и банк его брата, которые существовали вплоть до Июльской монархии. В 1799 г. Давилье стал администратором «Кэсс де комт курант». В годы наполеоновской империи Давилье получил титул барона, при Июльской монархии — пэра Франции. В 1836 г. в 78 лет он вошел в правительство как представитель «Банк де Франс». В приветственных адресах того времени его торжественно именовали «истинным патриархом коммерции и индустрии». К концу своей жизни (он умер в 1846 г.) Давилье составил самое большое, после Б.Делессера, состояние из числа всей изученной группы дельцов, подарив каждому из семи детей по 1 млн фр. Он также дольше, чем Делессер, — 45 лет при шести режимах! — состоял в регентском совете «Банк де Франс».¹⁹

В целом материалы, собранные Р.Шрамкевичем, убеждают в том, что большинство крупных финансистов эпохи Директории и Наполеона еще до революции принадлежали к крупной и именитой буржуазии. Это верно, по крайней мере, по отношению к 28 из 43 регентов и цензоров «Банк де Франс»; 15 регентов были парвеню, но тоже люди весьма обеспеченные при старом режиме. Причем первые, как правило, активного участия в революции не принимали из-за своей сильной связи со старой экономической и социальной системой. Гораздо радикальнее и активнее были финансисты, происходившие из среды мелкой буржуазии. Некоторые из них стали офицерами национальной гвардии, сражались на фронтах республики, участвовали в политической деятельности.

Период якобинской диктатуры для многих предпринимателей оказался крайне неблагоприятным. Интересно проследить, как складывались дела руководителей «Банк де Франс» в 1793—1794 гг. По нашим подсчетам, 17 из 43 регентов банка (Ж.-Ж.Баррийон, П.-Л.Бастерреш, А.-Л.Карье, Л.-Ф.Кордые, Дж.-В.Демотор, М. Депре, Юг-Лагард, Б.Журню, Ж.-Б. Ле Кутё-Кантелё, Г.Малле, Мартэн д'Андрэ, К.Перье, П.Перре, Ж.-Ф.Перрего, Ж.-Р. Ре-камье, Виталь Ру, Г.Сабатье) прямо или косвенно (через родственников и членов семей) подвергались гонениям со стороны якобинской власти либо непосредственно оказывали ей сопротивление. [Данные взяты из исследований Р.Шрамкевича.]

Факт, на наш взгляд, показательный. При этом нужно учесть, что некоторые банкиры проживали не в Париже, где происходили главные события, и даже не во Франции, а в Испании, Англии, Швейцарии. Некоторые просто затаились и скрывали свое состояние. Основная часть регентов, репрессированных или проявивших себя в качестве противников якобинского режима, принадлежала к крупной буржуазии (Ле Кутё, Перрего, Малле, Юг-Лагард, Мартэн д'Андрэ, Демотор, Перье, Бастерреш, Сабатье и др.).

Подлинный расцвет предпринимательской деятельности начался сразу после падения якобинцев. Термидорианский период, а еще более Директория способствовали приумножению богатства.

В годы Директории интересы буржуазии старого порядка почти совместились с интересами нуворишей. Старая буржуазия сохранила большую часть своего имущества, и Директория дала возможность пустить этот капитал в выгодный оборот. «Когда буря прошла, — писал А.Собуль, — она (старая буржуазия. — *Д.Т.-Б.*) вновь стала получать доходы. Но после десяти лет потрясений она жаждала покоя».²⁰ В это время возникли некоторые новые фирмы: «Ришар-Ленуар» в Париже, «Бован» в Паси, «Лашоветьер» в Бордо, «Жаннет» в Аменье. «Появились крупные промышленники — Перье, так называемый Милорд, в Дофине, Буайе-Фонфред в Тулузе»²¹.

Для увеличения своих состояний французские дельцы использовали все возможные способы. Для одних путь к богатству шел через спекуляции ассигнатами и их обмен, скупку и перепродажу национальных имуществ, для других — через военные поставки и эксплуатацию завоеванных стран. Особенно большие перспективы в этом плане открывал режим Директории. Возникли целые компании, которые специализировались на военных поставках: «Ланшер» и «Бодэн» поставляли по спекулятивным ценам продовольствие, «Фелис» — обмундирование; компания «Моннерон» занималась перевозками.²²

Показательна деятельность Г.Уврара. В первой четверти XIX в. это был один из самых богатых людей Европы. Современники оценивали его состояние в 25—29 млн фр.²³ Отец Уврара был бумажным фабрикантом. Сын, получив наследство, значительно увеличил его в годы революции путем спекуляций. После 9 термидора он, по выражению Е.В.Тарле, делал «огромные дела».²⁴ В своих мемуарах Г.Уврар откровенно рассказывал о некоторых комбинациях. В Бордо, например, он скупил партию колониальных товаров, и эта операция через три месяца дала ему прибыль более полмиллиона франков золотом.²⁵ Через Тальена и особенно Барраса Уврар в годы Директории прибрал к рукам огромные военные поставки, в основном для флота.

Другой пример: банкир Сеген. Располагая некоторым имуществом при старом порядке, он обогатился в период революции на том, что придумал новый способ дублирования кожи, который должен был дать французским солдатам, по ироническому выражению Е.В.Тарле, «несокрушимые сапоги». Конвент в январе 1795 г. приказал реквизировать кожевенное сырье и предоставить его Сегену, причем дал ему для размещения производства два поместья. Из дублирования кожи по новому способу ничего не вышло, сапоги разваливались, но Сеген продолжал богатеть. «Он швырял деньгами, оригинальничал, безобразничал, катался по Парижу в роскошном экипаже, но одетый в халат; задавал в своем поместье в Жуй ночные празднества с фейерверками и распоряжался, чтобы искры от фейерверка летели в лицо гостям; те в панике разбегались и при этом падали в ямы, прикрытые сверху листьями. Его дом был полон редчайших картин, убран с неслыханной роскошью; в конюшнях стояло сорок лошадей; он собирал скрипки Страдивари и, по-видимому, просто не знал, куда и на что выбрасывать деньги. Все это проделывалось на глазах люто голодавшей толпы».²⁶

Д. М. Туган-Барановский

НА ПУТИ К БРЮМЕРУ

Еще один типичный пример, связанный уже с Б.Констаном, виднейшим представителем французского либерализма. Этот вроде бы не коммерческий человек широко занимался спекуляциями и имел успех. «Если бы я мог надеяться вас убедить,— писал он своей тете в 1795 г.— то посоветовал бы вам приехать во Францию с 15 тыс. фр., на которые здесь вы купили бы великолепное поместье... Это владение даст вам 4800 фр. ренты. Когда ассигнаты падут, эти 4800 останутся в наличии».²⁷ Его кузен Ш.Констан сообщал в одном из писем: «Повсюду говорят о деньгах... Всех захватил ажиотаж... Создаются огромные состояния... молодые люди, заменившие маркизов, говорят теперь только о девушках, лошадях и миллионах».²⁸

Некий Поле, до революции гарсон постоянного двора в Дуэ, различными спекуляциями приобрел немалое богатство, затем в ноябре 1796 г. купил 20 тыс. га земель при распродаже национальных имуществ в 1800 г. эти земли принесли ему только арендной платы 226 939 фр.²⁹

Не последнее место в галерее новых богачей занимал широко известный в будущем банкир Ж.Лаффит. Его взлет начался в 1795 г., а в 1801 г. он уже располагал состоянием в 3 млн фр.³⁰

В высшие слои французского буржуазного общества вошли также и отдельные представители дворянства, в том числе из аристократии. Вопреки широко распространенному мнению, далеко не все дворяне эмигрировали. По подсчетам Ж.Годшо, из 130 тыс. эмигрантов только 17 тыс. принадлежало к дворянству. Это значит, что примерно каждый двадцатый дворянин был эмигрантом, и следовательно, большинство дворян остались во Франции³¹. С течением времени они превратились, по существу, в буржуазных собственников.

Хотя их отношение к революции в основном оставалось враждебным, но даже некоторые аристократы приняли ее, видя в ней для себя хорошие перспективы. Таким являлся, например, М.Талейран, бежавший из Франции накануне прихода якобинцев к власти и вернувшийся в годы Директории. Еще более яркой фигурой был виконт де Баррас, фактический глава Директории. В 1796 г. он жил в роскоши, окружив себя настоящим «двором», приобретал дома и даже замки. Откуда брались деньги? По-видимому, прав Ж.Годшо: личных средств самого Барраса на все эти сделки не хватило бы; деньги шли от компаний, занимавшихся военными поставками и дававших ему огромные взятки.³²

Приведенные материалы, при всей их фрагментарности, позволяют заключить, что новый правящий класс Франции включал в себя и старую, сформировавшуюся еще до революции буржуазию (особенно наиболее динамичные ее элементы), и новую, выдвинувшуюся непосредственно в годы революции; в его ряды удачно интегрировались отдельные бывшие аристократы. В целом его устремления шли в русле буржуазного развития Франции. Они были направлены на создание такого порядка, который обеспечил бы беспрепятственное пользование богатствами на основе уже осуществленного перераспределения собственности.

Подобные настроения были свойственны также французскому крестьянству, особенно той его части, которая приобрела земельные участки и обогатилась в годы революции. В период термидорианской реакции и Директории не предпринималось сколько-нибудь серьезного наступления на крестьянские права. Все антифеодальное якобинское законодательство сохраняло свою силу. Отдельные попытки его ликвидации успеха не имели. Известны три такие попытки: 12 марта и 1 августа 1797 г. и 29 мая 1798 г. Всякий раз большинство Совета пятисот отвергало их, опасаясь усиления влияния роялистов³³.

В целом режим Директории создавал благоприятные возможности для развития буржуазных отношений. «При Директории, — писали К.Маркс и Ф.Энгельс, — стремительно вырывается наружу и бьет ключом настоящая жизнь буржуазного общества. Буря и натиск по части создания торговых и промышленных предприятий; страсть к обогащению; сутолока новой, буржуазной жизни, где на первых порах наслаждение этой жизнью принимает дерзкий, легкомысленный, фривольный и опьяняющий характер; ...первые движения освободившейся промышленности — таковы некоторые из проявлений жизни только что народившегося буржуазного общества. Буржуазное общество находит своего действительного представителя в буржуазии. Буржуазия *начинает*, таким образом, свое господство».³⁴

Эта характеристика дает очень четкое представление о новом периоде в развитии революции. Однако и режим Директории, несмотря на его буржуазный характер и возможности, которые он предоставлял собственникам, далеко не всегда устраивал господствующие слои, и чем дальше, тем больше. Конституция III г., оставив неприкосновенными буржуазные свободы и республиканские учреждения, давала силам, враждебным термидорианскому режиму, широкое поле для маневрирования и воздействия на правительственные органы. К тому же исполнительная власть — Директория — была слаба и находилась в сильной зависимости от Совета пятисот и Совета старейшин. При политических колебаниях внутри страны или сложной международной обстановке в этих органах брали верх то деятели, сочувствовавшие роялизму, то якобинцы и другие левые элементы.

Поэтому Конституция III г. оказалась в конечном счете для буржуазии неприемлемой. Она не гарантировала стабильного режима и не могла его создать. За время Директории по крайней мере трижды складывалась такая ситуация, когда термидорианцы для сохранения не только своей власти, но и социального порядка вынуждены были действовать вразрез с собственной Конституцией. Наполеон совершенно не преувеличивал, когда 19 брюмера VIII г. в ответ на выкрики депутатов, что он нарушает Конституцию, заявил: «Конституция... Вы сами ее уничтожили; вы нарушили ее 18 фрюктидора, 22 флореаля, 30 прериала...»³⁵

Складывалась парадоксальная ситуация: если социальные основы режима устраивали имущие слои, то система политической власти и ее функционирования была организована так, что защищала этот социальный порядок с трудом, лишь при условии нарушения Конституции.

Интересное психологическое наблюдение сделал историк Э.Кине в отношении так называемых новых собственников. Когда имение переходит из рода в род, говорит Э.Кине, это означает стабильность, чувство уверенности в своем праве обладать данной собственностью. Но когда собственность только приобретена, да еще в такое беспокойное время, когда все сразу может измениться, тут уверенности нет; «люди не в силах сразу создать чувство спокойной уверенности, которое порождает вековая традиция»³⁶.

Новые владельцы имений, принадлежавших раньше сеньорам, церкви, и крестьяне, получившие в собственность участки земли, задавали себе вопрос: может ли защитить их нынешнее правительство, насколько прочен существующий порядок? И вряд ли отвечали на этот вопрос утвердительно.

Подобные сомнения усиливались в обстановке постоянных экономических неурядиц. Особенно тревожным было положение с финансами страны. Хотя к 1797 г. с инфляцией удалось справиться, но возникала новая беда — дефляция. Военные расходы постоянно возрастали. В VI г. (сентябрь 1797 — сентябрь 1798 г.) казна получила только 385 млн фр.— на 61 млн меньше, чем в предыдущем году. Из этой суммы 300 млн фр. пошли на военные нужды. Бюджет VII г. (сентябрь 1798 — сентябрь 1799 г.) поставил перед правительством наибольшие затруднения. Банкиры и предприниматели очень неохотно соглашались оказывать казне финансовую помощь. Вместо ожидаемых 725 млн фр. государство собрало в первые восемь месяцев 160 млн, а по окончании года бюджетный дефицит составлял 250 млн фр.³⁷ Министр финансов Р.Ленде признавался позднее, что из-за недостатка средств он часто попадал в унижительные ситуации.³⁸

Финансовое положение Директории в 1798—1799 гг. точно обрисовал исследователь этой проблемы Р. Стурм: «Не было денег не только для оплаты текущих нужд, но еще и существовал огромный долг солдатам, жалованья не были выплачены, поставки не определены... и неотложные долги должны были поглотить первые же наличные деньги, если бы они поступили».³⁹

Правительство было неспособно наладить сколько-нибудь нормальную жизнь в стране. Повсюду царили хаос и анархия. По дорогам было опасно ездить, так как многочисленные банды грабили людей.⁴⁰ Целый ряд западных департаментов был охвачен роялистским мятежом.

Важным политическим фактором того времени, сильно обеспокоившим французскую буржуазию и повлиявшим на ее отход от режима Директории, было якобинское движение 1798—1799 гг. Остановимся на нем подробнее.

2. ЯКОБИНСКИЙ НАТИСК 1798—1799 гг.

В литературе до сих пор бытует неверное представление, что якобинцы как политическая сила и движение окончательно сошли с политической сцены после переворота 9 термидора и жерминальско-прериальских дней. «Заговор Бабефа» рассматривается подчас как выступление очень небольшого по численности авангарда парижского плебса. Эту точку зрения убедительно опровергают исследования Ж.Сюратто, Ж.Дотри, А.Собуля (Франция), И.Волоха (США), В.М.Далина (СССР).⁴¹ «Якобинское наследство» (по терминологии И. Волоха) было довольно значительным и играло в политической борьбе периода Директории большую роль. Более того, оно представляло собой фактор такой силы, что без учета его нельзя понять истоки переворота 18 брюмера и дальнейшее развитие Франции.

Иначе вряд ли могло и быть. Вспомним, что во II г. якобинских клубов насчитывалось около 2500,⁴² а «наблюдательных комитетов» — примерно 18 тыс. Движение сохранилось и после 9 термидора. В парижское общество «Пантеон» в 1795 г. входило около 2 тыс. человек, а в жерминальско-прериальских днях участвовали десятки тысяч санкюлотов из предместий Марсо и Антуан. Е.В.Тарле даже склонен был предполагать наличие в те дни в Париже хорошо законспирированного якобинского центра, который руководил движением, но остался неизвестным ни правительству, ни историкам.⁴³ По сведениям Ф.Буонарроти, «равные» в 1796 г. надеялись, что в восстании им придут на помощь по крайней мере 17 тыс. человек, «не считая многочисленного класса рабочих».⁴⁴ Некоторые историки относились к этим сведениям скептически. Но в ЦПА ИМЛ имеются документы, подтверждавшие заявление Ф.Буонарроти. Повстанческий комитет Г.Бабефа через своих окружных «агентов» занимался тщательным сбором сведений как о сочувствующих, т. е. о возможных участниках восстания, так и о его противниках. Сохранились соответствующие доклады

«агентов» бабувистской Директории.⁴⁵ Причем иногда она торопила своих «агентов», запрашивая новые данные.⁴⁶ После ареста Г.Бабефа полиция изъяла у него список, в котором значилось 1500 человек с подробной характеристикой каждого, список назывался: «Люди, способные командовать». Планировалось позднее, после победы восстания, выдвинуть их на руководящие посты и в Национальный Конвент.⁴⁷

Известно также, что хотя Вандомский процесс 1797 г. над участниками «заговора равных» был сильным ударом по бабувизму, тем не менее многие руководители «равных» сохранили свободу. Лишь сам Бабеф и его товарищ Дартэ были приговорены к смертной казни; еще пять человек, в их числе и Ф.Буонарроти,— к пожизненному заключению; остальные 58 обвиняемых оправданы. Среди них были такие известные деятели, как П.Антонелль, Ф.Лепелетье, С.Марешаль, Дебон (все четверо входили в повстанческую Директорию Г.Бабефа), 11 окружных и военных «агентов» из 17 (Бодеман, Фике, Массей, Ваннек, Бодсон, Пари и др.). «агент связи» Ж.-Б.Дидье, члены монтаньарского комитета Рикор А. Россиньоль и др.⁴⁸

После разгрома «заговора» они в большинстве своем (но не все) отказались от подпольной деятельности и стали искать успеха (особенно после фрюктидора 1797 г., когда Директория качнулась влево) на путях легальной парламентской борьбы. На выборах 1798 г. был закреплён уже сложившийся в 1796 г. блок между демократами и бабувистами — то, что Ж.Лефевр, оперируя понятиями XX в., называл «народным фронтом».⁴⁹ Современники видели реальную силу этого движения. Победили на выборах демократические силы, а в некоторых округах департамента Сена почти все выборщики оказались из числа «излюбленных детей Бабефа». Тогда появилась брошюра явно термидорианского толка с характерным названием — «Попытка осуществления системы Г.Бабефа посредством выборов».⁵⁰ Успех левых так напугал правительство, что оно по закону от 22 флореаля VI г. (11 мая 1798 г.) не утвердило 106 из вновь избранных депутатов. Тем не менее демократическая фракция в Совете пятисот сохранилась. По мнению Ж.Лефевра, около 60 левых депутатов «проскочили сквозь сеть». Ж.Сюратто, располагавший более точными данными, считал, что эта цифра должна быть увеличена «примерно до 80 и даже до 100 членов».⁵¹

В ходе следующих выборов (1799) демократическая оппозиция не только не уменьшилась, но даже увеличилась примерно до 200 человек. Директория не решилась на проведение чистки и вынуждена была считаться с якобинским влиянием в обоих Советах. Лидерами демократической парламентской фракции стали весьма известные в стране люди: победитель при Флерюсе генерал П.Журдан, непосредственный исполнитель фрюктидорианского переворота генерал П.Ожеро (по словам Наполеона, в 1796 г. примыкавший к «партии Бабефа»⁵²), активный участник революции П.-Ж.Врио⁵³, Дестрем и Бертран из Кальвадоса (бывшие члены Конвента, голосовавшие за казнь короля), генерал Арена, Тало и др.

Обстановка в Париже еще более накалилась, когда 6 июля 1799 г. в Париже впервые после роспуска «Пантеона» возродился легальный Якобинский клуб — Общество друзей свободы и равенства. Чтобы не нарушить отдельные статьи Конституции III г., клуб вместо «президента» избрал «распорядителей», а вместо «секретарей» — «отметчиков». Он располагал двумя газетами: «Journal des hommes libres», которую противники называли «газетой тигров», и «Le Democrate ou le Defenseur des principes».

Число людей, посещавших заседания клуба, постоянно менялось. В лучшие дни оно составляло около 3 тыс. человек. По сведениям А.Олара, в заседаниях принимало участие до 250 членов Совета старейшин и Совета пятисот. Проанализировав парижскую прессу, Олар установил имена 87 самых активных членов Общества (или, по крайней мере, самых известных). Из этого

списка видно, что руководство клубом находилось в руках очень левых элементов — якобинцев или даже бабувистов. Среди них «герой Варенна» и бабувист Друэ, избранный «распорядителем» уже на первом заседании; Ф.Лепелетье, бывший член бабувистского комитета; Ж.-Б.Дидье, Маршан, Клеман, Буэн — «агенты» Бабефа в 1796 г.; Габриэль, парижский корреспондент Ф.Буонарроти⁵⁴; Баш — оратор бабувистского толка; Р.Базен, руководивший в 1798 г. в департаменте Сарта странствующим конституционным клубом и открыто называвший Г.Бабефа «мучеником свободы»⁵⁵; Бодсон, Рикор, Кретьен — участники бабувистского «заговора»; Приер из Марны — убежденный якобинец; полковник Бушотт — военный министр в 1793 г.⁵⁶ Таким образом, в клубе собрались в основном активные деятели революции, о которых даже официозный «Moniteur» писал, что их имена «очень дороги свободе».⁵⁷ «Распорядители» Общества с гордостью подчеркивали свою связь со старым Якобинским клубом и открыто посылали с трибуны проклятия по адресу термидорианцев.⁵⁸

Характерно, что в клубе текущие вопросы правительственной политики скоро стали рассматриваться в конкретном практическом плане. Общество пыталось присвоить себе привилегию старого Якобинского клуба указывать на недостойных функционеров и производить чистку государственных учреждений. Ораторы беспощадно громили продажный аппарат Директории и требовали эшафотов для Талейрана, Шерера, Ребеля, Фэпу, Лагарда и других, чья республиканская репутация казалась им сомнительной.⁵⁹

Правительственная пресса отмечала, что тон выступлений членов Общества день ото дня становился все более резким и угрожающим. 16 июля в клубе раздались выкрики, что для спасения республики требуется 5 тыс. голов. Это была уже знакомая парижанам терминология Марата. А 21 июля при обсуждении вопроса об убийствах республиканцев в провинциях Маршан после речи Буэна, призвавшего «не к мести, но суду», провозгласил: «О Ромм, Гужон, Субрани, Бабеф, вы будете отомщены — да, отомщены и скоро, но только путем суда, а не убийства».⁶⁰ Заявление Маршана не было пустой фразой. Общество поддерживало связи с Ф.Буонарроти, и кое-что было сделано для облегчения его участи.⁶¹

Клуб пытался оказывать влияние на правительственную политику остававшимися в его распоряжении легальными средствами — чаще всего через депутатов, входивших в Общество, а также путем составления всевозможных петиций и обращений. 18 и 25 июля Баш выступил в клубе с планом конкретных социально-экономических преобразований, его речь была опубликована. Он предложил «установить немедленно же прогрессивный налог с тем, чтобы обращать дополнительные суммы, которые будут уплачиваться таким путем богатыми, на понижение налогов, вносимых промышленным и трудящимся классом». Баш считал необходимым уменьшить жалованье чиновникам, организовать благотворительные мастерские и потребовать от всякого, чей годовой доход выше 1200 ливров, отчета о пользовании своими деньгами. Он хотел, чтобы неимущие граждане, идущие защищать родину, были объявлены совладельцами имуществ богатых собственников.⁶²

План Баша во многом был близок к программе, принятой клубом по предложению Ф.Лепелетье. В нее, например, были включены следующие пункты: «Восстановить в правительстве демократический дух. Восстановить равное и всеобщее образование. Наделить собственностью защитников отечества. Открыть общественные мастерские для уничтожения нищенства».⁶³ Эта программа, весьма красноречивая по своим целям, также была опубликована. Она вполне отвечала настроениям многих якобинцев, стоявших даже вне клуба.

Конечно, далеко не все, кто посещал клуб, разделяли робеспьеровско-бабувистские симпатии его «распорядителей». Понятие «якобинец», уже в 1793 г. подразумевавшее множество оттенков, стало еще шире в 1799 г. Среди членов клуба наряду с робеспьеристами и бывшими бабувистами встречались умеренные типа М.-А.Жюльена, который ранее был поклонником М. Робеспьера,

а затем ушел сильно вправо, и противники террора. В Общество входили даже деятели, благосклонно относившиеся к Э.-Ж.Сийесу и П.Баррасу; правда, таких было немного — клуб обычно исключал их из своих рядов. Но при всех различиях для якобинцев 1799 г., или, как их именовали полицейские, «исключительных», были характерны стремление к полному или частичному восстановлению Конституции 1793 г. в ее наиболее демократических аспектах⁶⁴ и попытки заставить Директорию вернуться к социально-экономической политике Комитета общественного спасения — установить максимум на продукты питания, обложить богатых чрезвычайными налогами и наделить собственностью неимущие и малоимущие слои.

Политическая деятельность якобинцев скоро стала вызывать в правительстве сильную тревогу. Влияние клуба постоянно ширилось, его заседания привлекали многих санкюлотов. Своего рода филиалы Общества возникли в Гренобле, Меце, Безансоне, Лионе, Версале и некоторых других городах. В Тулузе и Тулоне городская администрация почти сплошь составила из якобинцев и там тоже появились клубы.⁶⁵ Между клубами поддерживались взаимосвязи, хотя Конституция это запрещала.

Возникновение Общества неизбежно вело к столкновению с термидорианцами, нагнетало обстановку. Уже первые его заседания в зале Манежа озаглаивались «грандиозной дракой» между буржуазной публикой и санкюлотами.⁶⁶ В Марселе члены народного «общества», как говорилось в полицейской справке, «с триумфом воздвигли бюст Марата» и сбросили в грязь портрет главы Директории Барраса.⁶⁷

Совет старейшин, чтобы как-то умерить пыл якобинцев, запретил им собираться в зале Манежа. Тогда клуб переехал на другой берег Сены, на улицу дю Бак, где продолжал свои заседания в церкви Св. Фомы Аквинского.

В целом якобинцам весной, летом и осенью 1799 г. удалось одержать значительные победы и заставить правительство принять некоторые их требования. Под давлением левых 18 июня были изгнаны из Директории активные термидорианцы А.Мерлен и К.Ларевельер (современники называли этот акт «переворотом 22 флореаля наоборот»). В июне и июле Совет пятисот принял важные решения о всеобщем рекрутском наборе в связи с начавшимися военными действиями, о принудительном займе на 100 млн фр. и о заложниках. Особенно испугали французскую буржуазию два последних закона.

Закон о принудительном займе, хотя и не полностью осуществленный, явно напоминал некоторые декреты 1793 г. Он облагал все крупные состояния прогрессивными налогами. Якобинцы рассматривали его как единственную возможность стабилизировать финансовое положение. Однако для проведения его в жизнь Директория, в отличие от Комитета общественного спасения, не имела достаточных сил. Предприниматели и финансисты самым наглым образом саботировали действия правительства. Крупная буржуазия в качестве контрмеры использовала простой способ, заключающийся в раздроблении имущества и капитала между родственниками. В этом случае налог уменьшался во много раз. Имели место и факты открытого сопротивления. Поставщик Колло, например, посчитал, что с него потребовали непомерно большую сумму денег, я предложил только 50 тыс. фр. Директория отказалась их принять. Тогда Колло заявил без обиняков: «Не хотите? Ну так ничего не получите. Честь имею кланяться!»⁶⁸ К 26 сентября, т.е. более чем за полтора месяца (закон был подписан 6 августа 1799 г.), удалось собрать всего 428 тыс. фр. из планировавшихся 100 млн, а Париж — центр всей коммерческой деятельности — дал всего 112 тыс. фр.⁶⁹ «Очевидно, — писал современник тех событий, — что французы, как аристократы, так и ротюрье, неплохо защищали свои имущества».⁷⁰

В Париже были расклеены правительственные плакаты, где сообщалось, что против «упорствующих» будут приняты меры, но ничего реального сделать не удалось. Предложение представить принудительный заем в качестве «чрезвычайного военного налога» (с ужесточением условий сбора) запоздало. Оно было сделано в Совете пятисот 16 брюмера (5 ноября), два дня шли споры,

наступило 18 брюмера...

Попытки осуществить закон о займе сильно подорвали доверие буржуазии к правительству. Банкиры под любыми предлогами отказывались от сотрудничества с Директорией. «Moniteur» сообщал: «Директория 26 июля созвала совещание, в котором участвовали многие банкиры. Но они ничего не решили...»⁷¹ А в обзоре центрального бюро полиции от 10 сентября 1799 г. говорилось: «Банкиры почти полностью оставляют дела».⁷²

Такое отношение крупной буржуазии к правительству сказалось на всей предпринимательской и торговой деятельности. Происходило сильное обесценение денег. Газета «Публицист» в июле писала, что 24-франковые купюры продавались «в последние дни» по 16—18 су⁷³; в газете «L'Araî des lois» от 5 фрюктидора (22 августа) говорилось: «Принудительный заем на 100 млн франков убивает дела в Париже. Такую сумму денег невозможно собрать. Каждый стремится реализовать свои имущества и спрятать золото во избежание последствий; наши возможности... уничтожаются нашей глупостью и невежеством».⁷⁴

Не меньший резонанс вызвал и закон о заложниках, принятый Советом пятисот 22 мессидора (10 июля) 1799 г. и одобренный старейшинами спустя два дня. Якобинец К.Брише, выступая в Совете пятисот, возложил всю вину «за убийство и грабежи» на бывших аристократов, родителей эмигрантов и шуанов. Он предложил проект закона из 19 статей, очень напоминавший резкостью своих формулировок известный якобинский закон о «подозрительных». В случае убийства государственного чиновника или военного, считал Брише, правительство должно выслать четырех заложников; за каждое убийство заложники должны будут нести солидарную ответственность: уплатить штраф 5 тыс. франков и возместить ущерб 6 тыс. фр. в пользу вдовы и 3 тыс. фр. в пользу каждого ребенка.⁷⁵ Закон был принят. А.Собуль отмечал, что он «вызывал сопротивление всех тех, у кого были причины жаловаться на революцию», и это проявилось уже на заседании Совета. Против Брише выступил правый депутат Райе. Но якобинцы не дали ему договорить. Под возгласы «Вотировать!», раздававшиеся со всех сторон, Райе покинул трибуну.

Таким образом, якобинское движение в последние два года Директории было довольно значительным и пользовалось большим влиянием в стране. Хотя это влияние носило временный характер и во многом определялось международной обстановкой и начавшейся войной со Второй коалицией, недооценивать его было бы неправильно. В этой связи важно выяснить вопрос, как в сравнении с отношением к якобинскому подъему воспринималась в стране правая опасность — роялистская.

3. «КТО ХОЧЕТ ПЯТЬ БУКЕТОВ за ОДИН ЛУИ?»

[Так кричали на парижских бульварах в 1799 г. продавщицы цветов. Эта фраза подразумевала замену пятерых членов Директории одним королем (см.: *Вандаль А. Возвышение Бонапарта*. Спб., 1905. Ч.1. С.233).]

После подавления монархического заговора в сентябре 1797 г., когда 177 депутатов Законодательного корпуса был и лишены своих полномочий, а 53 арестованы высланы за пределы страны, роялистское влияние заметно упало. Но оно вновь усилилось во второй половине 1798 г. и особенно в 1799 г., во время войны со Второй коалицией. Роялистская опасность воспринималась современниками двояко: как контрреволюционное движение в самой Франции, заключавшееся в деятельности роялистских групп по организации мятежей и всякого рода подрывных акций, и как внешняя угроза со стороны Второй коалиции. Между роялистами, действовавшими внутри страны, и руководителями антифранцузской коалиции, в частности английским и австрийским двором, существовали тесные контакты. Планировались и организовывались совместные акции и даже предпринимались попытки составить скоординированный план действий. Это

объяснялось общими интересами, которые заключались в уничтожении республики и ликвидации, насколько это было возможно в 1799 г., революционных завоеваний.

Роялистское движение в самой Франции было далеко не единым. Оно состояло из двух главных направлений: сторонников абсолютной монархии по типу той, которая существовала до 1789 г., и приверженцев монархии конституционной — наподобие режима 1791 г. Если «чистые роялисты» рассчитывали действовать, опираясь на иностранное вмешательство и вызывая мятежи внутри страны, то сторонники конституционной монархии выступали за более умеренные средства борьбы.⁷⁶

В роялистском лагере высказывались самые разные мнения относительно претендента на французский престол. Наиболее авторитетной фигурой считался граф Прованский, личность довольно жалкая. После смерти малолетнего дофина он стал наследником трона. Однако на пути к цели, которая была достигнута только в 1814 г., будущему Людовику XVIII пришлось изрядно «поездить» по Европе. В 1797 г. он нашел пристанище у герцога Брауншвейгского, а потом у русского императора Павла I, фактически живя на иностранные субсидии.⁷⁷

На престол претендовали также младший брат Людовика XVI граф д'Артуа, принц Конде и другие члены дома Бурбонов. Заметной фигурой был также герцог Орлеанский. Хорошо информированный английский агент в Париже 15 декабря 1796 г. сообщил: «Снова много говорят о юном герцоге Орлеанском...» Несколько месяцев позже он же отмечал: «Фракция герцога Орлеанского гораздо более влиятельна, чем предполагают...»⁷⁸ Были проекты приглашения на трон кого-нибудь из немецких принцев; «называли Людвига-Фердинанда Прусского и даже, шепотом, герцога Брауншвейгского».⁷⁹

Большинство роялистского движения составляли не твердолобые реакционеры, мечтавшие о восстановлении старого режима со всеми его социальными и политическими атрибутами, а роялисты, так сказать, новой формации, примирившиеся с отменой многих феодальных прав и мечтавшие о конституционной монархии во главе с кем-либо из дома Бурбонов (последнее было желательно, но не обязательно). В 1800 г. во время переговоров роялистских вождей с первым консулом речь шла даже не о перераспределении собственности, не о ее возвращении прежним владельцам, а лишь о восстановлении Бурбонов на французском престоле.⁸⁰

Наиболее влиятельным роялистским центром во Франции являлось так называемое «агентство Швабии», куда входили генерал Преси, руководивший контрреволюционными восстаниями в Лионе в 1793 г., бывшие депутаты Дандре и Имбер-Коломе и другие крупные деятели. «Агентство Швабии» было связано с русским правительством. В Париже существовал «тайный роялистский совет», который, как считал Ж.Годшо, не занимался открыто подготовкой контрреволюционных акций, а только поддерживал связи с Людовиком XVIII и его окружением. Он насчитывал 18 человек, в него входили Руайе-Коллар и Монтескью⁸¹. Это была особо засекреченная группа, о наличии которой не подозревал даже граф д'Артуа. Задачей «тайного роялистского совета» являлось обеспечение достоверной информации будущего короля Франции.

Граф д'Артуа имел свой комитет, состоявший из Гид де Невилля, А.Полиньяка и К.Бурмона, людей, проявивших себя на этом поприще особенно в период Консульства. Влияние графа д'Артуа и его агентов заметно чувствовалось на Западе Франции, а графа Прованского — на Юге и Востоке.

«Агентство Швабии» руководило так называемыми «филантропическими институтами». После фрюктидорианского переворота была проведена их реорганизация. «Филантропические институты» служили своего рода роялистскими опорными пунктами в департаментах и крупных городах страны. Ими непосредственно руководили аббат Лакомб и Дюпон-Констан. В 1798 г. для «институтов» были установлены новые правила, предписывавшие им избегать всякого преждевременного и случайного выступления. Они обязаны были

поддерживать связи с конституционными властями, чтобы «противиться злу». Им запрещалось выступать против какой-либо «партии», чтобы их не преследовали и не уничтожили «до великого дня». «Институты» должны были сберечь себя для решающего восстания⁸², намеченного на 1799 г., когда предполагалось выступление армии Второй коалиции.

Особую роль в роялистском движении играли шуаны.⁸³ Хотя в 1798 г. восстаний не было, шуанство продолжало существовать «в форме разбоя». Роялистские вожди рекомендовали шуанам нападать на кареты и дилижансы и всячески мешать восстановлению порядка и безопасности. Несмотря на все предпринимавшиеся правительством меры (организация летучих отрядов и проч.), не было дня, чтобы не произошло нападения на кареты, сопровождаемого грабежом и убийством.

Сферой влияния шуанов были 9 западных департаментов: Нижняя Луара, Мэн-и-Луара, Сарт, Майенна, Иль-и-Вилен, Орн, Манш, Морбиган, Кот-дю-Нор.⁸⁴ Если власть в городах и пригородах всецело принадлежала республиканцам (там были расквартированы войска), то вне этих оплотов республики господствовали шуаны. По-видимому, Бальзак не погрешил против исторической правды в своей характеристике этого движения, данной в известном произведении «Шуаны, или Бретань в 1799 г.»: «В живописных долинах, за цветущими изгородами, прятались невидимые враги, готовые к нападению. Каждая нива была тут крепостью, каждое дерево прикрывало западню, каждый дуплистый ствол старой вербы таил какую-нибудь военную хитрость. Поле сражения было повсюду. Шуаны подстерегали синих на поворотах дороги, девушки улыбками завлекали их под огонь ружей, не видя в том предательства. Они ходили с отцами и братьями на богомолье просить деревянную, источенную червями богородицу наставить их в новых хитростях и отпустить им грехи. Религия или, вернее, фетишизм этих невежественных созданий избавлял убийцу от угрызений совести... Эти дикари служили богу и королю такими же способами, какими ведут войну могикане».⁸⁵

В деревнях шуаны были разделены на дивизии и роты. Во главе дивизий находились Бурмон, Соль де Гризоль, Сен-Режан и Кадудаль. Последний особенно выделялся. Под его началом было восемь дивизий. А. Вандаль нарисовал его живописный портрет: «Этот толстый приземистый бретонец — удивительный человек; он везде и нигде; его видят то здесь, то там, он рыщет по всему Морбигану, выведывает, вынюхивает, а за ним бегают повсюду белая левретка, очень некрасивая, но в своем ошейнике или под ним разносящая в разные места письма. У Жоржа повсюду есть свои люди, назначенные им офицеры, которые бродят по всей стране».⁸⁶

Роялистские вожди деятельно трудились над подготовкой восстания. Оно должно было произойти в момент, наиболее неблагоприятный для армий республики. Предполагалось, что мятеж охватит почти две трети Франции, будет поддержан монархическими выступлениями в Италии, Швейцарии, Германии, Бельгии, Голландии (планировалось грандиозное общее крестьянское восстание), а также войсками антифранцузской коалиции. Одним из активных руководителей этого движения был английский агент Викэм (Wickham), через которого осуществлялись связи с Англией и Австрией.⁸⁷

Однако в этом, казалось бы, хорошо разработанном плане были уязвимые места. Он мог привести к успеху только в том случае, если бы все участники движения (а их было немало) одновременно и, главное, согласованно выступили против Французской Республики. Достаточно было где-то произойти неудаче, кому-то выступить раньше или позже намеченного срока — и успех всего плана становился сомнительным. Нужно учесть также, что роялистам Франции было трудно скоординировать свои действия с монархистами Италии, Швейцарии и Голландии. Окончательно этого так и не удалось добиться.

Активные военные действия начались весной 1799 г. Уже в конце апреля французы оставили Милан и всю Ломбардию, Цизальпинская Республика перестала существовать. 26 мая Суворов захватил Турин, в июне 1799 г.

французы лишились всей Северной Италии. В сентябре 1799 г. пала Римская Республика. Вскоре по всей Италии были восстановлены абсолютистские режимы, значительную часть ее оккупировали иностранные войска.

Этим победам над Французской Республикой в большой степени способствовало восстание в Калабрии, первое по времени и наиболее успешное из всех контрреволюционных мятежей. Оно началось в феврале 1799 г., тогда как в Швейцарии роялисты выступили только в апреле, а во Франции — в августе.

Восстание в Калабрии победило прежде всего потому, что французские республиканские власти не ослабили фискального гнета на крестьян, как это сделал руководитель мятежа кардинал Ф.Руффо. 1 марта 1799 г. он обнародовал прокламацию, в которой говорилось об отмене ряда налогов и сбора десятины. Затем он упразднил не отмененный республикой институт королевских скупщиков шелка и объявил, что продажа шелка отныне не облагается пошлиной. Вдвое был сокращен подушный налог. Советский историк В.С.Бондарчук справедливо отмечал, что политика Ф. Руффо была, по существу, «вывороченной наизнанку политикой Французской революции» и имела в Калабрии успех.⁸⁸

Восстания в других государствах не были такими победоносными. В Швейцарии их уже к сентябрю 1799 г. подавили французские армии под командованием генералов А.Сульта и К.Менара. В Голландии генерал П.Брюн заставил англичан и русских капитулировать (в конце августа — начале сентября), Массена одержал победу под Цюрихом (25—27 сентября). В Бельгии эмигранты хотели создать независимую республику во главе с К.Дюмуре. Там высадились англичане, которые рассчитывали на восстание местных жителей, но его не последовало. Россия из-за разногласий с Австрией вышла из войны, армия Суворова была отозвана. К 5 октября 1799 г. внешняя опасность была фактически ликвидирована.

Не лучше обстояло для роялистов дело с мятежом, подготавливавшимся во Франции. Граф Прованский (будущий Людовик XVIII) колебался, не решаясь подать сигнал к всеобщему восстанию. Он рассчитывал на вступление войск коалиции в пределы страны и не хотел рисковать. В итоге получилась несогласованность в действиях. Восстание на юге Пиренеев вспыхнуло в первых числах августа 1799 г. На первых порах оно охватило довольно большой район: департаменты Верхняя Гаронна, Арьеж, Од, Тарн, Ло и Ло-и-Гаронна. «Внезапно, — пишет А.Вандаль, — Тулуза увидела себя окруженной на две трети мятежной ратью в 15—20 тыс. человек, с ружьями и пушками, с белыми знаменами... они наступали с диким ревом, угрожая смертью патриотам и прославляя Людовика XVIII».⁸⁹ Но в этих трудных условиях якобинцы, возглавлявшие администрацию Тулузы, сумели мобилизоваться, организовали народное ополчение из 11 батальонов и соединились с регулярными войсками. Восстание в этом районе удалось подавить уже через несколько дней.

Позднее роялисты предприняли ряд других выступлений. Самым крупным из них была высадка с отрядом в Нормандии роялистского эмиссара Фротте. Ему удалось создать так называемую «католическую и королевскую армию», которая, однако, не смогла овладеть ни одним городом. Столь же неудачно закончилась акция графа Бурмона, предпринятая в ночь с 14 на 15 октября 1799 г. Всего лишь два дня Бурмон был хозяином Мана и покинул его при первом приближении республиканских армий. В городах Ванн, Сен-Брие и Шолэ роялисты в разное время пытались захватить власть, но тоже безуспешно.

Таким образом, роялистское движение в качестве политического фактора безусловно следует учитывать, но без придания ему первостепенного значения. Можно согласиться с А.Оларом, у которого взяты приведенные сведения⁹⁰, что роялистская партия в момент падения Директории находилась в состоянии «полного разложения». Отсутствие у роялистов широкого влияния и массовой поддержки признавали даже некоторые из их вождей (Пюизе, Фротте, Шатильон, Бурмон и др.).

Что касается внешней опасности, то к началу октября 1799 г. она фактически перестала существовать, однако и ранее, даже в момент наступления армий Второй коалиции, наиболее проникательные государственные деятели республики не считали эту опасность очень серьезной. В частности, такого мнения придерживались Баррас и Сийес. С полным основанием А.Вандаль утверждал, что «вся политическая и военная комбинация Сийеса» основывалась на том, что положение республики вовсе не трагическое. В такой обстановке возникло идейное и политическое движение, которое в конечном итоге привело к перевороту 18 брюмера. Оно сформировалось на основе недовольства французской буржуазии республикой и республиканскими учреждениями.

4. «РЕВИЗИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ», ЕГО СМЫСЛ и ЦЕЛИ

Борьба якобинцев с термидорианцами, влияние якобинцев были факторами, которые ощущались в политической жизни страны наиболее остро — значительно острее, чем роялизм. В этом можно убедиться, ознакомившись с документами того времени и прежде всего с печатными материалами, ибо на страницах газет и многочисленных политических памфлетов общественная борьба получила самое яркое отражение.

В библиотеках СССР сохранилось немало памфлетов, причем Государственная публичная историческая библиотека (ГПИБ) имеет целую коллекцию из более чем двух десятков брошюр, опубликованных в 1798 и 1799 гг. Эти произведения весьма откровенны по своему содержанию и предельно тенденциозны. По ним легко судить, какое значение придавали публицисты разных направлений политической борьбе и тому, кто победит в ней, — якобинцы, роялисты или термидорианцы.

Обратимся к коллекции, хранящейся в ГПИБ. Памфлет некоего Пьерже носит длинное название: «Декларация якобинцев, имевших отношение к убийствам в тюрьмах. Клятва, данная этими бандитами в тайном месте с целью компрометации в общественном мнении генералов Макдональда, Массена, Моро, Шампийонне и замены их убийцами из этой партии».⁹¹ В брошюре цитируется письмо (декларация), которое якобы написали якобинцы какому-то высокопоставленному английскому государственному деятелю: «Наши имена вызывают ужас всех, кто похвастается своей преданностью истинному патриотизму. Ненависть и публичное презрение — единственное, чем мы сейчас располагаем, и мы находимся в такой нищете, что остались только с красными колпаками и скоро все погибнем от голода.

Между тем, милорд, поскольку нам важно сохранить ваше доверие, мы хотим дать вам доказательства нашей деятельности в прошлом и осведомить о наших планах на будущее» (с.2). Затем в «декларации» идет историческая часть, из которой видно, что сами якобинцы не считают себя республиканцами, и если они стремились раньше к республике, то только потому, что желали развала страны. «Мы надеялись,— писали будто бы якобинцы, — таким путем прийти к осуществлению своих планов, которые состояли в дезорганизации и анархии» (с.3).

Довольно недвусмысленно Пьерже намекает на то, что якобинцы являются агентами Англии, традиционного врага Франции, и даже состоят на содержании у английского правительства. Письмо заканчивается так: «Деньги, милорд, ключ от всех дверей; пришлите их нам, и мы обещаем вам все развалить. Мы сделаем все, что можем» (с.8).

Другой памфлет не менее примечателен. Его автор — некий Дюшам. Произведение называется так: «Берегите свои головы. Якобинцы организуют революционный трибунал. Список лиц, которые составят этот ужасный трибунал». Подзаголовок: «Беглый взгляд на зверинец».⁹²

В этой связи возникает вопрос, как этот страх перед возрождением диктатуры Комитета общественного спасения проявился в социальных проектах буржуазных идеологов и их отношении к Конституции III г. Несовершенства термидорианской Конституции, о которых уже говорилось выше, были довольно скоро поняты даже самими ее создателями. Главным недостатком режима Директории, по их мнению, являлось отсутствие сильной исполнительной власти и излишний, говоря современным языком, парламентаризм. Именно в термидорианской среде постепенно возникло движение за пересмотр Конституции и установление более консервативного режима, с большей концентрацией власти и ограничением прав «народных представителей».

Такого рода проекты стали составляться примерно с осени 1797 г., после подавления монархического заговора во фрюктидоре V г. Именно тогда яacobинская газета «*Journal des hommes libres des tous les pays*» писала о существовании фракции, которая требовала постоянной палаты и пожизненного президента.¹⁰¹ К этому же времени относится очень любопытное донесение английского агента из Парижа в Лондон. Он указывал, что переворот 18 фрюктидора уже означает нарушение Конституции и что замена ее весьма вероятна, причем возможны три варианта: военный режим, монархия и анархия (под анархией понималось яacobинское правление). «Военный режим мне представляется наиболее вероятным... Франция может оказаться под игом, из которого она уже не вырвется», — писал агент.¹⁰²

С фрюктидора V г. буржуазные идеологи и политики всерьез стали задумываться о несовершенстве Конституции III г. и ее пересмотре. Возникло, таким образом, «ревизионистское» движение. Выразителями его были довольно известные тогда люди: г-жа де Сталь, Б.Констан, Дону, Буле (из департ. Мёрт), А. де Сен-Симон (будущий великий социалист-утопист, входивший тогда в окружение Барраса), Сийес и др.

Сен-Симон не оставил записок, но его мысли дошли до нас в передаче некоторых его современников. В ту пору он был особенно дружен с кузеном Барраса графом А.Лорагэ. Последний весьма серьезно размышлял над пересмотром Конституции и даже составил по этому поводу специальную записку. А.Тибодо в своих мемуарах кое-что рассказал о ней, упомянув в этой связи о Сен-Симоне. В октябре 1797 г. Сен-Симон сказал ему: «Существует проект пересмотра Конституции, который поставит преграды честолюбию Директории: нужно, чтобы Сенат состоял из постоянных членов, был упразднен Совет старейшин и централизована исполнительная власть». «Талейран, — писал А.Тибодо, — втайне одобрял этот план».¹⁰³

Б.Констан пытался найти обоснование подобным идеям в исторических экскурсах. Его либерализм, по справедливому выражению А.Матьеза, всегда был «подчинен защите собственности».¹⁰⁴ После публикации весной 1797 г. брошюры «О политических реакциях», где уже содержались «ревизионистские» идеи, он выпустил в июле 1799 г. новое произведение «О последствиях контрреволюции 1660 г. в Англии». В нем он очень высоко оценивал роль протектора Кромвеля и даже отдавал должное М.Робеспьеру, считая, что последствия контрреволюции были бы для Франции более страшными, чем возрождение террористического режима 1793 г. Как и другие «ревизионисты», Б.Констан выступал за усиление исполнительной власти. «Надо, — писал он, — дать нашему общественному договору средства исполнения, которые до сего времени заменялись революционными конвульсиями, добиться посредством более «совершенных» институтов исчезновения неустойчивости, которая может являться следствием пробелов в нынешней Конституции».¹⁰⁵

Г-жа де Сталь формулировала свои взгляды гораздо более определенно, чем Констан, хотя, как считает А.Матьез, «размышляли они совместно».¹⁰⁶ В последние месяцы 1798 г. г-жа де Сталь написала произведение «О нынешних обстоятельствах, которые могут положить конец революции, и о принципах, которые должны лечь в основу Республики во Франции». Оно не было тогда опубликовано, но ходило в рукописных списках и было известно в буржуазных

салонах. В нем проповедовался основанный на собственности социальный порядок, в котором найдут место себе и бывшие аристократы и новые богачи. Предлагалось, чтобы члены Совета старейшин назначались пожизненно. Совет пятисот, единственный выборный орган, обрекался бы на полное бессилие из-за права его роспуска, предоставляемого Директории, которая сама назначалась Советом старейшин.¹⁰⁷

Таковы в общем были воззрения Буле (из департамента Мёрт), Дону и др. Например, Буле, выступая в Совете пятисот весной 1799 г., обосновывал свою позицию так: «Контрреволюционеры — их не так много, как нас хотят уверить: *недовольных* действительно много, но откуда проистекает это недовольство? Сам ли по себе республиканский образ правления вызывает его? Нет! Значит, *источник зла — республиканский режим, такой, каким мы его видим*».¹⁰⁸ Он верно уловил суть вопроса. Его взгляды разделяли сам Баррас и ставший в 1799 г. членом Директории Сийес.¹⁰⁹ Рупором «ревизионистов» была газета «*Decades philosophiques*», где 10 брюмера VIII г. (1 ноября 1799 г.) Конституция III г. подверглась резкой критике. Газета выступила за консервативную власть, «которая удержала бы на своем месте каждую часть конституционного здания».¹¹⁰

При всем конкретном различии этих проектов их объединяло то, что, как отмечал Ж.Лефевр, все они были направлены «на более или менее закамouflированное уничтожение выборов и усиление исполнительной власти» с тем, чтобы правительство в случае необходимости могло воздействовать на законодательные органы.¹¹²

Интересно знать и взгляды молодого Бонапарта на Конституцию, учитывая в особенности ту громадную роль, которую он в дальнейшем сыграл. В 1796 и 1797 гг. это был уже вполне сложившийся государственный деятель, весьма далекий от мечтаний в духе Ж.-Ж.Руссо. В 1795 г. он, не колеблясь, закрыл демократический клуб «Пантеон» и тогда же, как командующий «внутренними войсками» столицы, сказал председателю клуба, своему сверстнику и товарищу детства Ф.Буонарроти: «...вы исповедуете коммунистические взгляды и собираетесь отрубить голову командующему в Париже; это мне не подходит, я предам вас военному суду и вы будете расстреляны».¹¹³ Так много позже, на острове Святой Елены, Наполеон вспоминал об этом эпизоде. Что касается Ф.Буонарроти, то он приписывал генералу Бонапарту не только осуществление, но и саму инициативу закрытия клуба.¹¹⁴

Во время итальянской кампании 1796—1797 гг. Наполеон впервые показал себя политическим и государственным деятелем большого масштаба. Он вел себя фактически как глава государства: создавал правительства, утверждал республиканские режимы, давал наименования итальянским республикам, вводил там удобные ему порядки. Его блестящие военные успехи полностью преобразили европейскую карту войны и надежно защитили Францию с юга.

Вместе с тем в итальянском походе проявились некоторые моменты, свидетельствовавшие не в пользу республиканской репутации генерала Бонапарта. Он отказался поддержать восстание пьемонтских патриотов, поспешил с подписанием перемирия в Хераско (28 апреля 1796 г.), которое затем было подтверждено официальным миром Франции с сардинским королем. Это привело к разгрому восстания и расправе над революционерами. Бонапарт фактически отменил выборы в образованных итальянских республиках и сам назначал всех административных чиновников.

19 февраля 1797 г. в Толентино он подписал мир с Папским государством, хотя имел реальную возможность завоевать Рим, чего требовала армия и Директория. Согласно тайным статьям договора, заключенного в Кампо-Формио 18 октября 1797 г, большая часть Венецианской Республики, в которой незадолго до этого произошло народное восстание, перешла к Австрии, хотя ее города в своих петициях молили главнокомандующего о присоединении к Цизальпинской Республике.

Наиболее проницательных республиканцев, воспитанных в традициях освободительных войн Конвента, эта политика «просвещенного эгоизма» сразу насторожила. Известны критические отзывы о Наполеоне в этой связи со стороны Г.Бабефа, Ф.Буонарроти, Ю.Сулковского, М.-А.Жюльена и др.¹¹⁵ Одну из наиболее проницательных характеристик дал ему автор «Манифеста равных» бабувист С.Марешаль. В конце 1797 г. он написал памфлет «Поправка к славе Бонапарта или Письмо к этому генералу», где резко осудил итальянскую кампанию («Итальянцы, вы не посмеете объявить Бонапарта вашим освободителем») и даже предсказал будущий переворот 18 брюмера: «Бонапарт! Твоя слава является диктатурой, если ты позволяешь себе такой стиль, обращаясь к Цизальпинской Директории, я не вижу, что может помешать тебе использовать его в обращении с Французской Директорией. У меня нет никакой уверенности, что в ближайшем жерминале, во время наших избирательных собраний... ты не заявишь: "Французский народ! Я составлю себе законодательный корпус и исполнительную директорию". Я не вижу, что может помешать генералу, который провозглашает тост в честь его императорского величества раньше, чем за Французскую Республику, заявить Национальному собранию: "Я дам вам короля по своему вкусу или трепещите! Ваше неповиновение будет наказано"». ¹¹⁶

Интересны факты, приводившиеся Стендалем, офицером наполеоновской армии с 1800 г. Стендаль высоко оценивал значение итальянского похода, считая этот период в жизни Наполеона «героическим». Но и он отмечал антиреспубликанские тенденции молодого генерала. Во время мирных переговоров в Леобене и Кампо-Формио, сообщает Стендаль в своих записках, австрийский уполномоченный граф фон Мерфельдт, заинтересованный в уничтожении республики во Франции, намекнул генералу Бонапарту, что тот мог бы стать во главе Франции или Италии. «Генерал ничего на это не ответил, но и не выразил возмущения; он даже высказал мысль, что попытка управлять Францией посредством представительных органов и республиканских учреждений является не более как экспериментом. Мерфельдт, которому этот разговор придал смелости, решился с ведома и согласия австрийского двора предложить Наполеону владетельное княжество в Германии». Наполеон вежливо отклонил это предложение, сказав, что «задался целью занять место в правительстве своей страны и уверен в том, что далеко пойдет, если только ему удастся вдеть ногу в стремя». ¹¹⁷

Можно утверждать, что примерно в это время началось формирование политической доктрины Наполеона Бонапарта и связано это было не только с итальянским походом, но и с возникшим тогда «ревизионистским» течением.

Разумеется, во время итальянской кампании конституционные сюжеты у генерала Бонапарта не стояли на первом плане, но все же отдельные отзывы о Конституции III г., относящиеся к этим дням, сохранились. Еще 19 сентября 1797 г. в ответ на письмо Талейрана, в котором содержалась осторожная критика государственного строя, Бонапарт, писал из Италии: «Организация французского народа едва наметилась во всей полноте, которую я ей придаю, должна была бы рассматриваться как истинное представительство наций». При этом Наполеон заметил: «Монтескье нам оставил ошибочные положения». ¹¹⁸ Нетрудно понять, что он имел в виду. Он был противником идеи Монтескье о равновесии властей. Приведенные слова очень важны для понимания наполеоновской политической доктрины: не выборные органы, составляющие законодательную власть, а правительство является подлинным «представительством нации».

Спустя несколько месяцев, 10 декабря 1797 г., когда генерала Бонапарта торжественно принимали в члены института Французской академии, он сказал: «Европа станет свободной тогда, когда благоденствие французов будет зиждиться на лучших органических законах». ¹¹⁹ За этой фразой скрывалась осторожная критика Конституции III г.

Тогда же состоялась первая встреча Наполеона и Талейрана. Талейран посвятил ее описанию в мемуарах немало места. Он пригласил на встречу и г-жу Сталь, но Наполеон на нее не обратил никакого внимания. Он и Талейран прошли в кабинет, где состоялась беседа, «преисполненная доверия» со стороны Бонапарта. Наполеон говорил с большим одобрением о назначении Талейрана на пост министра, и «настаивал на удовольствии, которое он получал от переписки с человеком, живущим во Франции и притом иного рода, чем члены Директории». «Он сказал мне без особых переходов: "Вы ведь племянник реймского архиепископа, который находится при Людовике XVIII?" (Я заметил, что он не сказал тогда при графе Лильском). И он добавил: "У меня тоже есть дядя архидиакон на Корсике; он воспитал меня. Вы знаете, что архидиакон на Корсике то же самое, что епископ во Франции". Мы скоро вернулись в гостиную, которая наполнилась народом, и он громко сказал: "Граждане, меня трогает внимание, которое вы оказываете мне; я сделал все, что мог, для войны и для мира. Директория должна уметь воспользоваться этим счастьем для процветания Республики"».¹²⁰

Этот эпизод представляется очень важным. За недомолвками, полунамёками, скрытыми замечаниями по поводу Директории, указанием на аристократическое происхождение Талейрана и якобы сходство его происхождения с наполеоновским кроется определенный смысл. Конечно, далеко идущих выводов из воспоминаний Талейрана делать не следует, но в сочетании с другими уже изложенными фактами они показывают, что у Наполеона уже тогда рождались идеи, весьма близкие к идеям «ревизионистов».

Чувствуя недоверие к Директории и понимая, что ее дни сочтены, Наполеон после своего возвращения из Египта на предложение правительства стать одним из директоров почти сразу ответил отказом.

Позиция Бонапарта, какой бы скрытной она ни была, все же была замечена в обществе. Заметил ее и английский агент. В одном из писем еще в декабре 1797 г. он указывал, что Бонапарт всерьез «размышляет над тем, чтобы дать Франции стабильное правительство». Агент даже сообщал о разговоре, состоявшемся, по его сведениям, у Наполеона с Баррасом. Наполеон сказал о будущей конституции: «Исполнительная власть будет сосредоточена в руках двух человек... Один будет осуществлять гражданскую власть, другой — военную. Сенат будет состоять из пожизненных членов, а вторая палата будет временная, составленная из депутатов департамента». «Я думаю, — пронизательно добавлял автор письма, — что этот план известен только маленькому кругу лиц, я подозреваю также, что Бонапарт никому не доверяет своей главной цели».¹²¹ Об этой цели не догадывался даже Сийес. Потому-то аббат и был так уверен в том, что главную роль после переворота будет играть он.

Слухи о пересмотре Конституции просачивались и на страницы прессы. Помимо «Decades philosophiques» отдельные сообщения на эту тему печатали другие газеты. Так, «Corner du Corps legislatif» 16 ноября 1798 г. позволила себе процитировать довольно двусмысленную оценку Конституции III г., которая была ей дана Цизальпинской Директорией: «Французская Конституция, рассматриваемая во многих случаях как шедевр философии, далеко не всегда отвечает общим интересам, хотя к этому стремились, создавая ее, самые просвещенные политики». Газета добавила, что конституционный кодекс Цизальпинской Республики, представлявший в основном копию французской Конституции, являлся временным.¹²² О слухах, циркулировавших в обществе в связи с возможным пересмотром Конституции, сообщила 4 мая 1798 г. газета «Clef du Cabinet».¹²³ Наличие таких разговоров подтверждал и полицейский обзор от 12 сентября 1799 г.¹²⁴

Таким образом, необходимость изменения Конституции термидорианцы ощущали весьма остро, причем даже те, кто входил в правительство или был близок к правительственным кругам (Баррас, Сийес, Талейран, Фуше). Английский агент неоднократно (18 сентября, 20 сентября и 5 октября 1798 г.)

Д. М. Туган-Барановский

НА ПУТИ К БРЮМЕРУ

сообщал в Лондон о подготавливавшемся Директорией государственном перевороте с целью изменения Конституции.¹²⁵ Эти сведения трудно проверить, мемуары членов Директории их не подтверждают. Однако, бесспорно, что правительство предприняло некоторые шаги по фактической корректировке отдельных конституционных положений с целью больше приспособить Конституцию к реальной жизни. Так, 30 плювиоза IV г. (19 февраля 1796 г.) был принят закон, который давал Директории право ревизовать электоральные списки и таким образом исключать из них противников; 9 фримера VI г. (29 ноября 1797 г.) Директории было разрешено вычеркивать из этих списков бывших аристократов. Кроме того, десять законов, вотированных с V по VII г. (1797—1799), разрешали исполнительной власти полностью или частично назначать членов трибуналов и коммунальных или департаментских администраций, тогда как Конституция предписывала, чтобы они избирались.¹²⁶

В какой-то мере эту новую тенденцию можно обнаружить в конституциях Цизальпинской, Римской, Гельветической, Батавской республик. Исполнительная власть здесь была усилена. Директории имели право назначать своих комиссаров в казначейства, и поэтому финансы не оказывались, в отличие от Франции, вне компетенции правительства. В Батавской Республике Директория получила право устранять всех административных лиц и заменять их временными. В Гельветической Республике Директория могла назначать общественных обвинителей и президентов всех высших трибуналов. В Риме консулы назначали общественных обвинителей, которые исполняли функции комиссаров правительства и даже судей. Конституции содержали, наконец, любопытные новшества в административной и юридической сферах. В Швейцарии и Риме очень большой властью пользовались префекты, имевшие право назначать президентов кантональных собраний.¹²⁷ Однако все эти конституционные нововведения, как и отдельные законы, принятые во Франции в целях совершенствования государственного механизма, были лишь полумерами.

Принципиально изменить Конституцию III г. легальным путем можно было лишь в течение 9 лет. Следовательно, оставался путь государственного переворота. Не случайно сразу после июня 1799 г. из «ревизионистского» движения вызрела заговорщическая группа во главе с Сийесом, Талейраном и Ж.Фуше («компания расстриг», как выразился М.Прело¹²⁸), которые занялись подготовкой выступления.

В какой мере заговорщики рассчитывали на Бурбонов и возможность восстановления их трона? Часть историков и среди них такой компетентный, как А.Олар, считали, что Баррас и Сийес лишь в тактических целях использовали свои связи с Бурбонами, вели с ними переговоры для видимости, чтобы лучше знать намерения роялистов.¹²⁹ (Именно так объяснял свои связи с роялистами Баррас.¹³⁰)

Но в АВПР имеются документы, делающие эту проблему еще более сложной. В черновике письма Павла I Людовику XVIII от 14 мая 1799 г. шла речь о плане, выработанном маркизом Мэзонфором с целью произвести во Франции переворот в пользу Бурбонов. Там имелась такая фраза: «Г-н мой брат, маркиз де Мэзон-фор, прибывший из Миттау, консультировался с Моим Министром относительно деталей нового плана, *известного Вашему Величеству, который предусматривает при посредничестве директора Бар-раса благоприятные изменения во Франции...*» Но выделенные здесь курсивом слова были зачеркнуты и вместо них на полях написано: «чтобы надеяться во Франции при посредничестве Барраса имела благоприятные изменения». Далее в тексте зачеркнуты слова: «Баррас примет командование французской армией на границе».¹³¹

Роялистский эmissар граф д'Авари в письме русскому правительству от 17 октября 1799 г. также сообщал, что некоторые члены Директории склоняются к необходимости восстановления монархии «ввиду невозможности существования Республики». В документах, приложенных к письму, говорится, что Сийес

является сторонником утверждения на престоле герцога Орлеанского.¹³² В свою очередь Людовик XVIII писал Павлу I о плане Бонапарта возвести на трон инфанта Карла Исидора.¹³³

В какой мере можно доверять материалам такого рода? Интересно мнение видного советского историка А.З.Манфреда. «Конечно,— писал он,— к этим донесениям нужно отнестись критически и трудно установить, какую долю истины они отражают. Однако сами эти донесения... весьма симптоматичны, они перекликаются с другими, сходными по содержанию свидетельствами». Отметим также комментарий А.З.Манфреда уже в отношении Барраса и его связей с роялистами: «Этих свидетельств недостаточно, чтобы считать вопрос выясненным, но сама по себе эта версия представляется вполне правдоподобной».¹³⁴

Разумеется, далеко не все «ревизионисты» были склонны к компромиссу в той или иной форме с роялистами, но некоторые из них (Талейран, Сийес и сам Баррас) могли учитывать *на крайний случай* и такой вариант. Ведь в основе «ревизионистского» движения лежало прежде всего желание буржуазии подчинить своему контролю народные и демократические силы, чего в условиях парламентарной республики достичь было трудно. Отсюда проистекали неудовлетворенность режимом Директории и стремление к установлению республики консервативного типа. Но подобная логика при определенных условиях могла вполне привести к признанию конституционной монархии в лице Бурбонов (если бы Бурбоны согласились с совершившимся в годы революции перераспределением собственности), что, например, и получилось в 1802 г., когда образовалась оппозиция «идеологов» (К.Жордан, Неккер, г-жа де Сталь), которой конституционная монархия уже представлялась своеобразной «золотой серединой» между наполеоновской диктатурой и буржуазной либеральной республикой.¹³⁵ В конечном итоге такой компромисс был достигнут в 1814 г. Это был компромисс между роялизмом, признавшим завоевания буржуазной революции, и французской буржуазией. Возможно, что и в 1799 г. возникали подобные проекты.

Для Бонапарта, при его огромном и неудовлетворенном еще честолюбии, этот вариант был совершенно неприемлем.

Таким образом, переворот 18 брюмера был направлен против народных масс, народного движения и их политических представителей—демократов-якобинцев и бабувистов. Конечно, он был также направлен против эмигрантов и роялистов, против роялизма в целом, но внутри Франции в последние два года роялистское влияние не было значительным. На эту сторону происхождения бонапартского режима неоднократно обращал внимание В.И.Ленин: «История Франции показывает нам, что бонапартистская контрреволюция выросла к концу XVIII в. (а потом второй раз к 1848—1852 гг.) на почве контрреволюционной буржуазии, прокладывая, в свою очередь, дорогу к реставрации монархии легитимной. Бонапартизм есть форма правления, которая вырастает из контрреволюционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции».¹³⁶

Исследования Ж.Лефевра, А.Собуля и А.З.Манфреда подтверждают обоснованность этой мысли. Переворот 9 термидора лежит на той же линии, что и переворот 18 брюмера: свержение Директории означало еще один удар по народному движению, еще одну стадию в наступлении на народные права.

Характеристика переворота 18 брюмера *только как контрреволюционного* была бы недостаточной. Переворот 18 брюмера был проявлением именно «контрреволюционности буржуазии», а не сил старого порядка, свергнутого революцией.

Этот нюанс необходимо учитывать. Иначе невозможно дать правильную оценку многим событиям, которые происходили во Франции и Европе после переворота 9 термидора вплоть до 1830 г., нельзя понять, например, такое

событие, как «сто дней», показавшее, что с возвращением Наполеона французский народ связывал изгнание дворян и Бурбонов, приверженцев феодальных порядков. В советской литературе на эту сторону проблемы уже обращалось внимание. В.С.Алексеев-Попов писал: «...недостаточно... диалектично рассматривается природа и роль "буржуазной реакции", берущей верх в эти периоды над силами буржуазной демократии и силами народа. Абсолютизируется антидемократическая направленность действий этой реакции... и недооценивается ее роль в борьбе с внешними (и остатками внутренних) силами феодальной контрреволюции, во имя закрепления за крупной буржуазией и имущим крестьянством результатов революции». Приведя удачное, по его мнению, выражение прогрессивного немецкого ученого З.Энгельберга, назвавшего Наполеона представителем «недемократической стороны буржуазной революции», В.С.Алексеев-Попов отметил: «Для уяснения вопроса о "принадлежности" периода между двумя переворотами следует тщательно взвесить понимание Марксом и Энгельсом объективного содержания и значения деятельности Наполеона I, в которой они придавали гораздо большее значение ее внутренней связи с итогами буржуазной революции, чем это делалось и делается в нашей литературе, в том числе и в учебной»¹³⁷. Важное суждение на этот счет высказал также В.Г.Ревуненков: «Нисходящая линия революции не представляла собой отступление в сторону феодального прошлого, напротив, она означала укрепление и дальнейшее развитие социальных порядков, покоящихся на капиталистическом способе производства. Эта линия предполагала лишь одно — подавление народного движения, отстранение народных масс от участия в управлении государством, ограничение демократических свобод и прав — то, в чем буржуазия видела гарантию своих социальных привилегий... Что касается наполеоновской эры, то ее нельзя ни отождествлять с эпохой революции, ни отрывать от нее».¹³⁸ К аналогичному выводу пришли также В.Марков и А.Собуль.¹³⁹

В то же время переворот 18 брюмера и предшествовавшая ему «ревизионистская кампания» означали в тех условиях кризис парламентаризма, кризис буржуазной республики, при которой невозможно было подавить ни движение роялистов, ни, прежде всего и главным образом, левое демократическое движение. Наполеоновский режим, как и протекторат Кромвеля, закономерно шел на смену буржуазной республике. Коренное отличие первой формы правления от второй заключалось в отношении к буржуазному парламентаризму и буржуазным свободам. В условиях наполеоновского режима эти свободы и возможности использования парламента их институтов были равны нулю или близки к этому.

Однако окончательно это выявилось некоторое время спустя после переворота 18 брюмера, когда была обнародована новая Конституция.

Как известно, Наполеон сказал Редереру: «Пишите конституцию кратко...» Редерер хотел уже добавить: «...и ясно», ко услышал неожиданное: «И неясно». Такой она и получилась: краткая и неясная. Достаточно четко в ней было изложено лишь то, что касалось прерогатив первого консула. Во всем же, что относилось к представительным учреждениям, народным свободам и системе выборов, она была запутанной. Разные казуистические оговорки сводили на нет значение избирательных институтов. В руках первого консула сосредоточивались не только исполнительная, но и в значительной степени законодательная власть. Классовый смысл наполеоновской конституции хорошо выразил участвовавший в ее составлении А.Кабанис: «Невежественный ? класс не будет отныне оказывать влияние ни на законодательство, ни на правительство; все делается для народа и во имя народа, ничто не делается его собственными руками и под его неразумную диктовку».¹⁴⁰

Так «ревизионистское» движение нашло свое завершение. Правда, надо отметить, что авторитарный характер новому режиму придал не Сийес, а генерал Бонапарт.

5. ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗИЯ и ПЕРЕВОРОТ 18 БРЮМЕРА

События двух дней — 18 и 19 брюмера — описывались многими историками. Лучшей, хотя и тенденциозной работой на эту тему остается труд А.Вандала, опубликованный еще в конце XIX в. Не фиксируя внимание на известных событиях, связанных с бонапартистским переворотом, выясним отношение к нему термидорианской буржуазии.

Выше уже говорилось о позиции либеральной интеллигенции, так называемых «идеологов» — г-жи де Сталь, Б.Констана, Дону, Буле (из департа.Мёрт) и др. Они, указывал крупный исследователь этого вопроса русский ученый В. А. Бутенко, считали 18 брюмера своим детищем и если практически в нем не участвовали, то по крайней мере помогали Наполеону в подготовке общественного мнения. «И можно даже утверждать, — добавлял В. А.Бутенко, — что без их сочувствия... Наполеону не мог бы удасться переворот 18 брюмера...»¹⁴¹

В этом смысле очень характерно поведение г-жи де Сталь. Сама она прибыла в Париж только 18 брюмера и была поражена тем, что происходит. Но еще мало что зная, она уже всецело одобряла действия Бонапарта. В своих мемуарах она рассказывала, что один из ее друзей, участвовавший в заседании Совета пятисот в Сен-Клу, время от времени направлял ей курьеров с новостями, они приходили каждые четверть часа, и когда ей стало известно, что «якобинцы побеждают» (Бонапарт бежал от депутатов под крики: «Вне закона!»), она даже решила покинуть Париж и стала собираться в дорогу.¹⁴²

О реакции буржуазных кругов на переворот свидетельствует известный памфлет Фьеве «О 18 брюмера, противостоящем системе террора», опубликованный в 1802 г. Если исходить из того, что Фьеве в это время был фактически официальным публицистом Наполеона и даже одно время выступал в качестве цензора французской прессы, а потом стал префектом и бароном Империи, то можно допустить, что этот памфлет был создан по указанию первого консула.¹⁴³

В самом начале этого памфлета его автор говорит, что три лидера французского Просвещения: Мабли, Руссо и Вольтер — вынесли приговор своему обществу. «Репутация этих философов была такой, что ни один член Конвента не мог им противостоять». Это, считает Фьеве, в конечном итоге привело к террору. Члены Конвента были догматиками, они свято верили в идею Просвещения. Когда они сталкивались с препятствиями на пути осуществления своих целей, то их причину видели в действиях людей, а не в ошибочности самой доктрины. Для них не существовало вопроса, кто должен погибнуть: люди или принципы. Без сомнения — люди, так как принципы вечны. «Вот терроризм, — говорит автор, — вот его истинная причина».¹⁴⁴

Правление Директории, продолжает он, также не было удачным. Начался разброд: «каждый хотел иметь собственную партию». Необходимо было создать сильное правительство, только оно одно могло установить в стране разумный и справедливый порядок. Но чтобы управлять, «недостаточно одного человека, имеющего только огромную личную славу; нужно, чтобы он имел определенные идеи относительно искусства управления, а эти идеи даются опытом».¹⁴⁵ Такой опыт был у Наполеона, он себя достойно показал в Италии и Египте.

Революция, пишет Фьеве, все уничтожила: законы, администрацию, систему. Теперь все это нужно опять создать, нужно быть творцом.

В заключительном разделе памфлета автор пытается установить, чем отличался режим террора от порядка, установленного Бонапартом, и называет ряд моментов. Вот некоторые из них.

Террористы хотели установления «активного суверенитета народа» и усиления тирании. Сейчас, говорит Фьеве, господствует спокойствие, народ пассивен. Это доказывает, что правительство выступает от имени нации.

Террористы пытались «уничтожить всякую собственность, чтобы обогатить народ». Сейчас «происходит развитие агрокультуры и торговли, единственных основ благосостояния народа, поддерживается не только уважение к собственности, но и к определенному распространению этой собственности».

Террористы хотели «увековечить ненависть проскрипциями и проскрипции ненавистью. Сейчас проскрипции и ненависть отступают перед государственным интересом».¹⁴⁶

Нет необходимости воспроизводить далее доводы Фьеве в защиту наполеоновского режима. Важно подчеркнуть основное: при всей наивности некоторых заключений относительно якобинского правления автор верно уловил, что новый порядок вещей защитил собственность, уничтожил, как он выразился, тиранию и «активный суверенитет народа», укрепил политическое господство собственников. Не исключено, что аргументация Фьеве была подсказана первым консулом. Известно, какое большое значение Наполеон придавал общественному мнению и как искусно он умел его формировать и использовать.¹⁴⁷ Несомненно одно — идеи памфлета шли в русле официальной пропаганды и были ориентированы на широкие слои новых собственников.

До сих пор, как уже отмечалось, плохо выяснен вопрос о конкретной поддержке переворота французской буржуазией. В историографии эта проблема почти не ставилась. Одно из редких исключений — «История XIX в.» Ж.Мишле. В молодости Мишле был знаком с некоторыми банкирами, помогавшими Наполеону в осуществлении переворота. Один «из этих героев» рассказывал самому Ж.Мишле, что Наполеон установил связи с банкирами еще во время итальянской кампании или даже в канун ее. «Банкиры того времени,— комментировал этот факт Ж.Мишле, — были истинными поэтами в делах; они любили великие вещи. Они обдумали, что Италия неразработанная руда, более нетронутая, нежели Германия. Кроме земледельческих богатств ее всех родов, у нее были большие запасы дорогих металлов в сокровищницах церквей, в старинных кассах ссуд, большие галереи великолепных бесценных картин, древних и любопытных украшений, прелестное искусство которых удешевляло цену. Минута казалась им благоприятной, чтобы все забрать в руки». Доверие финансистов к молодому генералу определялось тем, что он вел себя решительно в вандемере 1795 г и позже, когда закрыл демократический клуб «Пантеон». По мнению Ж.Мишле, а он был человеком, несомненно, осведомленным, именно реакция выдвинула генерала Бонапарта в командующие итальянской армии.¹⁴⁸

Когда война началась, связи Бонапарта с банкирами и поставщиками еще более укрепились. Тому имеется множество свидетельств. Стендаль, например, писал, что поставщики и подрядчики сопровождали итальянскую армию, хотя и выглядели в ней «белыми воронами», выставляя напоказ роскошь, «поражавшую тем сильнее, что за последние годы люди утратили представление о таком образе жизни».¹⁴⁹ Они вели себя в армии нагло, нарушая принятые там нормы поведения, как будто жили не в военном лагере, а в Париже. В то же время эти люди отличались исключительной трусостью. Один из них во время битвы «бежал без оглядки, промчался пятьдесят лье в почтовой карете и по приезде в Геную умер от последствий испуга».¹⁵⁰

Воспоминания Стендаля дополняет историк Ж.Мишле. «В молодости моей, — пишет он, — еще многие поставщики были живы, и я мог знать их... К тому же теперь, когда официальная корреспонденция напечатана, мы видим, как актеры эти проходят один за другим. 4 апреля они в один день роздали пятьсот тысяч порций водки. Немного погодя, другая раздача водки, башмаков — вещь очень приятная в стране камней. Наши голодавшие солдаты итальянской армии и тощей испанской увидели нового полководца, окруженного людьми, которые, казалось, олицетворяли изобилие. Вслед за Колло, жирной и любезной особой, шли большие стада. Колло был поставщик мяса. Он остался верен звезде Бонапарта и роздал крупные суммы денег, которые произвели переворот 18

брюмера... Крупное предприятие поставки хлеба находилось в руках Флэша, который явился в сопровождении обоза телег с мукой... Поставки другого рода были сделаны разными банкирами... эльзасским евреем Серффбеером, швейцарцем Галлером, который, как и Колло, остался преданным Бонапарту и который в 1799 г. сделал для египетской кампании большой аукцион сокровищ Рима... Молодой генерал раздавал много, обещал еще больше. Потом последовали контрибуции, поставщики богатели...»¹⁵¹

Ж.Мишле одним из первых обратил внимание на эту сторону итальянской кампании и связи молодого Бонапарта с поднимавшейся буржуазией. Новейшие исследования подтвердили эти наблюдения Ж.Мишле. А.Собуль писал: «Теперь этот спартанец (Бонапарт в Италии. — Д.Т.-Б.), окружает себя нечистоплотными финансистами вроде Аллера, которого он назначает казначеем армии, или Амлена, которого Жозефина ему представила, не забыв получить с него взятку Бонапарт разбогател».¹⁵²

Работа современного исследователя Р.Шрамкевича приоткрывала еще одну завесу. Изучив биографии крупнейших банкиров Франции, он установил, что многие парижские финансисты были связаны личными и родственными узами с брюмерианцами — с тещи, кто непосредственно организовывал переворот. Приведем эти данные: Сийес и Наполеон протезировали банкирам Ле Кутё и Перрего, генерал Моро — Рекамье, Жозеф Бонапарт — Жаму, Люсьен Бонапарт — Баррийону, Талейран находился в дружеских отношениях с Готтингером и Ле Кутё; Редерер был женат на племяннице Дибона; Камбасерес выдал свою племянницу за Бастерреша, протезировал Карье, Сабатье и Дюко.¹⁵³ Очевидно, Р.Шрамкевичу далеко не все удалось установить; надо полагать, что многие факты, касающиеся связей брюмерианской элиты с финансовыми кругами, просто не нашли отражения в мемуарах и документах.

Парижскими дельцами, особенно банкирами, переворот брюмера воспринимался прежде всего как победа над ненавистным - «охвостом Робеспьера» и прогнившим режимом Директории, который, как им казалось, грозил новым Комитетом общественного спасения в духе 1793 г.

Любопытно, что когда еще только разворачивались на улицах, Парижа события 18 брюмера, банкир Уввар послал своему другу - морскому министру Брюи письмо следующего содержания:

«Париж, 18 брюмера VIII г.

Гражданин адмирал, проезд генерала Бонапарта, направляющегося в Совет старейшин, и наблюдающееся передвижение войск 4С заставляют меня предчувствовать, что готовятся изменения в политической области. Изменившиеся обстоятельства могут вызвать необходимость в денежных средствах. Я прошу вас, мой дорогой адмирал, быть посредником при передаче моего предложения *предоставить средства немедленно* (курсив мой. — Д.Т.-Б). Я полагаю, что тот, на которого возложены обязанности, имеющие наиболее важное значение для возглавляемого вами ведомства, может без излишней скромности сделать вам подобное предложение и что вы усмотрите в этом предложении только доказательства его пре-4-, Данности по отношению к общественному делу, торжеству которого он неизменно будет стараться способствовать.

Привет и уважение, Г.Уввар».¹⁵⁴

Мемуары автора письма не оставляют сомнений в том, что Уввар знал о заговоре, но во все детали посвящен не был.¹⁵⁵ Подобно Г.Уввару вел себя и Колло. 18 брюмера он помог Наполеону деньгами. Бурьенн, секретарь Наполеона, в своих мемуарах сообщал, что Колло дал генералу Бонапарту 500 тыс. фр. золотом; если верить Мармону, Колло ассигновал 800 тыс. фр.¹⁵⁶

По словам Бурьенна, этот банкир являлся доверенным лицом заговорщиков, ему «были известны все умыслы и козни, устраиваемые в Париже», он участвовал в тайных заседаниях. Колло ненавидел Директорию, называл ее «пятью призраками власти». Он был особенно близок к Бонапарту. Отношения между ними сложились самые доверительные. За два дня до переворота Бонапарт сказал Колло: «Наймите в Сен-Клу дом и приготовьте там

все, чтобы можно было на днях дать ужин 25 или 30 человекам». Банкир тотчас отправил в Сен-Клу своего поверенного, дом был нанят и приготовлен как следует, а 18 брюмера утром Наполеон ему сказал: «Мы будем завтра там ужинать».¹⁵⁷

После переворота, уже много позже, Бурьенн записал рассказ Колло о событиях 18 и 19 брюмера. Банкир понимал опасность положения Бонапарта в Совете пятисот 19 брюмера. «Если бы, — говорил Колло Бурьенну, — хоть один представитель схватил Наполеона в зале Совета 500, тогда как он вошел, то партия его была не довольно сильна для того, чтобы его избавить, и если бы через минуту после того выставили на балконе окровавленную его голову, то солдаты его, мало тронутые этой казнью, не потребовали бы удовлетворения и не стали бы мстить за него; но депутаты потеряли полчаса в крике, спорах и ругательствах...»¹⁵⁸ В этот второй день переворота Колло находился в той самой оранжерее, где проходило заседание Совета пятисот и откуда со скандалом якобинские депутаты изгнали Бонапарта. Затем, как известно, заседание было разогнано. Ближе к ночи, когда часть депутатов удалось найти и привести в оранжерею, оно продолжилось. Были приняты исторические решения: «Сколько буду жить, — рассказывал Колло, — но всегда перед глазами будет зрелище Сен-Клудской галереи... какое царствовало в ней безмолвие! Сколь были угрюмы и опечалены люди... Представьте себе длинный широкий сарай, наполненный опрокинутыми скамьями; кафедру, приделанную посередине к голой стене... несколько впереди стол и два стула; на этом столе две свечи и столько же на кафедре; ни люстры, ни ламп и никакого другого освещения под сводом этого длинного здания... Вы видите на кафедре бледное лицо Люсьена, читающего новую конституцию, а за столом двух толкующих депутатов. Против них, на узком тесном пространстве... толпа представителей, равнодушных ко всему, что им объявляли; большая часть из них разлеглась на трех скамейках... Между ними в том же положении находилось несколько частных людей, принимавших участие в успехе этого дела. Неподалеку сзади видны были лакеи, которые укрылись от холода и спали в ожидании своих господ. Таков был странный ареопаг, давший Франции новое правительство...»¹⁵⁹

Этот рассказ хорошо передает обстановку и личность его автора, человека, очевидно, незаурядного, ироничного и довольно наблюдательного. Присутствие Колло в оранжерее было вызвано не просто необходимостью выступать в роли хозяина на званом ужине. Главное заключалось, конечно, в другом: Колло важно было самому убедиться, не просчитался ли он в своей ставке на Наполеона, чтобы вовремя сманеврировать и сделать правильный шаг. Поэтому он оставался на заседании до конца. Оно было закрыто не раньше 12 часов ночи. «Тогда, — повествовал Колло, — я возвратился в дом, нанятый по желанию Бонапарта, и вы можете себе представить, что не было и речи об ужине... Приехало, однако же, человек восемь или десять, в числе которых находились Талейран, Седонвилль, Реньо де Сен-Жан д'Анжели и Арно».¹⁶⁰

Можно понять, почему Бонапарт не явился на ужин отметить свою победу. Учреждение нового правительства произошло совсем не так триумфально, как рассчитывали заговорщики. Многие историки, особенно приверженцы «наполеоновской легенды», тщательно затушевывали этот факт и создавали представление, что переворот совершался словно по нотам.

Субсидировали переворот также банкиры Перрего и Ле Кутё. Они помогали заговорщикам даже в самый день 18 брюмера. Именно 18 брюмера на стенах парижских домов была расклеена афиша «Обращение Центральной администрации д-та Сена к своим согражданам», подписанная Даву, Реалем, Гинебадом, а также Ле Кутё и Сабатье¹⁶¹. «18 брюмера, — с полным основанием утверждает Р.Шрамкевич, — Перрего рассматривал как часть своего дела... Ле Кутё с Сийесом и Перрего были одними из подстрекателей 18 брюмера».¹⁶²

Обратимся теперь к воспоминаниям Ле Кутё, документу уникальному и, как нам кажется, по достоинству еще не оцененному историками. Ценность этих воспоминаний в том, что Ле Кутё вращался, как и Колло, среди заговорщиков, много беседовал с ними, а дома с протокольной точностью переносил все разговоры на бумагу. В его воспоминаниях эти диалоги приведены, по-видимому, такими, какими они были на самом деле.

Ле Кутё познакомился с генералом Бонапартом еще в январе 1796 г. на обеде у Барраса. Особенно они сблизились в период подготовки египетской кампании. Ле Кутё даже продал Жозефине за 160 тыс. фр. Мальмэзон, причем большей частью в долг.¹⁶³ Тогда же (в 1798 г.) он написал сочинение о полезности приобретения Египта.

После возвращения Бонапарта из Египта у них состоялось несколько встреч. Одна из самых важных произошла 8 брюмера, за десять дней до переворота, когда роли в нем в общем уже были определены. Разговор был более чем откровенный. Ввиду важности приведем его почти полностью:

«Генерал Бонапарт. Я хочу обсудить с вами ситуацию в Париже.

Ле Кутё. Речь идет о положении в финансах и торговле или о взгляде на политические события?

Г.Б. И о том, и о другом.

Л.К. Деньги, кредит и общественный доход — всего осталось мало, все уничтожено дурными законами. Нет работы. Но Париж остается спокойным... Парижский народ лишь наблюдает.

Г.Б. Хотите ли вы более централизованного правительства?

Л. К. Желают именно правительства.

Г. Б. Не боитесь ли вы результатов последних выборов?

Л.К. Желательно найти способ, по крайней мере повторить их.

Г.Б. Не опасаетесь ли вы, что Директория, где власть разделена, не справится с новым кризисом, как и с выборами?

Л.К. В этом случае большинство законодательного корпуса будет еще более влиятельным.

Г.Б. Не боитесь ли вы партии, которая захотела объявить «Отечество в опасности», и что вы думаете относительно ее возможностей? Французский народ поддержит ее?

Л.К. Эта партия может иметь некоторую поддержку в самых населенных городах, но парижане к ним не присоединятся... Многие парижане составили себе состояние за годы революции, так что этот класс мелкой буржуазии сильно увеличился; этот класс я называю народом Парижа и, повторяю, он будет лишь наблюдать за правительством и его действиями.

Г.Б. Вся Франция, все партии ожидают меня...»¹⁶⁴

Это был разговор людей, хорошо понимавших друг друга. Такие же беседы Ле Кутё вел с Сийесом, Талейраном, Реалем и другими заговорщиками. В день 18 брюмера он даже присутствовал при историческом моменте, когда Бонапарт потребовал отставки членов Директории Гойе и Мулена. Об этом Ле Кутё тоже составил подробнейшую записку, где отразил все нюансы щекотливой беседы.¹⁶⁵

И после переворота он находился среди тех, кто создавал Бонапарту популярность.

По мнению А.Вандаля, банкир Нодлер был тоже причастен к заговору. Однажды вечером, незадолго до 18 брюмера, Наполеон посетил его поместье в Севре и вернулся очень довольный. «Едва ли, — резонно замечал А.Вандаль, — причиной этого хорошего настроения было исключительно удовольствие прокатиться за город осенью».¹⁶⁶

Важны выводы, к которым пришел в своем исследовании Л.Бержерон «Возможно, — писал он, — что государственный переворот финансировался «тайно» друзьями Бонапарта. Можно ли верить информации, что Колло ассигновал 500 тыс.фр., а Мишель младший — 2 млн, а затем 6 млн?» Л.Бержерон считает, что достоверность подобных свидетельств очень вероятна.¹⁶⁷ Любопытно в этой связи заявление Дельбреля, депутата Совета

пятисот: «Я имею полное основание думать, что эти (торговые — *Д.Т.-Б.*) компании были крайне полезными помощниками при осуществлении задуманной революции».¹⁶⁸

Куда же шли эти деньги? Большей частью, вероятно, на подкуп депутатов и военных — всех тех, от кого в конечном счете зависел успех переворота. Кое-что об этом известно. «В заговоре, — писал Ж.Мишле, — особенной тонкости не замечалось, но был простой подкуп. Деньги, которые доставлял Колло, послужили сначала для подкупа одного корсиканского полковника Себастиани, который находился в Париже с полком драгун; затем подкупили Жюбе — начальника охраны Директории. Таким образом, все пять членов Директории, сами того не замечая, уже наперед были захвачены в плен».¹⁶⁹

Горячим сторонником переворота, хотя ничего не известно о его конкретной роли, был финансист Баррийон. В 18 брюмера он видел «залог счастья и спокойствия».¹⁷⁰ «Воодушевлены надеждами» были и другие представители делового мира

Со своей стороны Наполеон удачно закрепил их доверие. Буквально через 10 дней после переворота, 19 ноября 1799 г., был отменен закон о заложниках, а затем стал обсуждаться вопрос о принудительном займе. «Опыт прошлого, — сказал Наполеон в выступлении перед консулами, — всем известен, и в нем очень мало ценного».¹⁷¹ Принудительный заем был отменен. Как писал Люсьен Бонапарт, «каждая из этих мер ежедневно укрепляла доверие капиталистов».¹⁷²

Делом, своеобразно венчавшим взаимное доверие двух сторон, явилось заседание у Наполеона 3 фримера VIII г. (24 ноября 1799 г) самых крупных банкиров и коммерсантов Франции — Жермэна, Давилье, Перье, Делессера, Сабатье, Фульширона, Рекамье, Малле, Перрего, Дуайана и др. Оно было созвано для установления прочных связей с деловым миром. Тогда же из пропагандистских соображений протокол его был издан отдельной брошюрой, и, таким образом, есть возможность наглядно представить позицию парижских предпринимателей.¹⁷³

Заседание началось с выступления Наполеона. Он сказал: «Я обращаюсь к тем людям, которые благодаря своему состоянию я кредиту, плодам промышленной деятельности, соединенной с добропорядочностью, могут способствовать торжеству революции, которая наконец даст французам правительство, пользующееся уважением как со стороны друзей, так и врагов республики... Все должно воодушевлять вас к тому, чтобы сделать наиболее благородные усилия... Объединимся же и сплотимся!»

Ответом была полная поддержка банкиров. «Мы все подпишемся, — заявил Малле. — Есть ли такой парижский банкир или торговец, который в столь ответственный момент, среди столь прекрасных надежд, не пожалел бы горько о том, что он не поспешил засвидетельствовать столь исключительное доверие правительству, которое на это имеет столько права». Банкир Жермэн заклеил Директорию, «этот несчастный режим, убивший всякое доверие».

Собрание единодушно приняло решение предоставить новому правительству кредит на 12 млн фр. золотом. Реально Наполеон получил меньше, около 3 млн. Но и это свидетельствовало о благосклонности французской буржуазии.

Правительственный официоз «*Moniteur*» по этому поводу писал: «Видно, что коммерция, несмотря на стесненность и даже опасность своего положения, с воодушевлением подписалась под авансом в 12 млн франков, предназначенным на самые насущные нужды наших армий. Ее упорство и верность являются залогом обязательств».¹⁷⁴

Умеренную революционную традицию Наполеон соблюдал и в кадровом вопросе. Основу его первых законодательных и исполнительных органов составили умеренные сторонники и участники буржуазной революции.¹⁷⁵

Анализируя состав этих органов, можно отметить, что примерно 110 «брюмерианской элиты» (из 500 человек) принадлежала к старой знати, а 13

составила потом императорскую знать. При этом чем выше уровень власти, тем больший процент составляли в ее органах члены ордена Почетного легиона и представители наполеоновской аристократии. На первых четырех ступенях власти (консулы, Государственный совет, министры, сенат) она достигала 80—90%. Таким образом, основная масса «брюмерианской элиты» принадлежала до революции к третьему сословию и только потом выдвинулась в высшие ряды императорской аристократии. В политическом плане, как видно из таблиц, составленных В.Гиссельманом, большая часть брюмерянцев состояла из бывших членов Учредительного и Законодательного собраний и Советов эпохи Директории.¹⁷⁶

Таковы были первые шаги нового режима. В дальнейшем отношения Наполеона и французской буржуазии не всегда складывались так идиллически, как сразу после переворота 18 брюмера. Порой возникали большие и маленькие конфликты между правительством и отдельными промышленниками, банкирами, купцами. Но в целом бонапартистский режим объективно, вопреки даже собственным симпатиям Наполеона (который, как известно, не любил банкиров), был откровенно буржуазным и защищал интересы собственников. Не случайно поэтому многие дельцы и банкиры были возведены в дворянские звания, получили аристократические титулы и ордена Почетного легиона. Например, из учредителей «Банк де Франс» графами стали Ле Кутё, Журню Обер, баронами —Тибон, Делессер, Давилье, Малле, Готтингер, Робийяр, Мюге де Варанж, дворянами — Виталь Ру, Перре, Моро, Жам и др.

«...Наполеон уже понимал истинную сущность современного государства; он уже понимал, что государство это имеет своей основой беспрепятственное развитие буржуазного общества, свободное движение частных интересов и т.д. Он решился признать эту основу и взять ее под защиту», — писали К.Маркс и Ф.Энгельс.¹⁷⁷

1 См. *Погосян В.А.* Директория в исторической литературе//Французский ежегодник: 1983. М., 1985.

2 См.: *Тарле Е.В.* Наполеон / Тарле Е.В. Соч.: В 12-ти томах. М., 1959. Т. 6; *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. М., 1971; *Далин В.М.* Люди и идеи. М., 1970.

3 *Mathiez A.* Le Directoire. P., 1934.

4 *Godechot J.* Regard sur l'epoque revolutionnaire. P., 1980.

5 *Сорель А.* Европа и Французская революция. Спб., 1906, Т.5. С.378.

6 *Вандаль А.* Возвышение Бонапарта. Спб., 1905. Ч. 1. С. 216.

7 *Stourm R.* Les finances du Consulat. P., 1902; *Marion M.* L'Histoire financier de la France depuis 1715. P., 1927. Т.3.

8 *Bergeron L.* Banquiers, negociants et manufacuriers parisiens. P., 1975. Т. 1—2; *Szramkiewicz R.* Les regents et censeurs de la Banque de France nommes sous le Consulat et l'Empire. P. et Geneve, 1974.

9 *Payard M.* Bonaparte et le fournisseur Collot//Revue des etudes napoleoniennes. 1935. N 153—154; *Levy A.* Un grand profiteur de guerre, Ouvrard. P., 1928; *Liesse.* Portraits des financiers. P., 1908.

10 *Pretot M.* Histoire des idees politiques. P., 1959; *Duverger M.* La monarchie republicaine ou comment les democraties se donnent des rois. P., 1974; *Remond R.* La vie politique en France depuis 1789. Т.1: 1789—1848. P., 1965.

11 *Napoleon I.* Correspondence. Т.1—32. P., 1859—1870.

12 Paris pendant la reaction thermidorienne et sous le Directoire//Recueil des documents... par A.Aulard. P., 1899—1902. Т.1—5; Paris sous le Consulat... P., 1903—1906. Т.1—4.

13 *Szramkiewicz R.* Op.cit. P.XLX.

14 Ibid. P.XLV.

15 Ibid. P.XLV.

- 16 Ibid. P.213—224.
- 17 Ibid. P.225—232.
- 18 Ibid. P.XLV.
- 19 Ibid. P.60—74.
- 20 Собыль А. Первая республика. М., 1974. С.380.
- 21 L'Histoire economique et sociale de la France. Т.3. Vol. 1. P., 1976, P.109—120.
- 22 Ibidem.
- 23 Levy A. Un grand profiteur de guerre, Ouvrard. P., 1928.
- 24 Тарле Е.В. Жерминаль и прериаль // Тарле Е.В. Соч.: В 12-ти томах. Т.6. С.344.
- 25 Ouvrard G. Memoires. P., 1834. Vol.2. P.300—344.
- 26 Тарле Е. В. Жерминаль и прериаль. С.344.
- 27 Godechot J. La vie quotidienne en France sous le Directoire. P., 1977, P.111.
- 28 Ibid. P. 113.
- 29 Ibid. P. 113—114.
- 30 Ibid.
- 31 Ibid. P. 98—99.
- 32 Ibid.
- 33 Aulard A. La Revolution Francaise et le regime feodale. P., 1919. P.262—263.
- 34 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.2. С.136—137.
- 35 Napoleon I. Correspondence. Т.6. P.15.
- 38 Куне Э. Революция и критика ее. М., 1908. Т.2. С.207.
- 37 Ollivier A. Le dix-huit brumaire. P., 1959. P.IX.
- 38 Ouvrard G. Memoires. P., 1826. Vol.1. P.37.
- 39 Stourm R. Les finances du Consulat. P., 1902. P.40.
- 40 См.: Вандаль А. Указ.соч. Т.1. С.18—22.
- 41 См.: Сюратто Ж. Бабувисты, «красная опасность» и пропаганда Директории // Французский ежегодник: 1960. М., 1961; Дотри Ж. Бабувистская традиция после смерти Г. Бабефа и до революции 1830 г.//Французский ежегодник: 1960. М., 1961; Собыль А. Указ.соч.; Далин В.М. Наполеон и бабувисты // Далин В.М. Люди и идеи. М., 1970; Woloch I. Jacobin Legacy: The Democratic movement under the Directory. Princeton, 1970.
- 42 См.: Старосельский Я.В. Проблема якобинской диктатуры. М., 1930. С.221.
- 43 См.: Тарле Е.В. Жерминаль и прериаль.
- 44 Буонарроти Ф. Заговор во имя равенства. М; Л., 1948. Т. 1. С. 269.
- И5 ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 4, д. 25 (Доклад агента Директории общественного спасения в 6-м округе о готовности к восстанию, л. 1—2; Доклад того же агента о наличии оружия в округе, л. 3—4; Список канониров, патриотов, контрреволюционеров секции Ломбар, л.5—7; Список канониров, патриотов, контрреволюционеров секции Тамплъ, л. 8—11. В деле хранятся другие такие же донесения). В д.26 имеется доклад Ш.Жермэна, агента 5-го округа, о росте рядов сторонников Г.Бабефа (л.3—4). Агенты составляли и списки «врагов Родины» (см., например: д.27, л.20—21; д. 31, л. 6—8, 29—32).
- 46 ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.4, д.30, л.27 (Циркулярное письмо Директории общественного спасения своим главным агентам в 12 округах Парижа с просьбой прислать дополнительные данные о наличии оружия, снаряжения и продовольствия. 19 апреля 1796 г.).
- 47 ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.4, д.11. Об этом см.: Cobb R. Note sur la repression // Annales historiques de la Revolution Francaise. 1954. N 134. P.241.
- 48 Буонарроти Ф. Указ. соч. М.; Л., 1948. Т.2. С.70.
- 49 Lefebvre G. Le Directoire. P., 1959. P.124.
- 50 Олар А. Политическая история Французской революции. М., 1938. С.284.
- 51 Сюратто Ж. Указ.соч. С.118.
- 52 Наполеон. Избранные произведения. М., 1941. С.70. Высокую оценку генералу Ожеро дал Ф.Буонарроти. См. об этом: Saitta A. F.Buonarrotti. Т.1-2. Roma, 1950—1951. Т.2. P.145.

- 53 О П.-Ж. Врио см.: *Mathiez A.* L'origine franc-comtoise de la charbonnerie-italienne // *Annales historiques de la Revolution Francaise.* 1928. P.551—561.
- 54 ЦПА ИМЛ, ф. 223, он. 4, д. 188, л. 25; ф. 470, он.1, д.4, л.50—51.
- 55 *Сюрраммо Ж.* Указ.соч. С.100.
- 56 *Aulard A.* Les derniers jacobins//*Etudes et lecons sur la Revolution Francaise.* P., 1913. P.92—94.
- 57 Ibid. P.94.
- 58 Paris... sous le Directoire. Т.5. P.621.
- 59 Ibid. P. 614, 617, 656.
- 80 *Aulard A.* Les derniers jacobins. P.99.
- 61 *Saitta A.* Op.cit. Vol.2. P.39—41.
- 82 *Aulard A.* Les derniers jacobins. P.100—102.
- 83 Ibid. P.109—110.
- 84 Paris... sous le Directoire. Т.5. P.666; Archives Nationales. P 6267. Inventaire analitique et exact des pieces trouvees chez le M. Metge (в этом картоне хранится проект конституции, составленный М.Метжем в якобинском духе).
- 85 Paris... sous le Directoire. Т.5. P.666.
- 86 Ibidem.
- 87 Ibidem.
- 88 *Payard M.* Bonaparte et le fournisseur Gollog. P.130.
- 89 *Ollivier A.* Op.cit. P.XL
- 70 *Ivernois.* Des causes qui ont amene l'usurpation du general Bonaparte. P., XIII. P.89.
- 71 Paris... sous le Directoire. Т.5. P.661—662.
- 72 Ibid. P.723.
- 73 Ibid. P.641.
- 74 *Marion M.* Op.cit. Т.4. P., 1928. P.160.
- 75 *Meynier A.* Les coup s d'Etat du Directoire. Т.3. P., 1928. P.12—13.
- 78 См.: *Погосян В.А.* Переворот 18 фрюктидора // *Вестн. Ерев. ун-та.* 1980. № 2 С.179.
- 77 В Архиве внешней политики России имеются письма Людовика XVIII русскому императору Павлу I с просьбами о всякого рода поддержке, в том числе и финансовой (АВПР, фонд «Сношения России с Францией», 1799 г., оп. 93/7, д.1299).
- 78 *Godechot I.* Regard sur l'epoque revolutionnaire. P. 125—158.
- 79 *Манфред А.* З. Указ.соч. С.233.
- 80 *Memoires du general d'Andigne.* P., 1900. Т.1. P.444—452; *Memoires et souvenirs du baron Hyde de Neuville.* P., 1892. Т.1. P.268—275.
- 81 *Godechot J.* La contre-revolution. P., 1961. P.361—362.
- 82 Ibid. P.361—365.
- 83 По одной из версий, термин происходит от французского «chat-huanfr — «сова».
- 84 *Вандаль А.* Указ. соч. Т. 1. С. 168.
- 85 *Бальзак О.* Шуаны, или Бретань в 1799 г. / *Бальзак О.* Собр.соч.: В 24-х томах. М., 1960. Т.16. С.131.
- 86 *Вандаль А.* Указ.соч. Т.1. С.170.
- 87 *Godechot J.* La contre-revolution... P.348.
- 88 Ibid. P.60.
- 89 *Вандаль А.* Указ.соч. Т.1. С.178—179.
- 90 *Олар А.* Указ.соч. С.819.
- 91 *Pierjet.* Declaration des jacobins concernant le massacre des prisons: Ser vient prete par ces brigands en rassemblement secret, tendant a perdre dans l'opinion publique les generaux... P., VIII.
- 92 *Duchamp.* Gare nos tetes: Les jacobins organisent un tribunal revolutionnaire... P., VIII.
- 93 *Saunier.* Liste generate noms et adresses... P., VIII. P.2.
- 94 X....X. Liste des principaux animaux jacobins. P., VIII.
- 95 Desespoir des jacobins; et leur depart pour les frontitieres. P., VIII.

- 96 *Deqorein*. Qui sauvera la France si les jacobins triomphent. P., VII. P. 6.
- 97 *F... La Terreur! La Terreur! Francais...* P., VIII. P.1—2.
- 98 АВПР, фонд «Сношения России с Францией», 1799 г., оп. 93/VII, д.41/1336, л. 5 (о распространении якобинских произведений в Париже см. в том же деле: л.9).
- 99 *Paris... sous le Directoire*. Т.5.
- 100 *Собуль А.* Указ.соч. С.299.
- 101 *Mathiez A.* Op.cit. P.338.
- 102 *Godechot I.* Regard sur l'epoque revolutionnaire. P. 145.
- 103 *Thibaudeau A.-C.* Memoires. P., 1893. Т.2. P, 338.
- 104 *Mathiez A.* Op.cit. P.342.
- 105 *Constant B.* Des suites de la contre-revolution en Angleterre. P., 1799. P.94.
- loe *Mathiez A.* Op.cit. P.343—346.
- 107 *Stael G. de.* Des circonstances actuelles, qui peuvent terminer la revolution... / Pulbl. Par J.Viennot. P., 1906.
- 108 *Lefebvre G.* La France sous le Directoire. P., 1977. P. 705. О произведениях Констан и Буле (из департ. Мёрт) идет речь о донесении роялистского агента Людовику XVIII (АВПР, фонд «Сношения России с Францией», 1799 г., оп. 93/VII, д. 41/1336, л.9—10).
- 109 О своих надеждах, связанных с брюмерианским заговором, Баррас откровенно рассказал в своих воспоминаниях (*Barras P.* Memoires. P., 1894. Т.3).
- 110 О взглядах Сийеса см.: *Bastid P.* Sieyes et sa pensee. P., 1939; *Marquant R.* Les archives de Sieyes. P., 1970.
- 111 О позиции «Decades philosophiques» см.: *Kitchin I.* Un journal «philosophique»: La Decade, 1794—1807. P., 1965.
- 112 *Lefebvre G.* La France sous le Directoire. P.710.
- 113 *General Bertrand.* Cahiers de Sainte-Helene. P., 1959. Т.3. P.225.
- 114 *Буонаппоти Ф.* Указ.соч. Т.1. С.181—183.
- 115 Об этом см.: *Туган-Барановский Д.М.* Наполеон и республиканцы. Саратов, 1980. С.19—24.
- 116 Correction a la gloire de Bonaparte ou lettre a ce general. Venise — P., an VI. Pamфлет был подписан семью буквами: «P.S.M.L'H.S.D.>. Они расшифровываются так: «Pierre-Sylvain Marechal. L'Homme sans Dieu». В начале XX в. памфлет был переиздан А.Матъезом (*Mathiez A.* Une brochure anti-bonapartiste en l'an VI: Les predictions de S.Marechal // La Revolution Francaise. 1903. Janv.—juin. P.249—255.
- 117 *Стендаль.* Собр. соч.: В 15-ти томах. М., 1959. Т.11. С.19.
- 118 *Napoleon.* Pensees pour Taction. P., 1943. P.10—12.
- 119 *Napoleon I.* Correspondance. Т.4.
- 120 *Талейран.* Мемуары. М., 1959. С.152,
- 121 *Godechot J.* Regard sur l'epoque revolutionnaire. P.145—147.
- 122 *Paris... sous le Directoire*. Т.5. P.210.
- 123 Ibid. P.498.
- 124 Ibid. P.724.
- 125 *Godechot I.* Regard sur l'epoque revolutionnaire. P.146—147.
- 126 *Godechot J.* Les institutions franchise. P., 1959. P.474—475.
- 127 Ibid. P.474—477.
- 128 См.: *Прело М.* Конституционное право Франции. М., 1957. С.117, 429 См.: *Олар А.* Указ.соч. С.819—820.
- 130 *Barras P.* Memoires. Т.3. P.494.
- 131 АВПР, фонд «Сношения России с Францией», 1799 г., оп.93/7, д.1299, л.5.
- 132 Там же, д. 1341, л.53—55.
- 133 Там же, д. 1299, л.37.
- 434 *Манфред А.З.* Указ.соч. С.233—234.
- 135 См.: *Бутенко В.А.* Либеральная партия во Франции в период Реставрации. Спб., 1913. Т.1.
- 136 *Ленин В. И.* Полн.собр.соч. Т.29. С.145.

- 137 *Алексеев-Попов В.С.* В чем и где следует видеть окончание Великой французской революции XVIII в.?//Доклады симпозиума по истории Франции XVIII столетия и ее связей с Россией, Украиной и Молдавией. Кишинев, 1970. С. 27-28.
- 138 *Ревуненков В.Г.* О хронологических рамках Великой французской революции // Вестн. ЛГУ. 1979. № 14. Вып.3. С.31—32.
- 139 «...Наполеоновская эра, — писали В.Марков и А.Собуль, — в некоторых своих существенных пунктах оставалась неразрывно связанной со своим революционным исходным пунктом» (*Markov W., Soboul A.* 1789: Die Grosse Revolution der Franzosen. Berlin, 1975. S.424—426).
- 140 Цит. по: *Вандаль А.* Указ. соч. Т.1. С.535.
- 141 *Бутенко В.А.* Указ. соч. С. 69—70.
- 142 *Gautier P.* M-me de Stael et Napoleon. P., 1903. P.24.
- 143 *Fievey J.* Du dix-huit brumaire oppose au systeme de la terreur. P., 1802. О Ж. Фьеве см.: *Histoire generale de la presse francaise.* P., 1969. Т.1. P.558.
- 144 *Fievey J.* Op.cit. P.20—22.
- 145 Ibid. P.29—33.
- 146 Ibid. P.35—36.
- 147 «Общественное мнение, — заявил Наполеон в беседе с якобинцем М.-А.Жюльеном, — это лошадь, иногда капризная, которую я пытаюсь обуздать» (ЦПА НМЛ, ф.317, оп.1, ед.хр.1147).
- 148 *Мишле Ж.* История XIX в. Спб., 1889. Т.1. С.312—313.
- 149 *Стендаль.* Воспоминания о Наполеоне//Стендаль. Соч. в 15-ти томах. М., 1959. Т.11. С.354.
- 150 Там же. С. 355.
- 151 *Мишле Ж.* История XIX в. Т. 1. С. 320.
- 152 *Собуль А.* Герой, «легенда», история // Французский ежегодник: 1969. М., 1971. С.250.
- 153 *Szramkeiwicz R.* Op.cit.
- 154 *Stourm R.* Op.cit. P.53—54.
- 155 *Ouvrard G.* Memoires. Vol.1. P.42—50.
- 156 *Due de Raguse.* Memoires. P., 1831. P.43.
- 157 *Буриенн.* Записки о Наполеоне. Спб., 1834. Т.2. Ч.IV. P.111,130,134.
- 158 Там же. С.146.
- 159 Там же. С.149—150.
- 160 Там же. С.152.
- 161 *Memoires historiques sur le dix-huit brumaire.* P., 1816. P.12—13. 182 *Szramkiewicz R.* Op.cit. P.219—318.
- 163 *Буриенн.* Указ.соч. Т.2. Ч.IV. С.27.
- 164 *Le Couteulx de Canteleu.* Souvenirs//Bibliotheque des Memoires relatifs a l'histoire de France pendant le 18-e siecle. Nouv.ser. Т.XXX. Vol.2. P., 1875. P. 215, 216, 217.
- 165 Ibid. P.218.
- 166 *Вандаль А.* Указ.соч. Т.1. С.299.
- 167 *Bergeron L.* Op.cit. P. 140.
- 168 *Вандаль А.* Указ. соч. Т.1. С.298 (примеч.).
- 169 *Мишле Ж.* История XIX в. Т.2. Спб., 1889. С.300—301.
- 170 *Bergeron L.* Op. cit. P. 382.
- 171 *Iung Th.* Lucien Bonaparte. P., 1893. P.374.
- 172 Ibid. P.375.
- 173 *Proces-verbal de la seance des banquiers et negociants convoques chez le consul Bonaparte.* P., VIII.
- 174 *Le Moniteur universel,* du 29 frimaire an VIII.
- 475 См. таблицы в кн.: *Туган-Барановский Д.М.* У истоков бонапартизма (Происхождение режима Наполеона I). Саратов, 1986. С.192.
- 176 *Giesselmann W.* Die brumairianische Elite. Stuttgart, 1977. S.611—633.
- 177 *Маркс К, Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.2. С.137.

БУРЖУАЗИЯ И ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

М.: издательство Московского государственного университета.
1989. С.143-189, 204-208 примеч.

Редакционная коллегия серии
«ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ДОКУМЕНТЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ»:

д.и.н., проф. А.В.Адо (председатель), к.и.н. В.Н.Горохов, д.и.н., проф. В.М.Далин, академик Ю.С.Кукушкин, д.и.н., проф. Г.С.Кучеренко, д.и.н., проф. В.П.Смирнов, д.и.н., проф. Е.Ф.Язков

Рецензенты: кандидат исторических наук Е.И.Федосова, кандидат исторических наук Г.С.Черткова Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Московского университета

В книге рассматриваются социальный облик буржуазии и ее место в сложной, имевшей переходный характер структуре французского общества в конце старого порядка; формирование класса капиталистов как господствующего класса новой буржуазной Франции; складывание буржуазной политической группировки жирондистов, сыгравшей большую роль в первые годы революции; политическая эволюция верхов буржуазии на пути к бонапартистскому перевороту 18 брюмера. Для специалистов-историков, научных работников, преподавателей.

См. также предисловие А.В.Адо к серии сборников:
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p57334957.htm#more1>

ПОЛНОЕ СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКА И ССЫЛКИ НА ДРУГИЕ ОЧЕРКИ

Е.М.Кожокин. Французская буржуазия на исходе Старого порядка

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/kozhokin.pdf>

Э.Е.Гусейнов. Жиронда в период Законодательного собрания

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/guseinov1.pdf>

Д.М.Туган-Барановский. На пути к брюмеру

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/bourg_tug-baran.pdf

предисловие А.В.Адо к сборнику

<http://vive-liberta.diary.ru/p176192923.htm?oam#more1>

Веб-публикация: Vive Liberta, 2012

Александр Васильевич Ревякин **БУРЖУАЗИЯ ПОСЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ** **первая половина XIX в.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗИЯ
2. ЗЕМЕЛЬНЫЕ СОБСТВЕННИКИ, БАНКИРЫ, ПРОМЫШЛЕННИКИ
3. КОНСОЛИДАЦИЯ НОВОГО ГОСПОДСТВУЮЩЕГО КЛАССА
4. БУРЖУАЗИЯ И ПРАВЛЕНИЕ «НОТАБЛЕЙ»
5. ПРОЦВЕТАНИЕ И КРИЗИС ПРАВЛЕНИЯ БУРЖУАЗНЫХ «НОТАБЛЕЙ»

Французская революция явилась важнейшим этапом превращения буржуазии из подчиненного феодально-абсолютистскому порядку общественного класса в господствующий. Ее преобразования оказали глубокое и долговременное влияние на различные стороны этого процесса. Поэтому оценить в достаточной мере значение революции для развития буржуазии можно только в исторической перспективе, охватывающей по крайней мере несколько десятилетий XIX в.

Вопрос о влиянии революции на положение буржуазии во французском обществе первой половины XIX в. оживленно дискутируется зарубежными историками. Особое внимание привлекли к нему попытки ряда современных авторов пересмотреть классическую интерпретацию Французской революции как буржуазной¹. А. Коббен прямо писал: «Следует признать, что господствующим классом во Франции первой половины XIX в. были крупные земельные собственники»². Он отвергал мнение о господстве в то время класса капиталистических предпринимателей как «голословное», основанное на ложной, по его представлению, посылке, что Французская революция XVIII в., «будучи капиталистической революцией, должна была установить правление предпринимателей»³.

Большое влияние на зарубежные исследования в этой области оказал крупный ученый Э. Лабрусс. Еще в 1955 г. он поставил задачу использовать методы эмпирической социологии для выяснения социопрофессиональной структуры буржуазии, а также социальной психологии ее отдельных слоев и групп. С этой целью Лабрусс призвал историков обратиться к новым видам источников, таким, как списки избирателей, документы фиска, акты государственной регистрации и нотариата, демографическая статистика⁴.

С начала 1960-х годов во Франции, а затем и в других зарубежных странах вышел ряд крупных работ по истории буржуазии первой половины XIX в.⁵ Некоторые из них, опираясь на методы эмпирической социологии, оставляют в стороне главные классообразующие признаки. Это приводит к попыткам осмыслить историю буржуазии в категориях теорий социальной стратификации и элит, буржуазно-апологетическую заданность которых отмечали советские социологи⁶.

Особенно часто в современной немарксистской историографии «буржуазное общество» Франции середины XIX в. изображается как «общество элит, которое на всех уровнях и во всех сферах преследовало цель дать первенство самым способным, толковым, уважаемым людям, словом — лучшим»⁷. При этом утверждается,

что буржуазия, не обладая «монополией ни на собственность... ни на социальное первенство, ни на влияние», была не «высшим или правящим классом», а лишь одной из «параллельных иерархий» наряду с дворянством и католической церковью⁸.

Идеологическая заданность этих исследований отнюдь не снижает ценности введенного их авторами в научный оборот огромного материала, равно как и целого ряда их конкретных выводов и обобщений. Они существенно обогатили представления о составе буржуазного класса, о характере и динамике происходивших в нем структурных изменений, о социально-психологическом облике различных его групп и слоев. Накопленные в современной науке, особенно благодаря региональным и отраслевым исследованиям, данные важны для решения проблемы становления нового господствующего класса Франции. В частности, они позволяют рассмотреть вопросы о том, сложился ли во Франции первой половины XIX в. новый класс капиталистических предпринимателей; играл ли он политически руководящую роль; какое влияние оказала революция конца XVIII в. на процесс его формирования. Обратиться к этим вопросам тем более необходимо, что в советской историографии они специально не рассматривались⁹.

Большую методологическую сложность при изучении влияния Французской революции на процесс становления классового господства буржуазии представляет то, что превращение буржуазии в господствующий класс было следствием не только революционных преобразований конца XVIII в., но и более растянутых во времени перемен в социально-экономическом базисе, связанных с развитием нового способа производства.

Говоря о роли революционных преобразований, надо в первую очередь отметить их воздействие на возникновение во Франции первой половины XIX в. новой социально-политической структуры, которая в целом благоприятствовала возвышению буржуазии во всех сферах общественной жизни. Она характеризовалась рядом устойчивых черт: формальным равенством всех французов перед законом, представительным характером государственного правления, признанием политических прав граждан и т. д. В результате революции была выработана система гражданского права, отвечавшая интересам буржуазных собственников, в том числе капиталистических предпринимателей. Кроме того, революция оказалась долговременным фактором политизации страны. Наконец, она непосредственно выдвинула на руководящие позиции новый политический персонал, который образовал костяк буржуазной политической элиты в первые два-три десятилетия после революции.

Непосредственно повлияла революция и на социально-экономическое положение буржуазии. Причем влияние это было весьма противоречивым. Длительная политическая нестабильность, войны, нарушившие традиционные экономические связи Франции с другими странами, инфляция ассигнатов и т. д. нанесли ощутимый урон накопленному прежде богатству этого класса. Можно представить масштабы материальных потерь буржуазии за время ре-

волюции, если учесть, что даже в 1800 г., когда французская экономика была снова на подъеме, объем промышленного производства в лучшем случае составлял всего лишь 60 % от уровня 1789 г.¹⁰ Но одновременно годы революции были периодом быстрого обогащения буржуазии за счет приобретения национальных имуществ и спекуляций при их продаже и перепродаже, поставок в армию, почти непрерывно воевавшую с 1792 г., а также финансовых операций, в частности при переходе в годы Директории от обесцененных ассигнатов к твердому денежному обращению. Большинство крупных буржуазных состояний первой половины XIX в., о которых А. Домар удалось собрать сведения, были хотя бы частично созданы благодаря операциям с национальными имуществами¹¹. Очевидно, воздействие политических событий конца XVIII — начала XIX в. на разные фракции, группы, слои буржуазии было различным, как неодинаковы, например, были для них и последствия инфляции в годы революции¹².

В социально-экономическом отношении влияние революции на положение французской буржуазии было ограничено рамками исторической необходимости, заданными в конечном счете переживаемым этапом в развитии капиталистического способа производства. Перемены в социально-экономическом базисе выступали как решающий фактор превращения буржуазии в господствующий класс. Характеризуя развитие двух основных классов капиталистического общества, Ф. Энгельс писал: «Как буржуазия, так и пролетариат возникли вследствие перемен в экономических отношениях, точнее говоря — в способе производства. Оба эти класса развились благодаря переходу сначала от цехового ремесла к мануфактуре, а затем от мануфактуры к крупной промышленности, вооруженной паром и машинами»¹³. Отсюда — внимание, которое следовало бы уделить характеру протекания промышленной революции. При этом важно учитывать, что Французская революция не только создала необходимые социально-политические предпосылки промышленной революции, но и повлияла на форму, в которой последняя происходила.

1. ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗИЯ

В свете советских и новейших зарубежных исследований¹⁴ представляется возможным выделить в развитии промышленной революции во Франции две ступени, различавшиеся по преобладанию тех или иных форм и методов технико-экономических и социальных преобразований. Первая из них характеризовалась преимущественно экстенсивным развитием экономики и относительной устойчивостью унаследованных от прошлого про-

изводственных отношений. Это была своеобразная ступень распространения промышленной революции «вширь». Вторую отличал переход к интенсивным формам и методам хозяйственной деятельности, сопровождавшийся более быстрой ломкой устаревших производственных отношений. Она может быть определена как ступень развития промышленной революции «вглубь».

Начало промышленной революции относится к первому десятилетию XIX в., когда машинное производство вытеснило ручной труд в хлопкопрядении, хотя новая техника стала распространяться здесь еще в 1770—1780-е годы¹⁵.

Вслед за хлопкопрядением технический переворот охватил и некоторые другие отрасли — бумаготкачество и ситцепечатание, производство шерстяных тканей, химическую промышленность. Во второй четверти XIX в. он распространился на производство шелковых и льняных тканей, металлургию, машиностроение, транспорт.

Несмотря на бесспорные и весомые успехи в развитии машинной индустрии, технический переворот происходил крайне неравномерно и — что важно отметить — в узких рамках. Это объяснялось быстрым параллельным развитием мелкого ручного производства, рост которого достигал 2,4—3 % в год¹⁶.

Главным источником жизнеспособности мелких, базировавшихся на ручном труде предприятий в первой половине XIX в. была эксплуатация дешевой рабочей силы, большие резервы которой имелись в сельской местности. Широкое распространение получили такие традиционные формы вовлечения сельского населения в этот сектор, как домашняя промышленность и рассеянная мануфактура. Чрезвычайно противоречивые по своей социально-экономической сущности, они в первой половине XIX в. выступали и как пережиток ранних, уже архаичных стадий капиталистического производства, и как «внешнее отделение фабрики»¹⁷ непосредственно организуемое и руководимое фабрикантом, чтобы восполнить то или иное звено еще не до конца механизированного производственного цикла. Это последнее качество сельской домашней промышленности и рассеянной мануфактуры, приобретенное уже в XIX в., позволило Ф. Энгельсу рассматривать их рост как своеобразный способ «распространения промышленной революции на деревню», ее развития «вширь»¹⁸.

Между подъемом крупной машинной индустрии и развитием мелкого ручного производства в это время отчетливо прослеживается взаимосвязь. Технический переворот в нескольких основных отраслях резко поднял спрос на разнообразные виды сырья и полуфабрикатов, приводил к образованию узких мест в экономике, ликвидировать которые на новой технической базе в кратчайшие сроки в тех условиях не представлялось возможным. Поэтому экономически выгодно было расширять ручное производство, благо препятствий тому в стране, располагавшей значительными запасами избыточной рабочей силы, не имелось. При этом развитие сельской домашней промышленности и мануфактуры служило

важным способом пролетаризации крестьянства, ослабления уз его беднейшей части с парцеллой, формирования из нее резервной армии для растущей крупной индустрии.

Распространение сельской домашней промышленности и мануфактуры выражало сущность экстенсивной ступени промышленной революции. В экономическом плане оно означало ставку на ускорение промышленного роста посредством наиболее полного использования затрат труда при экономии капиталозатрат, а в социальном — широкое применение методов формального подчинения труда капиталу, поскольку возможности реального подчинения были ограничены в силу занятости основной массы рабочих рук в парцеллярном хозяйстве.

Традиционные формы и методы хозяйственной деятельности не исключали быстрого развития механизированного сектора экономики. Они не столько служили препятствием крупной машинной индустрии, сколько объективно готовили для нее почву. В социально-экономическом развитии Франции того времени сложился своеобразный «дуализм» (или «симбиоз») традиционных доиндустриальных и новейших индустриальных форм хозяйственной деятельности и производственных отношений.

Начиная с 1830-х годов Франция постепенно стала переходить на интенсивный путь социально-экономического развития. К этому времени исчерпал свои возможности метод снижения издержек производства посредством эксплуатации дешевой сельской рабочей силы. Одновременно сложились условия для завершения технического переворота в основных отраслях промышленности и на транспорте. Экономический кризис конца 40-х годов положил конец динамичному развитию мелкого ручного производства. Оно вступило в период застоя или замедленного роста, тогда как общий темп промышленного роста Франции в середине XIX в. повысился. Нарастающий упадок сельской домашней промышленности и мануфактуры наряду с началом механизации сельского хозяйства привел в середине XIX в. к началу массового «исхода» из деревни бедноты, вливавшейся в резервную армию труда крупной индустрии¹⁹. В связи с повышением роли технического прогресса в экономическом развитии возросли капиталозатраты промышленников, выражавшие их внимание к совершенствованию материально-технической базы производства. В этих условиях расширились возможности для реального подчинения труда капиталу. Следовательно, коренная ломка производственных отношений под влиянием машин, составлявшая сущность промышленной революции, сбросила, наконец, оболочку традиционных форм производства и приобрела классический, отчетливый характер.

* * *

Преобладанием экстенсивных факторов социально-экономического развития в первые десятилетия промышленной революции

во многом объясняются особенности положения французской буржуазии. Главная из них заключалась в переплетении «двух путей» преобразования способа производства, охарактеризованных К. Марксом в главе «Из истории купеческого капитала» III тома «Капитала»²⁰.

Как известно, на мануфактурной стадии развития капитализма главной и самостоятельной формой капитала остается, как и в прежние времена, купеческий или торговый капитал, который исторически предшествует капиталистическому способу производства. Еще до начала промышленной революции начинается процесс превращения торгового капитала в промышленный. Он заключается в том, что купцы выступают организаторами промышленного производства в форме простой капиталистической кооперации или рассеянной мануфактуры. С этого времени все более распространенной фигурой становится капиталист переходного от торговца к промышленнику типа. Он как бы воплощает один из исторических путей перехода от феодального к капиталистическому способу производства, когда, по словам К. Маркса, «купец непосредственно подчиняет себе производство», «непосредственно становится промышленником»²¹.

Для понимания роли и значения капиталистов этого типа очень важна характеристика, данная Марксом купеческому капиталу: «Самостоятельное и преобладающее развитие капитала как купеческого капитала равносильно неподчинению производства капиталу, т. е. равносильно развитию капитала на основе чуждой ему и не зависимой от него общественной формы производства. Следовательно, самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества»²². Поэтому, заключает Маркс, «как ни велико историческое значение последнего пути в качестве переходной ступени... все же этот путь сам по себе не ведет к перевороту в старом способе производства, так как он скорее консервирует и удерживает его как свою предпосылку»²³.

К. Маркс вместе с тем подчеркивал, что существование и развитие купеческого капитала «до известной степени само является историческим условием для развития капиталистического способа производства»²⁴. Полное же использование всех подготовленных купеческим капиталом условий для перехода к новому способу производства Маркс связывал с тем, что производство овладевает сферой обращения — «производитель», «промышленник становится купцом и непосредственно производит в крупных размерах для торговли»²⁵. Это подчинение купеческого капитала промышленному, его превращение в обособившуюся часть последнего Маркс охарактеризовал как «действительно революционизирующий путь»²⁶, т. е. фактически обеспечивающий революцию в способе производства.

К последней четверти XVIII в. Франция являлась страной развитого купеческого капитала. Внешняя торговля была процветающей отраслью экономики, оборот которой в 1716—1787 гг. возрос

в 10 раз²⁷. Активная заморская торговля, преимущественно с колониями в Вест-Индии, стимулировала промышленный подъем в западных и южных районах страны. Тенденция к расширению производства обусловила начало технического переворота в хлопкопрядении.

Однако препятствием развитию капитализма служили многочисленные ограничения свободы конкуренции, свободы реализации промышленным капиталом своей «революционизирующей» потенции, связанные с пережитками феодализма и абсолютистским строем. Французская революция сняла эти ограничения. Такие ее преобразования, как уничтожение феодальных повинностей крестьян, упразднение монополий и привилегий всякого рода, учреждение свободы частного предпринимательства, унификация национального рынка, и многие другие, обеспечили необходимый простор производительным силам, способствовали подъему на рубеже XVIII—XIX вв. крупной машинной индустрии.

Вместе с тем торговый капитал в результате революции сохранил способность к развитию. Своеобразный путь решения аграрного вопроса, победивший в ходе революции, укрепил парцеллярную структуру крестьянского землевладения, которая служила источником аграрного перенаселения. Это способствовало преобладанию экстенсивных факторов социально-экономического развития и после революции. Первые десятилетия индустриализации были порой процветания капиталиста переходного типа — торговца, который инвестировал часть своего капитала в промышленное производство.

Этот социальный тип был представлен как мелкими «торговцами-фабрикантами», раздававшими сырье рабочим домашней промышленности или стоявшими во главе рассеянной мануфактуры, так и крупными негоциантами, совмещавшими роли купца, банкира и промышленника. Их капитал частично функционировал уже как промышленный. Однако организованное ими производство служило лишь дополнением традиционной посреднической торговли. Поэтому деятельность «торговца-фабриканта» или негоцианта непосредственно не вела к преобразованию общественных отношений, хотя и готовила для них почву. Крупные капиталовложения в земельную собственность, государственную ренту отражали их тесную связь с традиционными формами богатства, каналами обогащения и средствами производства.

Капиталист переходного типа олицетворял преемственность между старым порядком и послереволюционной Францией, в которой как бы более полно реализовались возникшие гораздо раньше возможности экстенсивного роста капиталистического уклада экономики. Французский историк Л. Бержерон сравнивает эту группу капиталистов с плодородным гумусом, из толщи которого «прорастали новейшие разновидности капитализма»²⁸.

Двойственная роль купеческого капитала особенно ярко проявилась в условиях сложной экономической конъюнктуры революционных лет. С одной стороны, экономический спад середины 1790-х

годов и крах обслуживавшего колониальную торговлю сектора промышленности отвращали буржуазию от производственных инвестиций, с другой — продажа национальных имуществ и необходимость снабжения армии открывали перед ней заманчивую перспективу спекулятивной наживы. Благодаря всякого рода спекуляциям «за несколько лет возник и обогатился целый класс деловых людей»²⁹.

Одним из наиболее заметных представителей этого «класса» был Г. Уврар, поставщик продовольствия военно-морскому флоту во времена Директории. Представление о размерах его огромного состояния дает то, что при разверстке 100-миллионного займа 19 термидора VII г. его взнос достигал 50 тыс. фр.³⁰ Прибылями от военных поставок финансировались спекуляции национальным имуществом. Тот же Уврар в IV г. Республики купил поместья в департаментах Эндр и Эндр-и-Луара, которые спустя пять лет продал за 800 тыс. фр. вместе с другой земельной собственностью, оценивавшейся в 350 тыс. фр.³¹ Прибыли от спекулятивных операций редко инвестировались в промышленное производство. Л. Бержерон считает «нетипичным» поведение Ф. Ришара, который, разбогатев в 1790-е годы на торговле контрабандным английским полотном, занялся при Консульстве промышленным предпринимательством³². Чаще всего приобретенные таким путем капиталы вкладывались в недвижимость. Характерен пример некоего Поле, военного поставщика периода Директории, сколотившего огромное недвижимое состояние, которое при Реставрации оценивалось в 500 тыс. фр. ренты³³.

Стремление к спекулятивной наживе овладело широкими слоями торговой буржуазии начала XIX в. Например, в Тулоне «типичный негодант», как отмечает М. Агюлон, предпочитал стать не «промышленником», а «поставщиком»³⁴.

Все это привело к усилению позиций торгового капитала. Характеризуя участие парижской буржуазии в «первом натиске промышленной революции» 1800-х годов, Л. Бержерон пишет: «Нет сомнения, что технически Париж был на острие прогресса. Но экономически, социально это участие оставалось под контролем торгового капитала... который, отличаясь несомненной широтой взгляда и деловой хваткой, все же был совершенно неоригинален в своих структурах»³⁵.

Важным признаком преобладания торгового капитала в начале XIX в. был заметный рост вложений буржуазии в недвижимую собственность в ущерб инвестициям. Такого рода непроизводительные вложения привлекали буржуазию не только своей «надежностью», что в условиях политической и военной нестабильности было немаловажным мотивом поведения, но и высоким общественным престижем, которым пользовались крупные землевладельцы. Стремясь приспособиться к общественным отношениям, в основе которых лежала собственность на землю как главное средство производства, торговый капитал проявлял свою неспособность к их коренному преобразованию.

Новейшие данные свидетельствуют, что после революции возросли и уж во всяком случае длительное время оставались на высоком уровне как доля буржуазии (недворян), так и удельный вес землевладельцев-рантье в целом в социальной структуре французского крупного землевладения. Но прежде чем рассмотреть эти данные, следует уточнить степень их надежности и достоверности.

Источники по социальной истории Франции первой половины XIX в. подразделяют верхние слои общества на следующие основные социoproфессиональные категории: «землевладельцы», т. е. лица, предположительно живущие на земельную ренту и не занимающиеся перечисленными ниже видами профессиональной деятельности; «должностные лица», находящиеся на государственной службе; не связанные с государственной службой лица «свободных профессий»; лица «экономических профессий», охватывающих деятельность в сфере торговли, кредита и промышленности. Фиксируя некоторые реальные общественные грани, эта классификация далеко не всегда с достаточной полнотой и точностью выявляет социально-экономическую сущность соответствующих групп. Так, нередко лица, отнесенные к «экономическим профессиям», являлись крупнейшими земельными собственниками, а титулованные дворяне, предпочитавшие именоваться «землевладельцами», были капиталистическими предпринимателями. Еще больше неясности с «должностными лицами» и лицами «свободных профессий», поскольку условием принадлежности к этим категориям, как правило, было наличие крупной недвижимой собственности или же участие в предпринимательской деятельности.

Кроме того, эти источники имеют и ряд специфических недостатков. Так, в списки избирателей в первой половине XIX в. вошлись лица, платившие довольно высокий ценз, как называлась сумма прямых налогов — поземельного, с движимого имущества и с торгово-промышленной деятельности (с «патента»). Но поскольку налогами в то время облагались не доходы, а состояния, причем недвижимая собственность в непропорционально большей мере, чем движимое богатство, постольку удельный вес крупных землевладельцев в составе цензовых избирателей искусственно завышался по сравнению с капиталистическими предпринимателями, инвестировавшими свои капиталы. По этой же причине не вполне могут удовлетворить и материалы фиска. Что касается документов государственной регистрации актов гражданского состояния и нотариата, в том числе завещаний, описей имущества, брачных контрактов и т. д., то они также позволяют судить в основном о размерах и структуре состояний, да и то лишь в начале или конце периода активной профессиональной деятельности владельцев, т. е. времени вступления в брак и составления завещания.

Неполнота источников с точки зрения их содержания затрудняет их интерпретацию и нередко является причиной разногласий современных историков.

Социальную структуру французского крупного землевладения начала XIX в. отразила проведенная в 1803 г. перепись 1056 крупнейших плательщиков поземельного налога (по 12 от каждого департамента). Среди них А. Собуль насчитал 130 представителей «экономических профессий» (негоциантов и мануфактуристов) и 114 землевладельцев-рантье буржуазного происхождения. Они во время революции не только сохранили приобретенную ранее земельную собственность, но и расширили ее. Именно среди них особенно велика была пропорция крупных покупателей национальных имуществ. Симптоматичен и другой факт: за годы революции среди учтенных переписью лиц (их социальный статус в 1789 г. известен) значительно — с 257 до 852 — увеличилось число землевладельцев-рантье. Такой рост объясняется прежде всего тем, что революция заставила многих дворян оставить государственную службу. Но примечательно, что после революции предпочли жить на земельную ренту даже те из бывших дворян, кто до 1789 г. занимался предпринимательской деятельностью (таких насчитывалось 41 человек)³⁶.

Таким образом, перепись 1803 г. зафиксировала возникновение особой социально-классовой группы буржуазных по типу землевладельцев-рантье. В ней после революции слились как дворяне старого порядка, лишившиеся феодальной ренты и других сословных привилегий, так и часть буржуазных по происхождению крупных земельных собственников. Последние представляли во Франции первой половины XIX в. живую ветвь буржуазии старого типа — той традиционной, торговой у своих истоков «буржуазии старого порядка», которая в течение XVII—XVIII вв. настойчиво томила дорожку к дворянским привилегиям³⁷.

Источники отводят землевладельцам-рантье преобладающее место в высших слоях французского общества на протяжении всей первой половины XIX в. Их доля в социoproфессиональной структуре цензовых избирателей даже возросла с 46,2 % в 1820 г. до 49,9 % в 1842 г. Лица «экономических профессий» значительно уступали им, составляя соответственно 36,5 и 29,4 % «политического класса» Франции³⁸. Землевладельцы-рантье являлись самой богатой группой господствующего класса. В 1840 г. среди 512 крупнейших налогоплательщиков, ценз которых составлял не менее 5 тыс. фр., 377 были «землевладельцами» и всего лишь 77 — представителями «экономических профессий»³⁹. Именно на этих расчетах основывает А. Коббен свой вывод о господствующем положении крупных землевладельцев в первой половине XIX в.

Следует, однако, подчеркнуть относительность противопоставления «землевладельцев» лицам «экономических профессий». Как отмечает Л. Бержерон, еще на заре индустриализации «среди основателей парижской хлопчатобумажной промышленности... не раз можно встретить «землевладельцев»... которые безошибочно увидели в подъеме крупной индустрии прибыльный способ вложения капитала». Таким, в частности, был некий Л. Ж. Корню, участвовавший своими 100 тыс. фр. в основании крупного прядильно-

ткацкого предприятия, первоначальный капитал которого превышал полмиллиона⁴⁰. Как будет показано ниже, постепенно землевладельцы-рантье все активнее вовлекались в финансирование предприятий и даже в управление ими в капиталоемких отраслях.

Если на протяжении всей первой половины XIX в. характерной фигурой деловых кругов Франции оставался капиталистический предприниматель переходного типа — торговец, организующий промышленное производство, — то по мере подъема крупной машинной индустрии в противовес ему все большее значение приобретал капиталистический предприниматель нового типа — промышленник. Опираясь на современные средства производства в виде машин, энергии пара, новых технологий, промышленники становились наиболее динамичным компонентом деловой буржуазии.

Формирование таких предпринимателей происходило главным образом в тех отраслях экономики, которые в наибольшей степени затронул технический переворот и подъем крупной машинной индустрии вообще. Во Франции первой половины XIX в. это была в основном текстильная промышленность, особенно хлопчатобумажная. Добывающая и другие отрасли обрабатывающей промышленности вплоть до 1830-х годов переживали доиндустриальную стадию развития. Следовательно, в это время тип капиталиста-промышленника олицетворял прежде всего текстильный предприниматель-новатор.

Дорогу ему расчистили революционные преобразования конца XVIII в., закрепленные новым буржуазным законодательством. Его происхождение могло быть весьма скромным. После революции благоприятными возможностями для предпринимательской деятельности воспользовались представители мелкой буржуазии — ремесленники, крестьяне, а также квалифицированные рабочие мануфактур, хозяйственную инициативу которых сковывал старый порядок. Характеризуя положение рядовых членов ремесленных корпораций конца XVIII в., Е. М. Кожокин пишет: «Революция открыла широкие перспективы перед деятельной личностью. Доступность общественно-политической карьеры и возможность возвышения через предпринимательство возросли несравненно»⁴¹. Нередко пионерами крупной машинной индустрии выступали мануфактуристы, занимавшиеся производственной деятельностью еще до революции. Стремясь к расширению рынка и снижению издержек производства, промышленники способствовали глубокому преобразованию общественных отношений.

Возникновение в середине XIX в. нового типа капиталистических предпринимателей отмечал П. Леон, изучавший становление крупной промышленности в Дофине. «... Большинство промышленников — основателей крупных предприятий, — писал он, — происходило не из крупной торговли; новый тип делового человека, тип предпринимателя, досконально разбирающегося в своей профессии, внимательного к любым новшествам, был создан именно мелкими ремесленниками, мелкими фабрикантами, иногда служащими»⁴². Этих «предпринимателей-специалистов XIX в., являвшихся

одновременно и инженерами и руководителями предприятий», Леон называл истинно «новаторским элементом» буржуазного класса⁴³.

В первой половине XIX в. существование двух типов капиталистических предпринимателей соответствовало параллельному развитию традиционного, подчиненного торговому капиталу и передового, связанного с промышленным капиталом укладов экономики. Их «симбиоз» и обусловил своеобразие облика деловых кругов Франции того времени.

Категория лиц «экономических профессий» в наибольшей мере соответствовала социально-классовой группе «деловой буржуазии», объединявшей непосредственных руководителей промышленных и торговых предприятий, банков, транспортных контор и т. д. Развитию этой группы дала мощный толчок промышленная революция, которая привела и к глубокой ее дифференциации. Однако статистические источники не позволяют дифференцировать лиц «экономических профессий» по признаку принадлежности к двум социальным типам. Охарактеризовать их можно, опираясь главным образом на примеры отдельных человеческих судеб, анализ деятельности отдельных предприятий.

Оба типа предпринимателей были хорошо представлены в Париже начала XIX в. Как установил Л. Бержерон, в это время основатели крупных механизированных предприятий в текстильной промышленности столицы происходили, как правило, «из среды торговцев, негоциантов — иногда высокого полета»⁴⁴. Характерен пример торгового дома «Гро-Давилье». Специализируясь в области международной торговли полотном и ситцем, он одновременно занимался комиссионными и банковскими операциями, а также владел шестью текстильными предприятиями. В 1802—1811 г. его капитал возрос с 2,2 млн до 4,4 млн фр., в том числе промышленный — до 1,2 млн⁴⁵. Подчас основателями очень крупных для того времени предприятий были «выскочки» наподобие упомянутого выше Ришара. В 1810 г. он возглавлял шесть прядильных предприятий (109 тыс. веретен) с 3,6 тыс. рабочих и рассеянное по деревням Пикардии и Нормандии ткацкое производство, в котором было занято еще 8,8 тыс. рабочих. К 1812 г. Ришар контролировал 10 % производственных мощностей французской хлопкопрядильной промышленности⁴⁶.

Вместе с тем Бержерон отмечает, что «в случае самых мелких предприятий... предприниматель в области хлопкопрядения или ткачества мог происходить скорее всего из ремесла или лавочной торговли; даже квалифицированный рабочий, ранее трудившийся на прядильном предприятии, мог завести собственное дело»⁴⁷. В начале XIX в. такого рода предприятия, по-видимому, едва выжили над уровнем ремесленного производства и их владельцы представляли собой лишь материал, из которого со временем получились капиталистические дельцы новой закваски.

Однако еще в начале XIX в. Париж выдвинул таких предпринимателей, как К.-Ф. Оберкампф, который, по словам С. Шассаня,

«в совершенстве воплощал тот новый, действительно революционизирующий», по Марксу, социальный тип предпринимателя, вышедшего из сферы производства и ставшего одновременно торговцем и эксплуататором наемного труда, минуя промежуточную стадию рассеянной мануфактуры»⁴⁸. Еще до революции Оберкампф владел процветающим ситцепечатным предприятием мануфактурного типа. Сокращение импорта полотна в 1790-е годы поставило предприятие на грань краха. Но Оберкампф не прельстился возможностью спекулятивного обогащения и не стал «зарывать капитал в землю», т. е. обращать его в недвижимость. Он сумел избежать банкротства, переориентировав производственную деятельность в соответствии с новыми хозяйственными условиями. В 1805—1810 гг. он построил механическую прядильню и организовал ткацкое производство в цехе и на дому. Его машиностроительная мастерская не только покрывала потребность собственного предприятия, но и поставляла технику на рынок⁴⁹.

В роли пионеров промышленной революции выступали в начале XIX в. и мануфактуристы-ситцепечатники Руана, предприятия которых были основаны еще до революции. Один из них, Ж.-Б.-Ф. Кейтенже, сын мануфактуриста — выходца из Вюртенберга, в 1788 г. стал совладельцем ситценабивного предприятия в Больбеке (близ Руана), а в 1792 г. — его единственным главой. Он первым в своем городе применил техническую новинку — цилиндровую машину. О коммерческом успехе его предприятия свидетельствовало открытие в 1817 г. конторы в Руане, региональном центре оптовой торговли тканями.

Как показывает Ж.-П. Шалин, в этом «французском Манчестере» (так называли Руан в середине XIX в.) крупными текстильными предпринимателями эпохи подъема машинной индустрии являлись обычно лица, «инвестирующие в промышленность состояние, нажитое благодаря оптовой торговле»⁵⁰. Например, из семьи негоциантов, известной с XVII в., происходил Ш.-М. Рондо, который после революции основал мануфактуру, не порывая с торговлей.

И все же «характерной чертой хлопчатобумажного патроната» Руана было, по словам Шалина, «скромное происхождение» большинства его представителей. Довольно часто предпринимателями становились «мастера и другие представители ремесла, обладающие технической компетентностью». Примером может служить некий Ж.-Б. Пинель, цеховой мастер, который в числе первых основал в Девиле механическую прядильню. В 1809 г. его состояние превышало 1 млн фр.

«Самым широким и, несомненно, наиболее устойчивым» каналом пополнения класса деловых людей была так называемая «фабрика», т. е. рассеянная мануфактура согласно значению этого слова в то время. Ее организация не требовала больших первоначальных расходов, поэтому многие крестьяне и деревенские ремесленники брали на себя смелость выступить в роли «торговца-фабриканта».

В дальнейшем некоторые из этих людей превращались в крупных предпринимателей, как например О.-Ф. Пуйе, богатый крестьянин из деревни Этувиль близ Ивто. В годы Империи и Реставрации он раздавал сырье сельским ткачам и продавал их продукцию на рынке в Руане. В 1840 г. он сделал своего сына совладельцем механизированного прядильно-ткацкого предприятия, которое несколько лет спустя выкупил полностью. К концу жизни состояние Пуйе достигло 3 млн фр.

Эти примеры, взятые из локальных исследований, дополняют и подтверждают выводы К. Фолен, который предпринял попытку дать целостную картину формирования хлопчатобумажного патрона. В его составе автор выделил четыре большие группы предпринимателей.

К первой по значению группе принадлежали «династии» богатейших заводчиков, возникшие на рубеже XVIII—XIX вв. и опиравшиеся на долгую семейную традицию предпринимательской деятельности в сфере мануфактурного производства. Таковы были Дольфусы, Шленберже и др. в Мюлузе (Эльзас), а также Моты и Бредары в Рубэ (департамент Нор).

Особую группу образовывали выходцы из ремесленного производства. Многие ее представители вступали на предпринимательский путь в качестве «торговцев-фабрикантов». С распределения пряжи ткачам-надомникам, например, начинала семья Леметр-Деместер. Около 1830 г. она собрала несколько ручных станков под одну крышу. К 1850 г. эта мастерская превратилась в крупное механизированное предприятие. Другие представители этой группы происходили из специализированных отраслей текстильного производства, которые долгое время были расплывены по мелким мастерским. Из маленькой красильни возникло в 1802 г. крупное текстильное предприятие Мекийе в Эрикюре (близ Бельфора). С красильной и белильной мастерских началось в 1831 г. возвышение семьи Майе из Армантьера. В 1835 г. их предприятие было дополнено прядильней, а в 1845 г. — механизированным ткацким цехом. К этой группе Фолен отнес также выходцев из среды торговцев тканями. Так, в 1840 г. основала прядильню семья Коссера, торговавшая готовым текстилем с начала XIX в. Самая многочисленная, эта группа хлопчатобумажных предпринимателей по силе и богатству своих членов значительно уступала всем другим; среди ее представителей, отмечает Фолен, нельзя найти «ни одного крупного имени».

Небольшую группу составляли негоднянты, торговцы, комиссионеры, которые инвестировали свои капиталы в промышленное производство, целиком покупая предприятия. Наконец, Фолен выделяет группу «выскочек», для которых инвестиции в прибыльную отрасль являлись разновидностью спекулятивной операции⁵¹.

Если в хлопчатобумажной промышленности первой половины XIX в. широко представлены оба основных типа капиталистических предпринимателей, то иную картину являли другие текстильные отрасли — суконная (частично), льняная и особенно шелко-

ткацкая, — где механизация задержалась. Шелкоткацкая промышленность развивалась в традиционной форме рассеянной мануфактуры, полностью подчиненной торговому капиталу⁵². Отдельные попытки создания централизованной мануфактуры с использованием усовершенствованной техники приводили к возникновению сравнительно крупных предприятий-интернатов наподобие «Соважер» (в 1828 г. — 600 рабочих, 600 тыс. фр. оборота), на которых эксплуатировался, по существу, несвободный детский труд, т. е. воспроизводилось свойственное торговому капиталу формальное подчинение труда⁵³. Лишь в смежных с шелкоткацкой отраслях во второй четверти XIX в. дифференциация ремесла привела к появлению ряда небольших передовых по типу капиталистических предприятий. Так, в красильном производстве в 1832 г. возникло предприятие братьев Мишель с капиталом 100 тыс. фр. и 40 рабочими. В 1838 г. основал предприятие Ф. Жилле, в прошлом — ученик ткача и рабочий у братьев Мишель. В 1846 г. его капитал составил 20 тыс. фр. (три четверти этой суммы принадлежало тестю предпринимателя). Предприятие «Гину» в 1834 г. насчитывало 100 рабочих, а в 1843 и 1847 гг. на нем были установлены две паровые машины мощностью 16 л. с.⁵⁴

Ручное производство преобладало и в сукноделии. Тем не менее перемены здесь обнаружились довольно рано. Ярким примером предпринимателя нового типа являлся Г. Терно. В 1781 г. в возрасте 18 лет он унаследовал крохотное сукнодельческое предприятие в Седане, которое насчитывало всего лишь 16 станков. Терно руководил им столь успешно, что к 1794 г. имел уже 150 станков, а оборот «дела» достигал 1 млн ливров. Однако он был вынужден все бросить и эмигрировать, оказавшись в немилоусти у якобинцев. В 1798 г. Терно возобновил производство с 15 станками. Прошло двадцать лет — и его предприятие насчитывало 1100 станков, размещенных в трех десятках мастерских в окрестностях Седана, а также в Бельгии, Шампани, Нормандии и окрестностях Парижа. Кроме сукнодельческих имелось еще около десятка машиностроительных, ремонтных, аппретурных и других заведений, обслуживавших основное производство. В промышленной «империи» Терно трудилось около 20 тыс. рабочих и служащих. Залогом процветания было то, что ее глава сделал ставку на расширение рынка путем улучшения качества и увеличения ассортимента тканей, а также на снижение издержек производства посредством механизации и рационализации. Он не только стремился приспособить к сукноделию технику, применявшуюся в хлопчатобумажном производстве, но и поощрял поиски оригинальных новшеств. В частности, было запатентовано около 30 изобретений, использованных на его предприятиях. Заботясь о бесперебойном снабжении сырьем и расширении сбыта продукции, Терно создал по всей Франции и за границей сеть складов, контор, агентств и розничных магазинов. Перевозку грузов между ними обеспечивали конные экипажи, принадлежавшие предприятию, или же транспортные конторы, в которых Терно участвовал в ка-

честве пайщика. В 1825 г. был образован банк, централизовавший все финансовые операции разветвленного предприятия⁵⁵.

Капиталисты переходного типа преобладали в металлургии, а также в интегрированных с ней горнодобывающей и машиностроительной отраслях. Специфика производства — его капиталоемкость, связь с крупной недвижимой собственностью и т. д. — значительно ограничивала здесь возможности обновления состава предпринимателей. Длительное сохранение, по существу, ремесленной технологии сочеталось в металлургической отрасли с «дворянским» обликом очень многих крупных предприятий, находившихся в руках земельной аристократии, которая либо непосредственно их эксплуатировала, либо сдавала в аренду⁵⁶. Невосприимчивые к техническому прогрессу, представители этого традиционного компонента деловой буржуазии видели в таможенном протекционизме главное средство повышения доходности своих предприятий. С этой целью они стремились и к ограничению внутренней конкуренции, форсируя создание гигантских по тому времени объединений (наподобие «Компании угольных шахт Луары»), которые монополизировали региональные рынки⁵⁷.

Тем не менее исследователи отмечают возникновение и в этой архаичной отрасли французской промышленности «новых предпринимателей», делавших ставку на технический прогресс⁵⁸. От большинства владельцев металлургических предприятий они отличались не только технической компетентностью, но нередко и социальным происхождением. На рубеже XVIII—XIX вв. Л. Фрержан был владельцем полуремесленной литейной мастерской в Лионе. В 1803—1808 гг. он построил в пригороде Вьенна большое предприятие, являвшееся вторым по значению после «Крезо» поставщиком армии. Одновременно, словно предчувствуя грядущие перемены, Фрержан начал постепенную переориентировку с литья и проката бронзы, на которых он до сих пор специализировался, на производство черных металлов. Раньше и быстрее других он сумел применить у себя английскую индустриальную технологию. В 1819—1822 гг. капитал «Кузнечно-литейного предприятия Луи Фрержана с сыновьями» возрос с 1 млн до 4 млн фр.⁵⁹

Гораздо болезненнее адаптировалось к новой конъюнктуре упомянутое выше предприятие «Крезо». В 1826 г. оно перешло в руки английской компании «Манби-Уильсон», которая в течение двух лет осуществила его коренную реконструкцию. Однако в условиях экономического кризиса компания обанкротилась. «Крезо» возродилось в 1836 г. с приходом новых владельцев — братьев Адольфа и Эжена Шнейдеров. Адольф был служащим парижского банкира Сейльера, затем оптовым торговцем тканями и заимодавцем «Манби-Уильсона». Эжен с 1827 г. руководил кузнечным предприятием в Монтивилье (Арденны). Связи в финансовых кругах, деловой опыт помогли Шнейдерам добиться бесспорного успеха. В 1839—1847 гг. производство железа в «Крезо» возросло с 6 до 20 тыс. т. Но, главное, они раньше других поняли большое будущее машиностроения, железных дорог и т. п. Еще в 1838 г. «Кре-

зо» поставило на рынок один из первых изготовленных во Франции локомотивов, 22 паровые машины и 50 котлов. В 1840 г. «Крезо» впервые экспортировало французский локомотив⁶⁰.

Примеры Фрержана и Шнейдеров интересны кроме всего прочего тем, что показывают, при каких условиях могли проникать в круг предпринимателей капиталоемких отраслей промышленности люди, изначально не располагавшие необходимыми финансовыми или материальными ресурсами. Фрержан сумел добиться резкого увеличения фондов своего предприятия в начале 1820-х годов, преобразовав его в акционерное общество⁶¹. Шнейдеры опирались на постоянную поддержку банка Сейльера⁶². Новые формы мобилизации капитала, промышленного кредита, постепенно пробивавшие себе дорогу, в первую очередь способствовали обновлению патроната в этом секторе экономики.

Как уже отмечалось, проследить этот противоречивый процесс по имеющимся источникам крайне трудно, поскольку они явно занижают роль и общественный вес предпринимателей, отражая в своеобразной форме реальный конфликт между устаревшими, но официально признанными общественными структурами и передовыми, пока еще не получившими официального статуса общественными отношениями. Достаточно сослаться на один пример: из общей суммы ценза крупнейшего фабриканта начала XIX в. Г. Терно в 3969 фр. «патент» составлял всего лишь 440 фр.⁶³

Все же среди избирателей, занятых профессиональной деятельностью (т. е. всех, за исключением «землевладельцев-рантье»), представители «экономических профессий» преобладали. В 1820 г. негоцианты, банкиры, промышленники составляли в Париже две трети их числа⁶⁴, а в 1847 г. по стране в целом — три четверти, причем их преобладание было особенно значительным в крупных городах: в Париже — 77 %, в Амьене и Руане — 85 %⁶⁵. В Руане они вообще были самой большой категорией избирателей, почти вдвое превышающей число «землевладельцев»⁶⁶. Среди избирателей, ценз которых превышал 1 тыс. фр., треть занималась какой-либо профессиональной деятельностью, из них 48 % руководили предприятиями⁶⁷.

Развитие группы капиталистических предпринимателей было связано с общим повышением социальной мобильности, закономерным следствием которой являлось общее размывание традиционных социально-классовых граней. Л. Бержерон, отмечая нечеткость «контуров группы деловых людей в Париже» того времени, метко охарактеризовал ее как «социальный перекресток», где встречались капиталы и лица самого разного происхождения, привлеченные прибылью предпринимательской деятельности⁶⁸. «Определенная социальная разжиженность, относительная легкость доступа в круг патроната» наблюдалась и в Руане начала XIX в.⁶⁹

Особенно большое значение в первые десятилетия промышленной революции имела восходящая вертикальная мобильность, в результате которой главным образом и комплектовались кадры

«отцов — основателей» крупной индустрии. В первой половине XIX в. число обладателей «патентов» во Франции росло быстрее, чем численность населения. В 1817—1848 гг. в Тулоне их стало больше на 50 % ⁷⁰. Даже в таком относительно отсталом в индустриальном отношении городе того времени, как Нанси, в 1818—1845 гг. владельцев «патентов» прибавилось на 90 % ⁷¹. В Париже опережение роста числа «патентов» по сравнению с ростом населения увеличилось с 5,56 % в 1817 г. до 6,99 % в 1846 г. ⁷²

Ряды парижской буржуазии значительно пополнились выходцами из низших социальных групп. При этом число мелких предприятий росло пропорционально быстрее, чем крупных. Следовательно, социальная мобильность в низших слоях буржуазии отличалась большим динамизмом, чем в высших. Да и процесс восхождения на более высокие ступени социальной лестницы был поэтапным, как правило, растянутым на несколько поколений. Если мелкая и средняя буржуазия «обновлялась» преимущественно благодаря притоку разбогатевших крестьян и деревенских ремесленников, то крупная буржуазия пополнялась главным образом представителями средних слоев. А. Домар проследила изменения в имущественном положении богатых парижан первой половины XIX в. от вступления в брак до смерти по материалам государственной регистрации и нотариальным актам. Всего удалось собрать сведения о 164 лицах, состояние которых к концу жизни превышало 500 тыс. фр. Большинство из них уже при вступлении в брак, т. е. по своему семейному происхождению, принадлежало к богатым слоям. Но 21 % к этому событию жизни располагали капиталом менее 10 тыс., а 9,8 % — менее 1 тыс. фр. Причем доля лиц этих категорий была выше среди негодантов — соответственно 32 и 15 % ⁷³. Поэтому есть основания предположить, что именно занятие торгово-промышленной деятельностью открывало наиболее широкие перспективы возвышения.

Знаменем времени могут служить стремительные карьеры отдельных предпринимателей, которым удалось подняться от подножия до вершины социальной пирамиды. Например, некий А. Эрцог начал свой путь в 1804 г. простым рабочим-прядильщиком на одном из предприятий Дольфусов. Вскоре он стал мастером, был послан учиться в Париж. Получив образование, Эрцог руководил одной из прядилен Н. Шленберже. А в 1830 г. основал в Ложельбахе, близ Кольмара, собственное предприятие, которое в 1836 г. состояло уже из двух прядилен — на 48 тыс. и 16 тыс. веретен ⁷⁴. Но, пожалуй, наиболее поразительным примером такого социального восхождения является судьба рабочего Ж.-Ф. Кайля. В 1824 г. он поступил на работу к Ш. Дероню простым слесарем, вскоре стал мастером, пайщиком предприятия, а с 1836 г. — компаньоном. Благодаря деятельности Кайля предприятие, начиная с 1834 г., значительно расширило производство, перейдя от выпуска оборудования для сахарной промышленности к изготовлению техники для железных дорог. В 1844 г. им была выпущена первая партия из восьми локомотивов ⁷⁵.

Неизбежным спутником восходящей социальной мобильности была мобильность нисходящая: предприятия и капиталисты, не выдержавшие конкуренции, сходили со сцены, уступая место более удачливым, напористым, предприимчивым дельцам. Так, только в Париже с 1825 по 1847 г. сменились названия половины торговых домов, занимавшихся оптовой торговлей тканями. Статистика банкротств свидетельствует, что экономический кризис рубежа 1820—1830-х годов поразил даже торговые дома первой величины, принадлежавшие старым семьям негодантов, имена которых являлись для современников символами богатства ⁷⁶.

Вряд ли можно сомневаться в том, что в первой половине XIX в. французская буржуазия существенно «обновилась» за счет пришельцев извне. Они составили многочисленный компонент «новой» буржуазии, которая была порождена промышленной революцией. Их удельный вес был выше в отраслях легкой промышленности (особенно текстильной), теснее связанных в ту пору с ремеслом, мелкой торговлей, крестьянским хозяйством, наконец с массовым потребителем. Именно потому, что значительная часть «новой» буржуазии в первой половине XIX в. была близка у своих истоков к стихии индивидуального производства, трудно проследить во всех подробностях ее социальное возвышение, не говоря уже о сколько-нибудь достоверной статистической оценке. К середине XIX в. ее богатство было еще недавнего происхождения. По силе и могуществу она уступала обладателям старого богатства — земельной аристократии и «старой» буржуазии. Поэтому вплоть до середины XIX в. ее социальное возвышение не получило признания и закрепления официальными общественно-политическими структурами. Вместе с тем богатейшая элита промышленной буржуазии, представленная, например, династиями текстильных фабрикантов Мюлуза и Рубэ, сумела проложить дорогу в верхи общества. Характеризуя этапы ее возвышения, А. Домар пишет: «...поколение современников революции и Империи основало династии, отцы стали пионерами, их дети остались творцами. Они образовали новую аристократию — деятельную и постоянно наращивающую свое могущество...» ⁷⁷. Однако эта «новая аристократия» нередко еще, особенно в провинции, была явственно отделена гранью общественных условностей от аристократизированной верхушки «старой» буржуазии.

2. ЗЕМЕЛЬНЫЕ СОБСТВЕННИКИ, БАНКИРЫ, ПРОМЫШЛЕННИКИ

Наряду с вертикальной исключительно важную роль в становлении нового господствующего класса играла горизонтальная социальная мобильность, в результате которой в

состав буржуазии вливались отдельные группы прежнего господствующего класса, менялась внутренняя структура буржуазии, перераспределялись функции и доминирующие позиции среди ее групп и фракций.

Задолго до Французской революции началось сближение между частью дворянства и верхушкой буржуазии. Еще накануне революции интересы отдельных групп дворянства и богатой буржуазии находились не в противоречии, а в согласии. Это отразили попытки компромисса между обоими противоборствующими классами на ее начальном этапе⁷⁸.

Французская революция расшатала, но не уничтожила вовсе дворянское землевладение. В 1803 г. в составе 1056 крупнейших земельных собственников значилось 339 бывших дворян. Причем немало крупных землевладельцев дворянского происхождения было отнесено к категориям «должностных лиц» и лиц «свободных профессий», насчитывавшим 370 человек⁷⁹. Политика Империи и особенно Реставрации способствовала укреплению дворянского землевладения. «По причине многочисленности землевладельцев-дворян и обширности их поместий, как свидетельствуют избирательные списки цензовой монархии, крупное землевладение еще долго должно было сохранять "аристократический облик"», — отмечает А. Собыль⁸⁰.

Но, отменив во всей Франции феодальные повинности крестьян и сословные привилегии, революция глубоко изменила положение дворян в обществе. Она превратила их, по выражению Ф. Энгельса, в «простых буржуазных землевладельцев с *буржуазным* источником дохода — земельной рентой»⁸¹. Быстрый рост земельной ренты в первой половине XIX в.⁸² способствовал тому, что дворянство во многом сохраняло в течение этого времени свое экономическое могущество.

Постепенно дворяне все более сближались с крупными землевладельцами буржуазного происхождения. Среди последних встречались выходцы из разбогатевших крестьян, ставших ко времени революции XVIII в. капиталистическими фермерами-арендаторами, а в годы революции и купивших свои фермы. Таковы «земледельцы-собственники» («*propriétaires-cultivateurs*») плодородной равнины Иль-де-Франса, своеобразные династии которых корнями уходили в XVI—XVII вв. Их «родословные» изучал французский историк Ж.-М. Морисо⁸³. Вот лишь несколько из описанных им реальных человеческих судеб. Некий Ш. Бежо, умерший в 1830 г., оставил наследникам ферму, которая оценивалась в 1,5 млн фр., не считая другого имущества, которое включало богатые парижские апартаменты. Оба его сына, равно как и две племянницы, вышедшие замуж за баронов Реставрации, принадлежали к сливкам общества второй трети XIX в. Представитель другой крестьянско-фермерской «династии» Н. Прево получил в 1818 г. дворянскую грамоту из рук Людовика XVIII. Некий Г.-Т. Жибер стал в 1806 г. одним из регентов Французского банка. Старший его сын занял должность генерального сборщика на-

логов департамента Уаза, а дочь в 1805 г. вышла замуж за барона Сейльера, парижского банкира.

Другой, еще более распространенный тип крупных землевладельцев буржуазного происхождения был представлен промышленниками и финансистами, вкладывавшими часть прибылей в недвижимость. Наличие недвижимости в виде городских домов и особенно земельных владений в сельской местности было в первой половине XIX в. настолько типичной чертой крупных состоятельных деловой буржуазии, что можно и обойтись без ссылок на конкретные примеры. И все же бывший рабочий Ж.-Ф. Кайль, ставший богатейшим капиталистом, одним из пионеров машиностроения во Франции, который приобрел два поместья — в Шаранте (300 га) и Турене (1200 га)⁸⁴, — заслуживает упоминания, ибо он рельефно воплотил стремление деловой буржуазии того времени к обладанию земельной собственностью.

Сближению между крупными земельными собственниками и деловой буржуазией способствовала притягательность предпринимательской деятельности. В первой половине XIX в., особенно после революции 1830 г., побудившей многих дворян-легитимистов отказаться от государственной службы и посвятить свое время хозяйственным заботам, возросло внимание крупных земельных собственников к вопросам агрокультуры. Ф. Энгельс называл их «новым классом землевладельцев-предпринимателей», характеризуя его следующим образом: «Этот класс занимается земледелием без иллюзий, собственных феодалам, и без дворянской небрежности; он занимается им как деловым предприятием, как промышленностью, прибегая к буржуазным средствам — капиталу, знанию дела и труду... Это — часть буржуазии, эксплуатирующая земледелие»⁸⁵. Одновременно многие землевладельцы-аристократы не только поддерживали кредитом крупные предприятия, но и участвовали в управлении ими. Этот канал горизонтальной социальной мобильности обеспечил в первой половине XIX в. фактическое сращивание наиболее динамичной группы крупных земельных собственников аристократического происхождения и богатейшей верхушки деловой буржуазии.

Важные аспекты сращивания земельной и буржуазной аристократии прослеживает в своем капитальном исследовании о правящих элитах Июльской монархии А.-Ж. Тюдеск. Анализируя социопрофессиональный состав административных советов акционерных и коммандитных обществ, образованных около 1840 г., историк установил, что 38,7 % их членов были банкирами и негодьянтами, 10,3 % — промышленниками, 24,4 % — «землевладельцами», 15,7 % — чиновниками, 10,9 % — лицами «свободных профессий»⁸⁶. При этом 849 из 2400 акций «Компании плавления Ромий» в 1840 г. принадлежали герцогу Деказу. Среди других крупных акционеров этой компании насчитывалось еще 14 представителей земельной аристократии (приблизительно столько же, сколько негодьянтов и банкиров). В 1842 г. из числа 22 крупнейших акционеров «Компании шахт Азэнкура», владевших половиной всех ак-

ций, 4 были дворянами, 5 — «землевладельцами», 6 — негоциантами, 1 — банкиром и 3 — фабрикантами⁸⁷.

Эти данные выявляют еще одну важную закономерность. В составе административных советов акционерных и коммандитных обществ (7 страховых, 5 железнодорожных, 1 почтово-пассажирского, 1 по эксплуатации речного канала и 1 каменноугольного), а также среди акционеров крупных компаний, которые в то время встречались почти исключительно в отраслях тяжелой промышленности, ведущую роль играли представители весьма традиционных форм капитала. Тюдеск так формулирует эту закономерность: «...руководство наиболее капиталоемким сектором французской экономики принадлежало в большей мере крупным землевладельцам и банкирам, чем промышленникам»⁸⁸. Малочисленность промышленников среди акционеров и членов административных советов компаний способствовала тому, что создававшиеся крупные компании оказывались «под контролем более спекулятивного торгового и банковского капитала»⁸⁹.

На основе сращения земельной аристократии и богатейшего слоя буржуазии формировалась, таким образом, особая группа господствующего класса, которую К. Маркс называл фракцией финансовой аристократии, — «банкиры, биржевые и железнодорожные короли, владельцы угольных копей, железных рудников и лесов, связанная с ними часть земельных собственников»⁹⁰. В качестве ее характерной черты выступала связь с основным средством производства уходящей исторической эпохи (землей) и во многом традиционными спекулятивными формами капитала. Парижская фондовая биржа, где котировались акции крупнейших предприятий, являлась в первой половине XIX в. оплотом финансовой аристократии.

Важным компонентом финансовой аристократии первой половины XIX в. были владельцы нескольких крупнейших столичных банков, за которыми в период Реставрации закрепилось коллективное название «высокий банк» («la haute banque parisienne»). Некоторые из них возникли еще при старом порядке. Другие образовались на волне спекуляций в годы Империи, как например банкирские дома Лаффита, Бажено, Грефуля, Готтингера. При Реставрации в элиту парижских финансистов влились Делессеры, братья Перье, а также несколько представителей старых еврейских банкирских династий — д'Эхталь, Фульд, Ротшильд. Первоначально основным направлением деятельности «высокого банка» было финансирование традиционной международной торговли. С первых лет Реставрации все большее значение стало приобретать размещение государственных займов. Во второй четверти XIX в. в центре внимания «высокого банка» оказалось строительство водных путей и особенно железнодорожное строительство. Нельзя сказать, чтобы ему были чужды интересы промышленности, но на практике кредитом крупнейших банкирских домов могли воспользоваться лишь большие предприятия, в основном в тяжелой промышленности. Так, эльзасский банкир Ж. Юманн стал

в 1826 г. одним из главных партнеров герцога Деказа в создании крупного металлургического предприятия «Деказвилль», а парижский банкир Сейльер финансировал в 1836 г. приобретение братьями Шнейдерами металлургического предприятия «Крез»⁹¹.

Своеобразной разновидностью крупных финансистов той эпохи были прямые преемники генеральных откупщиков старого порядка — генеральные сборщики налогов. Являясь одновременно и правительственными чиновниками и банкирами, они вносили крупный залог за право назначения на должность. Его размер колебался от 280 тыс. фр. в департаменте Мёза до 760 тыс. фр. в департаменте Нор. Излишне говорить, что на этой должности оказывались богатейшие люди. Так, генеральный сборщик налогов А.-Ж. Бюфо оставил своим наследникам в 1844 г. состояние, которое было оценено более чем в 2 млн фр., в том числе 1,5 млн фр. движимого имущества; другой сборщик, А. де Сен-Дидье, оставил после себя только движимого имущества на 2 млн фр.⁹²

Наглядное представление о том, кто принадлежал к группе финансовой аристократии в 1840-е годы, дают примеры, приводимые Тюдеском⁹³. Одно из самых крупных состояний того времени, характерных для деловой буржуазии, принадлежало владельцу меняльной конторы А.-Ж. Леру. Оно оценивалось в 9,5 млн фр. движимого имущества и 1,5 млн фр. недвижимого, включая дом в Париже и земли в департаменте Сена-и-Уаза. Основную часть движимого капитала Леру инвестировал в различные предприятия и банки, в том числе в предприятие походных кроватей, Банк Франции, страховую компанию «Феникс», каменноугольное предприятие «Гран-Комб», компанию «Шахты Лейон и Луара», «Плавильни Ромийи», «Общество вод Отейля», парижскую «Компанию газа» и многие другие.

К «спекулятивному» типу Тюдеск относит состояние бывшего военного поставщика Энгерло. Движимая часть его имущества, оценивавшаяся в 4 млн фр., почти целиком состояла из активов и долгов обязательств «Компании каналов Урк, Сен-Дени и Сен-Мартин», а недвижимая, куда входили поместья в Нормандии и дворец в Париже, достигала 300 тыс. фр.

Состояние Ф.-А. Шнейдера, одного из совладельцев «Крезо», характерно для крупных заводчиков. Оставленное этим предпринимателем в 1845 г. наследство оценивалось в 3,7 млн фр. Значительную его часть (1 млн фр.) составляли акции собственного предприятия. Остальное приходилось главным образом на акции компании «Моншанэн», «Моста Лангре» и «Компании страхования от пожара», а также на вклад в банк Сейльера.

Типичной для крупных земельных собственников, которые принимали финансовое участие в деловой активности, была движимая часть состояния барона Порталья. Он инвестировал 650 тыс. фр. в торговое предприятие и в «Центральную компанию судоходства на Гаронне». Разновидностью этого типа состояний было состояние маркиза Дре-Брезе, возглавлявшего в палате депутатов маленькую группировку легитимистов. Он обладал движимым иму-

ществом в размере 341 тыс. фр., из которых 61 тыс. была вложена в ренту Неаполя, 22 тыс. — в австрийскую государственную ренту, а остальные — в акции страховой компании «Провидение».

Важно отметить, что все эти лица, состояния которых приведены в качестве типичных для группы финансовой аристократии, обладали очень большим цензом, что ставило их на высшие ступени общественной иерархии. Ценз А.-Ж. Леру достигал 2,4 тыс. фр., Энгерло — 8,5 тыс., Ф.-А. Шнейдера — 6,4 тыс., Дре-Брезе — 5,4 тыс. фр.

* * *

Сколь ни велики были состояния финансовой аристократии, ее экономическое могущество имело границы. Подъем крупной машинной индустрии привел в середине XIX в. к усилению промышленной буржуазии. Именно она как социальная группа, которая с наибольшей полнотой овладела новыми средствами производства, превращалась по мере индустриализации страны в ведущую фракцию господствующего класса.

Однако путь к этому не был ни прямым, ни гладким. Промышленный капитал контролировал в первой половине XIX в. главным образом те отрасли, в которых уровень концентрации капитала и производства был невысок, в основном легкую, в том числе текстильную.

Это было связано с явным преобладанием в них таких форм централизации капитала, как «общество с коллективной ответственностью» и «простое коммандитное общество». Первая из этих форм предполагала слияние капиталов небольшого числа лиц, как правило, родственников или близких знакомых, каждое из которых несло полную (т. е. всем своим состоянием) ответственность за финансовое благополучие предприятия. Вторая открывала возможность привлечения и небольшого числа посторонних пайщиков, которые, не принимая участия в управлении, получали прибыль и несли ответственность лишь пропорционально их доле капитала. Такие формы централизации капитала получили название семейных, поскольку исключали зависимость от посторонних пайщиков. Они лимитировали возможности мобилизации капиталов. Главным ресурсом развития семейных предприятий являлось самофинансирование, т. е. реинвестирование прибылей.

Такие формы централизации капитала, как акционерное коммандитное общество и анонимное общество, были более совершенными и открывали более широкие возможности. Однако промышленный капитал в первой половине XIX в. сторонился этих форм. Многие промышленники опасались, что свободная продажа акций поставит предприятия под контроль спекулятивного капитала. Эти опасения были небезосновательны в условиях той акционерной «лихорадки», которая в 1840-е годы охватила финансовые круги и сопровождалась резким ростом банкротств.

Однако в первой половине XIX в. семейные формы не обязательно тормозили расширение предприятий, их механизацию. Многие семейные предприятия достигали больших размеров, как например «Тьерри-Мьег», на котором в 1850 г. было занято 1,3 тыс. рабочих⁹⁴. В текстильной промышленности самофинансирование служило надежным источником быстрого роста предприятий. Так, в 1820—1837 гг., используя этот метод, предприятие «Ле Блан» в Лилле сумело увеличить первоначальный капитал более чем в 6 раз — с 12 до 74 тыс. фр.⁹⁵ Сравнительная дешевизна «первого поколения» машин, на базе которых происходила индустриализация в первой половине XIX в., не ставила даже перед небольшими по размерам предприятиями, по крайней мере в легкой промышленности, неразрешимых финансовых проблем. К тому же и характер техники, и технологии того времени позволял во многих случаях осуществлять перевооружение производства эволюционно, путем постепенной замены ручного труда машинами⁹⁶.

В большей степени, чем размеры предприятий, ограничивали господство промышленного капитала его региональная раздробленность, отсутствие концентрации в национальном масштабе. К середине XIX в. средства транспорта, связи, кредита и т. д. не ликвидировали значительную хозяйственную самостоятельность отдельных местных рынков. Все это обусловило то отсутствие у промышленной буржуазии внутренней сплоченности, которое Ф. Энгельс отмечал даже в 80-е годы XIX в.: «...промышленная и торговая буржуазия... сама... разбросана по всей стране и не имеет общего центра»⁹⁷.

Однако было бы ошибкой недооценивать значение подлинных очагов промышленной революции, возникших во Франции в первой половине XIX в. Они размещались преимущественно к северо-востоку от рек Луара и Рона и стали своего рода бастионами промышленного капитала. Это были промышленные районы Эльзаса, Нормандии, Парижа, Севера Франции. Влияние спекулятивного капитала на их индустриальное развитие часто было минимальным. Правилom большинства предприятий было самофинансирование либо использование других форм мобилизации капитала, которые предполагали сохранение семейного статуса «дела».

Для характеристики развития промышленной буржуазии весьма важен пример Парижа, подробно изученный А. Домар⁹⁸. В течение первой половины XIX в. столица Франции, оставаясь крупнейшим финансовым центром, выделялась и высоким уровнем промышленного производства. О его размерах или динамике точных сведений нет. Но достаточно сказать, что доля Парижа во французском экспорте в период с середины 1820-х по конец 1840-х годов удвоилось, а в одном только 1844 г. 708 из 2339 зарегистрированных в стране актов о создании новых предприятий, т. е. около трети, приходилось на департамент Сена.

Какую юридическую форму предприниматели Парижа предпочитали для своих предприятий? Подавляющее большинство из них выбирало «общество с коллективной ответственностью». Если

в 1832 г. эту форму получили 203 предприятия, то в 1844 г. — уже 636. Экономический кризис последних лет Июльской монархии привел к некоторому уменьшению числа новообразованных «обществ с коллективной ответственностью»: в 1847 г. было зарегистрировано 559 таких предприятий. Меньшей, но стабильной симпатией пользовалась у парижских предпринимателей более развитая форма семейного предприятия — «простое коммандитное общество». В 1832 г. было основано 40 подобных предприятий, в 1844 г. — 160. Интересно, что в годы экономического кризиса число предприятий, созданных в этой форме, не уменьшилось. Зато в отношении деловых кругов к акционерной форме наблюдались резкие скачки. Если обычно число новообразованных акционерных обществ не превышало 50—60 в год, то в моменты повышенной конъюнктуры круто возрастало, до 298 в 1837 г. и 181 в 1845—1846 гг. Эти данные, красноречиво свидетельствующие о спекулятивном характере акционерных предприятий эпохи, вместе с тем убеждают, что значительный сектор промышленности Парижа был свободен от контроля финансовой аристократии в связи с явным преобладанием семейных форм предпринимательства.

К середине XIX в. не существовало такой отрасли промышленности, которая не была бы представлена в Париже. Но среди них преобладали производство готового платья, строительство, пищевая и мебельная отрасли. В 1847 г. они давали половину, а вместе с родственными отраслями три четверти оборота всей столичной промышленности. Среди парижских избирателей, уплачивавших «патент», в 1840-е годы около 70 % составляли представители названных четырех отраслей, причем самой многочисленной была группа предпринимателей пищевой промышленности — 26 %.

На облик среднего парижского предпринимателя середины XIX в. повлияла сильная распыленность промышленного производства столицы по мелким, зачастую ремесленным предприятиям. Предприниматели, эксплуатировавшие более 10 рабочих, составляли всего 11 % общего числа «хозяев» (22 %, если из общего числа «хозяев» исключить тех, которые трудились самостоятельно или использовали только одного рабочего). В шестом округе, слывшем «центром парижского производства», в 1847 г. насчитывалось 10 152 «хозяина», из которых 4220 нанимали от 2 до 10 рабочих, а 1305 — более 10. Вместе с тем обнаруживалась и тенденция к концентрации производства. Ощутимее она была в отраслях тяжелой промышленности. В 1847 г. в Париже действовали 242 машиностроительных предприятия, из которых 105 имели более 10 рабочих. По 91 предприятию из числа последних есть более подробные сведения: на них было занято 5645 рабочих, а оборот достигал 22 млн фр. в год, т. е. в среднем на одно предприятие приходилось 62 рабочих и 250 тыс. фр. годового оборота. Некоторые предприятия значительно превосходили эти средние размеры. Так, на предприятии «Белэ» работали по найму от 150 до 200 человек; а оборот достигал 7—8 млн. фр. в год. Предприятие «Деронь и Кайль» имело в 1845 г. до 700 рабочих, а капитал лишь

одного из компаньонов составлял 1,6 млн фр. Довольно крупные предприятия встречались и в легкой промышленности. Например, среди 377 предприятий, выпускавших зонтики, 9 имели оборот свыше 200 тыс. фр. каждое.

Обогащение промышленной буржуазии Парижа, позволившее многим ее представителям войти в избранный круг цензовых избирателей, имело зачастую своим источником эксплуатацию высококвалифицированной рабочей силы в сфере ручного производства так называемых «предметов роскоши», или «предметов изысканного вкуса», т. е. разного рода изделий широкого спроса, отличающихся от стандартной фабричной продукции более высокими потребительскими свойствами. К середине XIX в. обозначилась специализация промышленности Парижа на выпуске именно таких изделий. Это сопровождалось выводом из города предприятий, выпускавших рядовую продукцию.

Специализация на высококачественных потребительских изделиях, требующих ручной обработки, укрепила связи парижской буржуазии с провинцией, откуда доставлялись полуфабрикаты. Так, сельская домашняя промышленность Пикардии обеспечивала своими поставками производство модных текстильных изделий еще с начала Реставрации. В изготовление шалей вносили свой вклад рабочие и работницы департаментов Уаза, Марна и Эна. А к производству вышивок привлекались ремесленники всего Востока Франции и даже Швейцарии. В середине XIX в. изделия парижской промышленности находили сбыт далеко за пределами Франции, успешно конкурируя со стандартными английскими товарами.

Широкие национальные и международные связи парижской буржуазии позволили ей к середине XIX в. играть до некоторой степени роль регулятора экономической жизни страны. В Париже совершалась большая часть крупных сделок. Многие провинциальные дельцы, стремясь обеспечить стабильность поставок своей продукции, охотно предоставляли столичным фабрикантам свои капиталы. От парижской буржуазии нередко исходила инициатива внедрения в производство разного рода технических новинок. В Париже впервые было предпринято производство соды и кислоты, минеральных удобрений, готового платья, применено водяное отопление и газовое освещение. Здесь была изобретена и опробована новая форма розничной торговли — универсальные магазины, которые предлагали широкий ассортимент товаров по фиксированным ценам, практиковали периодические распродажи, обмен купленных товаров и даже их возврат с возмещением стоимости.

3. КОНСОЛИДАЦИЯ НОВОГО ГОСПОДСТВУЮЩЕГО КЛАССА

По мере углубления промышленной революции во Франции взаимоотношения между основными группами, или фракциями, господствующего класса — крупными землевладельцами, финансовой аристократией, промышленной буржуазией — приобретали все более сложный характер. Высокая степень общности интересов в одной сфере общественной жизни не исключала острых противоречий между ними в другой. Это было отражением реальной противоречивости процесса промышленной революции с поочередным преобладанием экстенсивных и интенсивных форм и методов ее осуществления.

Вместе с тем к середине XIX в. обнаружили некоторые признаки консолидации господствующего класса. В высших буржуазных слоях упала вертикальная мобильность⁹⁹. Экономический кризис конца 1840-х годов гораздо больше поразил мелких и средних предпринимателей, чем крупных, которые к этому времени прочно закрепились на достигнутых позициях и, несмотря на потери, сумели пережить трудные времена. С 40-х годов редко случалось, чтобы крупный предприниматель, принадлежавший по своему происхождению к богатым буржуазным слоям, заканчивал банкротством. «Третье поколение» капиталистов, т. е. внуки основателей династий и дети пионеров крупной индустрии, почти не испытало понижения социального статуса¹⁰⁰. Следовательно, состав буржуазии стабилизировался, а устойчивость является непременным условием существования всякого класса. Серьезные перемены произошли и в положении дворянства. В дворянских состояниях все более заметную, хотя и подчиненную, роль играло движимое богатство.

В основе процесса консолидации господствующего класса лежало усиление промышленного капитала, который в условиях расширения массового производства стал постепенно подчинять себе ссудный и торговый капиталы, ранее существовавшие самостоятельно. Это нашло свое выражение в том, что в 30—40-е годы были приняты первые попытки создать банки нового типа — инвестиционные, задачей которых являлась поддержка промышленности кредитами. В 1837 г. парижский банкир Лаффит основал «Генеральную кассу торговли и промышленности» с капиталом в 15 млн фр. Она предоставляла как краткосрочные коммерческие, так и долгосрочные промышленные кредиты, а также выступала в качестве инвестора. В 1838 г. «Касса» учла ценных бумаг на 276 млн фр., а в 1846—1847 гг. — более чем на 400 млн фр. Подобные ей банки возникли в Париже и провинции. В 1847 г. пять парижских «касс» располагали совокупным капиталом в 57 млн фр. и учитывали ценных бумаг на более чем 1,65 млрд фр. В 1838—1847 гг. в провинции было образовано по меньшей мере 20 «касс»

с совокупным капиталом более 70 млн фр. Эти кредитные учреждения сыграли значительную роль в промышленном буме первой половины 40-х годов¹⁰¹. Постепенно трансформировалась и крупная торговля. Например, в Руане она стала ориентироваться уже не на посреднические операции, как это было в XVIII в., а на обеспечение промышленности сырьем и сбыт ее продукции¹⁰².

Важным признаком консолидации господствующего класса явилось создание многочисленных предпринимательских союзов. Первые непрочные ассоциации предпринимателей в текстильной промышленности возникли еще в годы Реставрации. В 1824 г. был создан постоянный Комитет прядильщиков Лилля, видным руководителем которого являлся Мимерель, крупный фабрикант из Рубэ¹⁰³. В 1825 г. организовалось Промышленное общество Мюлуза, принявшее свой устав годом позже¹⁰⁴. В конце 1826 г. возникло Собрание фабрикантов в Лионе. Толчком к созданию многих предпринимательских союзов послужила борьба по вопросу о таможенной политике. В 1832 г. был образован Комитет фабрикантов отечественного сахара, в 1836 г. — Комитет металлургических интересов, в 1839 г. — Комитет хлопчатобумажной промышленности, в 1840 г. — Комитет машиностроителей и Общество союза французской каменноугольной промышленности, в 1842 г. — Комитет льняной промышленности и т. д.¹⁰⁵

И все же важной особенностью развития Франции в XIX в. являлось, по словам Энгельса, «дробление французской буржуазии на... множество частей, фракций и групп»¹⁰⁶.

Внутри буржуазного класса сохранялись большие различия по отношению к традиционным и новым, порожденным промышленной революцией средствам производства. Доли движимого и недвижимого имущества в состояниях отдельных групп буржуазии были неодинаковы. В дворянских состояниях земельная собственность занимала гораздо большее место, чем в буржуазных, а движимая — наоборот, меньшее. В буржуазных состояниях биржевые бумаги достигали 17,3 %, тогда как в дворянских — всего лишь 8,6 %. Но особенно рельефно выступает различие при сопоставлении доли прямых производственных инвестиций: она равнялась 15,3 % в буржуазных состояниях и 0,5 % в дворянских¹⁰⁷.

По отношению к традиционным и новым средствам производства наблюдались различия и среди деловой буржуазии. Очевидно, что доля недвижимой собственности была больше в состояниях «старой» буржуазии, связанной с традиционными структурами общества и государства, унаследованными от старого порядка. В социопрофессиональном составе покупателей национальных имуществ в годы Империи преобладали представители именно этой социальной группы¹⁰⁸. Напротив, известно, что в состояниях крупных фабрикантов Эльзаса доля капиталовложений в земельную собственность никогда не была велика, а с 1830 г. еще более сократилась¹⁰⁹.

Значительными в середине XIX в. были различия по размерам капитала и сферам его приложения. Как правило, тяжелая про-

мышленность требовала наиболее крупных капиталов. Кроме того, в ней связь предпринимателей с традиционным ссудным капиталом и крупным землевладением была теснее, чем в легкой промышленности. Поэтому предпринимательская деятельность в металлургической или горнодобывающих отраслях пользовалась большим общественным престижем.

Управление крупными капиталами в любой отрасли требовало высокого уровня профессиональной и деловой компетентности и способствовало выдвижению динамичного типа предпринимателей. Рутинная работа давала о себе знать в управлении мелкими капиталами.

Объективными социально-экономическими различиями обуславливались особенности социально-психологического облика отдельных частей и слоев буржуазного класса. Так, большое значение имело отношение к аристократической земельной собственности. Та часть буржуазии, которая была теснее связана с этой собственностью, в большей мере отличалась психологией рантье. Другая характеристизовалась большей активностью.

Крупным капиталистам был обычно присущ более высокий уровень «предприимчивости», проявлявшийся в стремлении инвестировать прибыли и готовности идти на определенный риск, допускавшей краткосрочный пассив в платежном балансе и опиравшейся на развитый бухгалтерский учет. Признаком предприимчивости был и особый дух состязательности, толкавший промышленника на постоянное обновление продукции, расширение рынков сбыта, снижение издержек производства путем внедрения технических и организационных новинок.

Мелкие капиталисты, напротив, были в большей мере привержены традициям. Они рассматривали свое предприятие прежде всего как основу благополучия семьи в будущем, как достояние, которое необходимо было оставить потомкам в целостности и сохранности. Отсюда — исключительная осторожность, если не сказать робость, в управлении предприятием, мелочная экономия, сочетавшаяся, впрочем, со стремлением «сорвать куш» благодаря выгодному стечению обстоятельств. Малообразованные, с узким коммерческим кругозором мелкие предприниматели редко проявляли изобретательность в своей практической деятельности. Их целью было не столько расширить производство, сколько разбогатеть и получить возможность жить на ренту.

Разумеется, в реальной жизни оба социально-психологических типа встречались в чистом виде не часто. Правилom было переплетение присущих им черт в разном сочетании. При этом первый тип развился полнее в новых промышленных центрах, сформировавшихся в основном за время промышленной революции. Второго типа было шире распространение в районах застойной экономики, таких как Бордо, где купечество «сохранило приверженность экономической системе XVIII в.»¹¹⁰

Представляется упрощенным мнение о том, что «среднему французскому предпринимателю» эпохи промышленной револю-

ции не хватало «предприимчивости»¹¹¹. «Среднестатистический» подход не может заменить конкретной оценки поведения отдельных фракций, групп, слоев буржуазного класса, равно как и применяемых предпринимателями в конкретных условиях своей страны форм и методов организации производства.

Широкое использование таких традиционных форм, как сельская домашняя промышленность и мануфактура, семейная структура предприятия, самофинансирование и т. д., свидетельствует скорее о наличии, чем отсутствии у французских предпринимателей хозяйственной гибкости и изворотливости, коль скоро доказана эффективность применения этих форм во Франции первых десятилетий промышленной революции. Отсрочка технического переворота была продиктована предпринимателям мотивами экономического порядка. Ведь не стремление соответствовать неким апрорным образцам, а прежде всего жажда прибыли руководит действиями всякого предпринимателя.

Сложнее вопрос об экономическом значении недвижимой собственности в состояниях промышленников. Что это — архаичные по типу капиталовложения или инвестиции? Очевидно, в зависимости от обстоятельств она выполняла и ту и другую функцию. Часто она была разновидностью прямой инвестиции в предприятие, связанной с приобретением производственной территории, построек (в начале XIX в. промышленные предприятия нередко занимали помещения упраздненных в годы революции монастырей, например, предприятия Ришара¹¹², Дюфрейе¹¹³), а в состояниях магнатов металлургии — с владением лесами. Кроме того, недвижимая собственность, как показал Л. Бержерон, «выступала в роли основного инструмента кредита» в условиях, когда промышленный кредит еще не получил широкого распространения и только ипотека была надежным средством покрытия острых производственных нужд¹¹⁴.

Отмеченные выше различия в «предпринимательском поведении» не исключали и определенного социально-психологического единства разнообразных фракций, частей, слоев господствующего класса. Иначе и не могло быть в стране раннего развития капитализма, вполне подготовившего условия для восприятия широкими слоями общества буржуазных ценностей, таких как собственность, личное трудовое усилие, индивидуальное преуспевание и др. Значительное «обновление» буржуазного класса в первой половине XIX в. не привело хотя бы к частичной утрате этих ценностей. Наоборот, выходцы из иной социальной среды, вливаясь в состав буржуазии, охотно и легко приобщались к ним. Отчетливо проявилось это в буржуазном «перерождении» дворянства, которое в течение этого периода «постепенно отрывалось от своих корней, обновлялось за счет восприятия существенных элементов мышления и поведения буржуазии»¹¹⁵.

Несомненно, дворянский образ жизни обладал притягательной силой и привлекал многих буржуа, которым замок, поместье, титул еще долго представлялись символами общественного превосходства. Но престиж самого дворянства заметно падал. Богатые

парижские банкиры и промышленники, получившие титул барона, сохраняли имя своих отцов: Сейльер, Давилье, Делессер и др. В своем исследовании А. Домар приводит любопытное наблюдение: при Июльской монархии представители богатейшего слоя буржуазии выдавали своих дочерей замуж за дворян гораздо реже, чем во времена Реставрации¹¹⁶.

Вообще в семьях деловой буржуазии привлекательность праздного образа жизни уменьшилась. Буржуазные генеалогии первой половины XIX в. показывают, что почти все дети крупных предпринимателей занимались какой-либо профессиональной деятельностью. А те аристократические ценности, которые все же были восприняты буржуазией, претерпели глубокую трансформацию. Так, земельные владения буржуазии концентрировались в районах продуктивного и высокорентабельного земледелия. Престиж замка трансформировался в моду на летнюю загородную резиденцию.

Противоречивый процесс консолидации господствующего класса нашел свое выражение и в формировании его политической элиты.

4. БУРЖУАЗИЯ И ПРАВЛЕНИЕ «НОТАБЛЕЙ»

Правящая элита представляет собой совокупность верхушечных групп различных слоев господствующего класса, которые отражают его интересы и осуществляют в соответствии с ними руководство экономической, социальной и политической жизнью общества¹¹⁷. Уничтожив абсолютизм, Французская революция способствовала продвижению на все уровни государственного и общественного управления представителей социальных групп и слоев, возглавлявших борьбу со старым порядком. Тем самым были заложены основы правящей элиты новой Франции.

В правящей элите основным носителем властных функций является политическая элита. Механизм ее воспроизводства был создан в основных чертах в начале XIX в. Конституция X г. учредила цензовую избирательную систему, закрепив привилегированный политический статус крупных земельных собственников. Согласно этой конституции членами избирательных коллегий могли быть только лица, внесенные в список 600 крупнейших плательщиков ценза каждого департамента.

Членов избирательных коллегий Консульства и Империи часто называли «нотаблями». Это слово, заимствованное из политико-юридического словаря старого порядка, обозначало членов правящей дворянской элиты. Уже при старом порядке хорошей дворянской родословной, не подкрепленной состоянием, было мало, чтобы автоматически принадлежать к руководящим «верхам». Но и богатство, не облагороженное титулом, не открывало в них доступ. Богатство служило для буржуа способом приобретения дворян-

ских отличий, приобщавших к узкому кругу элиты. Об этом свидетельствует распространенная практика аноблирования разбогатевших буржуа в XVIII в.¹¹⁸

Признав крупное состояние главным критерием принадлежности к политической элите, Империя санкционировала превращение буржуазии в политически господствующий класс. Однако прямо в политическую систему были включены лишь крупные земельные собственники независимо от происхождения их состояния.

В 1810 г. в списках избирателей Империи значилось около 70 тыс. человек (в границах Франции 1792 г.). Из них около 55 тыс. вступило в возраст активной профессиональной деятельности еще до революции. Значительная часть этих лиц за прошедшие годы сумела повысить свой социопрофессиональный статус. В 1789—1810 гг. среди них доля лиц «свободных профессий», представителей торговой и сельской буржуазии сократилась с половины до одной трети. Напротив, доля «землевладельцев» возросла с 1/5 до 1/4, а чиновников высшего уровня гражданской администрации — более чем удвоилась (с 6,57 до 13,18 %) ¹¹⁹. Менее 1/10 корпуса «нотаблей» 1810 г. можно отнести к мелкой буржуазии. Большинство — 57,59 % — составляли лица, доходы которых колебались в пределах от 1 тыс. до 5 тыс. фр. Чуть более 15 % «нотаблей» принадлежало к группе с доходами свыше 5 тыс. фр. Но именно к ней относились 64,82 % банкиров, 38,95 % негоциантов, 30,45 % чиновников центральной администрации и 25 % «землевладельцев» ¹²⁰.

Совершенно очевидно, что по уровню своего дохода, а следовательно, и влияния к политической элите могут быть причислены далеко не все «нотабли». «Строго говоря, — отмечали Л. Бержерон и Г. Шоссинан-Ногаре, — речь идет не о руководящей элите, а скорее о высшем общественном слое, из которого правительство считает возможным черпать свои политические кадры» ¹²¹. Поэтому целесообразно различать мелких «нотаблей», влияние которых, как правило, ограничивалось локальными рамками, и крупных «нотаблей». К последним относились богатейшие собственники. Они главным образом и являлись претендентами на руководящие роли в государстве.

Сама Империя энергично влияла на комплектование политической элиты, заботясь при этом не столько о ее представительности, сколько о преданности новому правлению. Используемые ею методы оказались совершенно неоригинальны. Среди дворян Империи 59 % составляли военные, 22 % — высшие гражданские должностные лица. При отборе кандидатов фактически игнорировалась частная профессиональная деятельность. «Таланты», т. е. интеллигенция, представляли всего лишь 1,5 % нового дворянства, а деловая буржуазия — и вовсе ничтожную долю. В какой-то мере это объяснимо: в начале XIX в. промышленная революция еще только набирала силу, да и связанный с ней подъем науки, культуры и т. д. был еще впереди.

Но обращает на себя внимание другой факт. 58 % дворян Империи были буржуазного происхождения и 19,5 % — мелкобуржуазного, «простонародного», т. е. представляли те общественные силы, которые вышли победителями из революции XVIII в., но 22,5 % являлись представителями старого дворянства, пришедшими на службу новому правлению¹²². Это свидетельствует не только о стремлении Империи преодолеть раскол между традиционными и новыми «нотаблями», вызванный революцией, но и об определенном успехе в консолидации новой буржуазной политической элиты.

Более полное представление о политической элите Империи дает анализ социопрофессионального состава Законодательного корпуса, одной из трех высших палат, которым принадлежали законодательные функции. Он осуществлен американским историком Т. Беком¹²³. Членов Законодательного корпуса Бек подразделяет на ряд категорий. По сословной принадлежности или происхождению он различает титулованное и нетитулованное дворянство старого порядка, дворянство Империи, псевдодворян (узурпировавших частицу «де»), а также «буржуа», т. е. лиц, которых нельзя отнести ни к одной из перечисленных категорий; по роду занятий — военных, юристов, лиц «свободных профессий», лиц «экономических профессий», чиновников и «землевладельцев». Историк учитывает также политическую карьеру депутатов Законодательного корпуса, отмечая участие в выборных или административных органах власти в 1789—1799 гг.

По данным Т. Бека, в первые годы бонапартистского режима в Законодательном корпусе преобладали «буржуа». В 1803 г. они составляли 56 % всех депутатов. Высок был и удельный вес политического персонала революции: 61 % депутатов были членами Собраний, 65 % — членами административных органов в 1789—1799 гг. Доля дворян старого порядка не превышала 7 %¹²⁴.

За несколько лет социопрофессиональный состав Законодательного корпуса претерпел глубокие изменения. В 1811—1814 гг. «буржуа» составляли среди его членов всего лишь 23 %. Зато более чем вдвое — до 15 % — возросла доля дворян старого порядка. Вместе с депутатами-псевдодворянами они образовали в палате многочисленную прослойку традиционных по своему социально-экономическому облику «нотаблей», которая насчитывала 29 % всех депутатов. Соответственно увеличилась и доля «землевладельцев» — с 7 до 29 %. Но при этом политический персонал революции в целом сохранил командные позиции, насчитывая почти половину членов палаты — 47 %. Значительная часть активных участников революции, очевидно, влилась в ряды дворянства Империи, на долю которого приходилась треть депутатских мест¹²⁵.

Трудно переоценить вклад Империи в консолидацию буржуазной политической элиты Франции. Политический персонал Империи, в котором слились традиционные и новые «нотабли», на протяжении всей первой половины XIX в. был широко представлен в высших органах власти.

Но выработанный Империей механизм воспроизводства полити-

ческой элиты содержал в зародыше противоречие. Главный принцип этого механизма — обладание крупной земельной собственностью — благоприятствовал представителям традиционных фракций господствующего класса — «бывшей земельной аристократии и наиболее близкой к ней буржуазии, как той ее части, которая еще при старом порядке вкладывала свои капиталы в земельную собственность, так и другой, которая в наибольшей мере обогатилась на спекуляциях национальными имуществами»¹²⁶. Но он же ограничивал доступ в политическую элиту представителям наиболее динамичной фракции господствующего класса — промышленникам, в состояниях которых доля земельной собственности была сравнительно невелика.

* * *

Реставрация сохранила этот механизм, дав ему более четкий правовой статус. Если при Империи назначение членов избирательных коллегий, выборы в Законодательный корпус, да и сама эта палата являлись всего лишь фикцией национального представительства, едва маскирующей деспотизм Наполеона, то либеральная Хартия 1814 г. на деле открыла возможность развития буржуазного парламентаризма. В соответствии с Хартией был создан двухпалатный парламент, нижняя палата которого — палата депутатов — избиралась на основе ценза. Участвовать в выборах могли лица, уплачивавшие в год не менее 300 фр. прямых налогов, а быть избранными — те, чьи налоги составляли не менее 1 тыс. фр. Количество цензовых избирателей по сравнению с Империей увеличилось незначительно — примерно с 70 тыс. до 100 тыс. Однако представительный характер избирательного корпуса усилился благодаря единообразию норм.

Конституционные рамки Реставрации создавали условия для дальнейшей консолидации буржуазной политической элиты по мере сближения и переплетения интересов земельной аристократии, крупных земельных собственников буржуазного происхождения, деловой буржуазии. Этому способствовали и совместное участие в прибылях развивавшейся капиталистической индустрии, и меры правительства Реставрации. Закон о «миллиарде для эмигрантов» (апрель 1825 г.) не только положил конец распрям бывших и новых владельцев национальных имуществ, но и укрепил права последних.

Однако на практике процесс консолидации буржуазной политической элиты замедлился вследствие попыток правительства Реставрации вернуть дворянству руководящую роль в государстве, восстановить власть традиционных «нотаблей».

Дворянская реакция облекалась в форму борьбы с революционным наследием, воплощенным в буржуазных институтах, нормах общественной жизни и т. д. Сопротивление ей закономерно находило выражение в защите конституционного строя, других завоеваний, связанных с великими принципами 1789 г. Правительство, покровительствуя дворянской реакции, внесло глубокий рас-

кол в «верхи» государства и общества. Главным политическим водоразделом стало отношение к революционному наследию. Соответственно возникли два основных политических течения — ультра-роялисты и буржуазные либералы. Примирить легитимизм с буржуазным конституционным строем пытались конституционалисты.

Избранные в 1817—1819 гг. в палату депутатов ультра-роялисты в своем большинстве были традиционными «нотаблями», которых отличали аристократическое происхождение и профессиональная пассивность, тогда как либералы — новыми, буржуазными по происхождению и профессионально активными «нотаблями». 67 % ультра-роялистов составляли дворяне старого порядка, 33 % — псевдодворяне. Либералы на две трети принадлежали к двум противоположным категориям — «буржуа» (32 %) и дворянам Империи (29 %). Среди ультра-роялистов была вдвое большей, чем среди либералов, доля «землевладельцев» (соответственно 46 и 23 %) и почти вдвое меньшей доля лиц «экономических профессий» (13 и 23 %). При этом особенно глубоки были различия в политических карьерах депутатов обеих группировок. Политический персонал революции составлял среди ультра-роялистов и либералов соответственно 8 и 49 % членов. Противоположной была пропорция эмигрантов — 30 % среди ультра-роялистов и 6 % среди либералов¹²⁷. Конституционалисты выглядели в сравнении с другими течениями как широкая представительная группировка, в рядах которой перемешивались традиционные и новые «нотабли». Старое дворянство составляло 23 % ее членов, «буржуа» — 21, «землевладельцы» — 11, лица «экономических профессий» — 23 %. Этим объясняется и отсутствие столь резкого контраста между персоналом революции (33 %) и бывшими эмигрантами (14 %). Элементом, обеспечивавшим сплоченность этой группировки, служил политический персонал Империи, доля которого (78 %) была существенно больше, чем среди либералов (60 %) и особенно среди ультра-роялистов (33 %). При этом треть депутатов-конституционалистов составляли дворяне Империи (29 %) ¹²⁸.

Значительное продвижение либералов, завоевавших на выборах 1817—1819 гг. 90 мест, побудило правительство принять в 1820 г. закон о так называемом «втором голосе» для четверти избирателей каждого департамента, обладавших наибольшим цензом. Ставка делалась на симпатии богатейшего слоя «нотаблей» к ультра-роялистам. Поначалу расчет оправдал себя. Уже выборы 1820 г. принесли успех ультра-роялистам, а выборы 1824 г. закрепили победу реакции.

Однако на выборах 1827 г. либеральная оппозиция вновь резко продвинулась вперед, получив 189 мест. Итоги этих выборов глубоко симптоматичны. Они отразили политическую изоляцию правительства и трансформацию либеральной оппозиции. Последняя отчетливо выступила в качестве прообраза нового правительственного большинства, способного сплотить буржуазную политическую элиту на почве защиты тех ценностей, которые были дороги цензовой буржуазии.

Анализ политических карьер либералов, избранных в палату 1827 г., выявляет определенную перемену в отношении этого политического течения к революции XVIII в. Согласно подсчетам Т. Бека, среди либералов 1817—1819 гг. соотношение между персоналом революции и бывшими эмигрантами равнялось 8:1. В 1827 г. оно сократилось до 3:1. В первом случае сторонники Наполеона в период «ста дней» преобладали в соотношении 13:1, во втором — 2,5:1¹²⁹. Это позволяет предположить, что в своем отношении к революционному прошлому либералы 1827 г. заметно отошли от «максимализма» первых лет Реставрации. Среди них стала ощущаться тенденция к компромиссу с общественными силами, олицетворявшими «другую Францию».

Это предположение подтверждается эволюцией идеологии французского буржуазного либерализма, в котором в последние годы Реставрации усилилось влияние «доктринеров». Члены этой группы, в том числе видный политик и философ П. Руайе-Коллар, Ф. Гизо и др., в отличие от таких деятелей либеральной оппозиции в палате депутатов второй половины 10-х годов, как Ж. Лафайет, Ж. Лафит, А. Манюэль, Б. Констан, выступили за укрепление конституционной монархии на основе принципов Хартии. Для этого, считали они, необходимо «отделить судьбу восстановленной королевской власти от судьбы старого порядка, а дело политической свободы — от революционных теорий и страстей»¹³⁰. Принимая принципы и результаты революции, они осуждали, однако, способы ее осуществления. Распространение идеологии компромисса соответствовало сдвигу в высших, правящих слоях господствующего класса, в которых дворянская реакция все более лишалась почвы. О «правительственном» призвании либеральной оппозиции 1827 г. свидетельствует повышение в ее составе доли политического персонала Империи — с 44% в 1820 г. до 53%¹³¹.

Победа либералов на выборах в июне — июле 1830 г., когда они получили 245 из 407 мест и стали формальным большинством палаты депутатов, отражала консолидацию политической элиты, повлекшую за собой изоляцию дворянской реакции. Однако, чтобы парламентское большинство либералов стало одновременно и правительственным, потребовалось вмешательство народных масс, которые в ходе «трех славных дней» Июльской революции низвергли легитимную монархию и дали возможность буржуазной политической элите овладеть властью.

5. ПРОЦВЕТАНИЕ И КРИЗИС ПРАВЛЕНИЯ БУРЖУАЗНЫХ «НОТАБЛЕЙ»

Июльская монархия не изменила механизма воспроизводства политической элиты. Закон 19 апреля 1831 г. снизил ценз, дававший право избирать и быть избранным в пала-

ту депутатов, соответственно до 200 и 500 фр., что приблизительно вдвое расширило корпус избирателей (со 100 тыс. до 200 тыс.). Однако это не привело к сколько-нибудь значительным переменам с точки зрения социопрофессионального состава «политического класса», в котором по-прежнему преобладали «землевладельцы»¹³².

Обновление политической элиты Франции после 1830 г. было связано не с новыми принципами или критериями ее комплектования, а лишь с устранением политического персонала Реставрации, отказавшегося присягнуть новому правлению. В отставку были немедленно уволены 76 префектов, 196 супрефектов и около 400 мэров; сложили свои полномочия 20 из 30 членов Государственного совета, а также около сотни судей¹³³. Среди 99 депутатов, лишенных своих мандатов, явно преобладали традиционные «нотабли»: 61 % были дворянами старого порядка, 47 % — «землевладельцами» и только 7 % — лицами «экономических профессий»¹³⁴. Новая палата, избранная в 1831 г., отражала возрастание роли новых «нотаблей». По сравнению с 1827 г. доля дворян старого порядка сократилась в ней более чем вдвое — до 14 %, а «землевладельцев» — почти вдвое, до 24 %. С 17 до 20 % повысился удельный вес лиц «экономических профессий»¹³⁵.

Подавляющее большинство депутатов 1831 г. были крупными земельными собственниками буржуазного происхождения, активно занимавшимися профессиональной деятельностью.

Обстоятельный труд А.-Ж. Тюдеска о «крупных нотаблях» позволяет охарактеризовать политическую элиту Июльской монархии периода ее апогея — начала 1840-х годов¹³⁶. Из 459 членов палаты депутатов дворянами были только 92, причем всего лишь половина этого числа — дворянами старого порядка, 45 депутатов отнесены Тюдеском к категории псевдодворян, остальные же не скрывали своего чисто буржуазного происхождения.

Самой многочисленной была социопрофессиональная категория должностных лиц (гражданских и военных) — 175 депутатов. «Землевладельцев» в палате насчитывалось 137, лиц «свободных профессий» — 87, лиц «экономических профессий» — 60. В число последних входили 10 банкиров, 19 мануфактуристов (включая 7 металлургических магнатов и 7 текстильных фабрикантов), 31 негоциант (некоторые из них фактически являлись промышленниками). Из 311 членов палаты пэров только 37 не были дворянами, но при этом лишь 80 пэров получили дворянские отличия при старом порядке. 183 пэра назначил Луи-Филипп. Большинство депутатов и пэров были очень крупными землевладельцами: 63,6 % первых и более половины вторых имели ценз свыше 1 тыс. фр., 17 % депутатов и 82 пэра — свыше 3 тыс. фр.

Кабинеты министров с точки зрения своей социопрофессиональной структуры являлись миниатюрными слепками палат. Тюдеск приводит сведения по трем кабинетам (М. Моле, А. Тьера и Ж. Сульта), чередовавшимся у власти в течение 1840 г. Все министры были членами палат. Аристократию представляли в ка-

бинетах исключительно дворяне Империи — по трое в каждом. Но министрами сельского хозяйства и торговли, а также финансов неизменно были лица «экономических профессий». У 10 министров Тьера (из 21) ценз превышал 1 тыс. фр., у четырех — 3 тыс.

Очень крупными земельными собственниками в своем большинстве были также чиновники высших административных органов монархии. Известен ценз 22 из 29 членов Государственного совета, высшего контрольного органа монархии. У 11 советников он превышал 1 тыс. фр.; столько же платили 23 члена кассационного суда из 36, ценз которых удалось установить Тюдеску. В местной администрации картина была приблизительно такой же. Ценз 19 префектов из 38, о которых имеются сведения, превышал 1 тыс. фр.

В политической элите Июльской монархии деловые круги были представлены сравнительно небольшой группой депутатов — лиц «экономических профессий». Впрочем, депутаты и пэры, принадлежащие к другим социопрофессиональным категориям, не были чужды предпринимательству. Кроме того, представители деловых кругов участвовали в деятельности органов экономического управления, таких как Высший совет торговли и три Генеральных совета — по сельскому хозяйству, торговле и мануфактурам, — функционировавших при министерстве сельского хозяйства и торговли.

Наиболее представительным из них был Генеральный совет по торговле. Его члены частично назначались торгово-промышленными палатами крупных городов. Париж направлял 8 представителей, Лион, Нант, Марсель, Бордо, Руан и Гавр — по 2 и т. д. Среди 54 советников насчитывалось 28 негоциантов, банкиров и судовладельцев, остальные — фабриканты, нередко совмещавшие производственную деятельность с торговой. Нельзя не упомянуть и о таком важном органе экономического управления, как Банк Франции, главное кредитное и эмиссионное учреждение страны, созданное Наполеоном. Его Генеральный совет состоял из 21 члена, в большинстве — банкиров, часть которых владела промышленными предприятиями.

В итоге нельзя сказать, чтобы деловые круги не владели эффективными рычагами воздействия на государственную политику. Но останавливает внимание одно обстоятельство: негоцианты, банкиры, промышленники, представленные в высших эшелонах государственной власти, являлись, как правило, очень крупными земельными собственниками, обладавшими цензом свыше 1 тыс. фр. К этому цензовому разряду принадлежали 32 из 39 членов Генерального совета по торговле, о которых имеются сведения, 36 из 41 члена Генерального совета по мануфактурам, 15 из 18 членов Генерального совета Банка Франции, а также 71 из 86 крупнейших его акционеров, чьи имена значатся в списках избирателей. Таким образом, представители деловых кругов в политической элите Июльской монархии сами были крупными «нотаблями», связанными с другими профессиональными категориями «нотаблей» общностью групповых интересов. Политическая элита Июльской монархии как бы замыкалась сама на себе.

На самоизоляции обрекал ее механизм воспроизводства, ставивший крупных земельных собственников в привилегированное положение. В свою очередь кастовость, узость состава политической элиты консервировали архаичные отношения внутри нее, которые ярко проявлялись в поведении избирателей и кандидатов на выборах в палату депутатов. В 1841—1842 гг. во Франции насчитывалось 459 избирательных округов. Из них только в 143 округах число избирателей превышало 500, в остальных же было нередко гораздо меньше. Это приводило к персонализации выборов: на голосование ставилась не столько политическая программа, сколько личность «нотабля», его авторитет, влияние, связи в правительственных кругах — словом, способность отстаивать в государственных «верхах» интересы цензовой буржуазии данной местности. Поэтому на выборах, как правило, отсутствовала острая борьба. Кандидаты, получавшие доверие избирателей, проходили обычно подавляющим большинством голосов и долго сохраняли свой мандат. Так, на выборах 1839, 1842 и 1846 гг. более половины всех округов посылали в палату одних и тех же лиц¹³⁷.

Этот тип поведения «нотаблей» прекрасно иллюстрируется случаем, происшедшим в 1844 г. Ш. Лаффит, племянник известного банкира и политика Ж. Лаффита, выставил свою кандидатуру в Лувье (департ. Эр). Опасаясь конкуренции, он опубликовал в местной газете обращение к избирателям: «Мне сообщили, что вы очень хотите иметь у себя железную дорогу. Я вас понимаю. Мое место в Компании железных дорог Руана, мое положение банкира и крупного железнодорожного предпринимателя позволяет мне построить эту дорогу. Что касается меня, то я желаю стать депутатом. Итак, вы меня поняли. Если да, то да. Если нет, то нет». Ш. Лаффит был избран и стал членом палаты депутатов несмотря на то, что она несколько раз аннулировала результаты выборов ввиду слишком откровенного характера предвыборной сделки¹³⁸.

Вообще вопрос о природе отношений среди «нотаблей» сложен и однозначному решению не поддается. В нем можно выделить несколько сторон, связанных как с особенностями социальной психологии узких кастовых групп, так и с историческими традициями отдельных районов страны. Характеризуя конфликты между «нотаблями», М. Агюлон обращает внимание на одну закономерность: «Впечатление того, что борьба носит групповой, не поддающийся определению характер, особенно велико там, где нет размежевания на два противоположных политических или идеологических лагеря... Иначе говоря, не существует проблемы там, где противостоят друг другу сильная легитимистская партия и радикализованная по причине этого сильная либеральная партия»¹³⁹.

Одним из следствий персонализации отношений внутри политической элиты являлось частое совмещение политической деятельности в законодательных палатах с исполнением административных функций. Рассматривая депутатов прежде всего как своих

доверенных лиц, избиратели отдавали предпочтение, как правило, тем кандидатам, которые были облечены исполнительной властью. Это одна из причин высокого удельного веса профессиональной категории должностных лиц в палате депутатов. Запросы избирателей побуждали и депутатов стремиться к получению государственных должностей. С 1842 по 1848 г. 26 депутатов были назначены на различные административные посты, а 25 назначенных ранее получили повышение¹⁴⁰.

Архаичный межличностный тип отношений внутри политической элиты был связан и со всем комплексом устаревших общественных отношений, которые воспроизводились в условиях экстенсивной ступени промышленной революции. Крупная машинная индустрия еще далеко не повсеместно расшатала традиционный социально-экономический уклад. Сохранялась не только хозяйственная, но и социально-культурная обособленность отдельных местностей. «Нотабли» выступали в роли посредников между департаментами и столицей, городом и деревней, гражданами и государством. В этих условиях экономическая, социальная и политическая власть «нотаблей» закономерно персонализировалась, т. е. проявлялась как власть конкретного лица или группы хорошо известных лиц по отношению к населению той или иной местности.

В первой трети XIX в. важным фактором политизации «верхов» являлась борьба вокруг революционного наследия. Но Июльская революция нанесла окончательное поражение дворянской реакции. Традиционные «нотабли» уступили первенство в политической жизни новым «нотаблям». На этой основе в годы Июльской монархии завершилась консолидация буржуазной политической элиты цензовой монархии. Практически всю сферу официальной политики — палаты, государственный аппарат и т. д. — подчинил себе буржуазный либерализм. Он стал официальной идеологией режима, но в том истолковании, которое дали ему «доктринеры», в особенности Ф. Гизо¹⁴¹. Рассматривая Июльскую монархию как воплощение принципов 1789 г. и требований либеральной «партии», этот видный политик, историк и публицист, фактически возглавлявший правительство в кабинете Сульта 1840-х годов, во многом сумел придать французскому буржуазному либерализму середины XIX в. консервативную тональность¹⁴². В итоге фронт борьбы вокруг революционного наследия не только сместился влево, но и был вынесен за рамки официальной политической элиты.

Идеологическими мотивами в борьбе с правлением Луи-Филиппа Орлеанского руководствовалась антидинастическая оппозиция. В палате депутатов 1840 г. она была представлена слева крохотной группой республиканцев, которые с 1835 г., после запрета на это название, именовались радикалами, справа — 22 легитимистами. Остальные депутаты принадлежали к различным династическим группировкам. Среди 253 депутатов консервативного орлеанистского большинства король, как правило, выбирал министров и должностных лиц. Другие орлеанистские группировки — «третья партия» (22 депутата), «левый центр» (43 депутата), «левая ди-

настическая» (104 депутата) — образовывали династическую оппозицию.

Если в годы Реставрации основные парламентские группировки отличались друг от друга социопрофессиональной структурой, то при Июльской монархии все обстоит иначе. Можно проследить ориентацию только двух социопрофессиональных категорий — должностных лиц, принадлежавших в большинстве к консервативной группировке, и лиц «свободных профессий», относивших себя к династической оппозиции. Однако и те и другие были профессионально активными буржуазными «нотаблями», с той лишь разницей, что одним удалось увенчать свою политическую карьеру административной должностью, а другие еще только подстерегали удачу. Различия между парламентскими группировками не носили социально-классового характера.

Незначительны были политические различия между группировками в палате. Кроме радикалов и легитимистов сколько-нибудь четкую политическую программу выдвигала только «левая династическая» группировка, главным образом ее левое крыло, возглавлявшееся Ж. Лаффитом, Жоржем Лафайетом, адвокатом А. Глэ-Бизуэном. Остальные династические группировки заботились лишь о степени «министериальности» своих членов. Во всяком случае, «третья партия» и «левый центр» готовы были поддержать любой кабинет в обмен на министерские портфели, административные должности, удовлетворение каких-либо требований их избирателей и т. д.

Своеобразная «деполитизация» палаты депутатов сделала ее ареной столкновений групповых интересов, личного соперничества парламентских ораторов. При этом большую часть времени она была поглощена вопросами частного или регионального значения, которые несли печать местных или групповых влияний. Дебаты по крупным политическим вопросам были редки и не выявляли, как правило, глубоких противоречий в рядах политической элиты. В 1837 г. Руайе-Коллар констатировал: «В настоящее время политика лишена всякого величия; ее подчинили так называемые материальные интересы»¹⁴³.

Достаточно, пожалуй, сослаться на судьбу предложений об избирательной реформе, внесенных «левой династической» группировкой. Хотя они предусматривали незначительное расширение избирательного корпуса, едва ли на 10 %, путем предоставления избирательных прав лицам, которые, не обладая достаточным цензом, могли подтвердить университетскими дипломами свою «способность» к управлению государством наравне с крупными собственниками, консерваторы не давали им хода. При этом обе стороны руководствовались прагматическими соображениями. Сам же принцип цензовости избирательного права «нотабли» независимо от их политических ориентаций рассматривали как незыблемую гарантию стабильности государства.

* * *

По мере того как мельчала официальная политическая жизнь, возрастало значение политических движений вне стен парламента. Июльская монархия в большей мере, чем Реставрация или Империя, способствовала политизации широких буржуазных слоев, остававшихся за цензовыми пределами. Именно при Июльской монархии газеты и журналы стали выходить действительно массовыми тиражами: в 1840 г. только в Париже издавалось 26 газет общим тиражом до 180 тыс. экз.¹⁴⁴ Кроме того, с начала 30-х годов стали избираться местные органы власти — генеральные советы департаментов, окружные советы и муниципалитеты. Причем если к выборам генеральных и окружных советов вместе с цензовыми избирателями были допущены «способности», то к муниципальным выборам — гораздо более широкие слои средней и мелкой буржуазии. В 1834 г. корпус муниципальных избирателей достигал 2,9 млн человек¹⁴⁵.

Деловая буржуазия воспользовалась этими переменами, чтобы усилить свою власть на локальном уровне. Хотя лица «экономических профессий» составляли в 1840 г. в среднем по стране 14,5 % всего числа генеральных советников, в восьми департаментах их доля достигала или даже превышала 1/3, а в двенадцати других — 1/5. Это были департаменты с наиболее развитой торговлей и промышленностью¹⁴⁶. Косвенным свидетельством влияния деловой буржуазии на локальном уровне являлось то, что 29 из 112 мэров городов с населением свыше 10 тыс. были негоциантами или фабрикантами¹⁴⁷. Косвенным потому, что мэры назначались правительством. Но муниципальные избиратели, несомненно, оказывали влияние на эти назначения, тем более что в крупных городах в коллегиях муниципальных избирателей преобладала торгово-промышленная буржуазия. В 1846 г. в Тулоне она была представлена 840 избирателями из 1313¹⁴⁸.

Важным признаком политизации буржуазии являлось проведение общенациональных кампаний. Некоторые из них увязывались с выборами в палату депутатов. Например, в 1844 г. группой клерикалов во главе с Ш. Монталамбером был образован Избирательный комитет в защиту религиозной свободы, который добивался введения религиозного обучения в средней школе. На выборах 1846 г. он заручился согласием 225 кандидатов поддержать это требование.

Внепарламентский характер носили движения противников и сторонников таможенного протекционизма, которые нарастали во Франции с конца 1820-х — начала 1830-х годов. В 1840 г. их усилению дали толчок планы заключения франко-бельгийского торгового союза. На рубеже 1845—1846 гг. была образована Центральная ассоциация за свободу обмена, среди активных деятелей которой были экономисты Ф. Бастиа, А. Бланки, М. Шевалье, Л. Фоше, О. Сэй. Кроме столицы она имела свои отделения в городах Бордо, Ним, Марсель, Лион, Гавр и др. В противовес ей протекци-

онисты создали Ассоциацию в защиту национального производства во главе с Мимерелем. Обе ассоциации бросили силы на пропаганду и сбор подписей под петициями в защиту своих требований. Подача петиций была специфической формой борьбы тех общественных сил, которые оставались за рамками официальной политической системы.

Яркий пример внепарламентских движений — банкетная кампания в поддержку требования об избирательной реформе, развернувшаяся в последние месяцы Июльской монархии. Ее организовала возглавлявшаяся О. Барро «левая династическая» группировка после того, как консервативное большинство палаты депутатов отклонило проекты законов о снижении избирательного ценза до 100 фр., о предоставлении «способностям» права голоса на парламентских выборах и о несовместимости депутатского мандата с административной должностью. Начиная с 9 июля 1847 г. в столице и департаментах был проведен 51 банкет, под петицией в пользу реформы подписались 20 857 человек¹⁴⁹.

Внепарламентские движения выявили отрыв буржуазной политической элиты от широких слоев господствующего класса, не включенных в политическую систему цензовой монархии. К последним относились не только разнообразные группы внецензовой средней буржуазии, но и те цензовые буржуазные элементы, интересы и запросы которых не встречали отклика в инертной касте крупных «нотаблей». Это были различные слои промышленной буржуазии, роль и могущество которой начали быстро возрастать именно в 1830—1840-е годы в связи с переходом Франции на интенсивный путь социально-экономического развития. Вступление страны в новую фазу промышленной революции явилось важной предпосылкой кризиса, который поразил систему правления крупных «нотаблей» и расшатывал всю политическую систему Июльской монархии. Удалось ли промышленной буржуазии подорвать влияние «нотаблей»? Привела ли политизация буржуазии к формированию элементов новой политической элиты господствующего класса, способной сменить закостеневшую касту «нотаблей» в роли руководящей силы? Напрашивается отрицательный ответ.

Стоит прежде всего обратиться к результатам состоявшихся в августе 1846 г. последних в истории Июльской монархии выборов в палату депутатов. В отличие от выборов 1827 г., выявивших перегруппировку внутри политической элиты, они лишь отразили усиление черт застойности в правящих «верхах».

Ряды оппозиции сократились до 168 депутатов. Консервативное большинство, насчитывавшее 291 депутат, чувствовало себя уверенно. Главной опорой правительства являлись 188 депутатов (40 % палаты), занимавших административные должности. Высоким был уровень стабильности персонального состава палаты. По сравнению с предыдущими выборами она обновилась всего лишь на 24 %. Причину этого следует искать прежде всего в слабой политизации выборов. 84 % депутатов было избрано в округах, где в голосовании участвовало менее 400 человек, а треть — в округах с

участием менее 200 избирателей. В большинстве таких округов в палату прошли консерваторы. Они в первую очередь выигрывали от персонализации выборов. Об отсутствии острой борьбы свидетельствует то, что 55 % депутатов было избрано в первом туре абсолютным большинством поданных голосов¹⁵⁰. Характерно, что крупные округа послали в палату пропорционально больше депутатов оппозиции. Так, из 56 депутатов, избранных от городов с населением свыше 26 тыс., к левой оппозиции принадлежало по меньшей мере 26. В Париже кандидаты оппозиции получили 8965 голосов, а консерваторы — 5483 голоса¹⁵¹.

Элементом новизны была некоторая политизация голосования деловой буржуазии. Та часть этой социoproфессиональной группы, которая принадлежала к более низким цензовым разрядам, отдавала свои голоса преимущественно кандидатам династической оппозиции. Другая часть, относившаяся к высоким цензовым разрядам, голосовала в основном за консерваторов. Однако избранные их голосами депутаты образовали в составе правительственного большинства особую группировку «консерваторов-прогрессистов», склонную к умеренным реформам. В разгар банкетной кампании они выступали за компромисс правительства с династической оппозицией.

Как и внепарламентские движения буржуазии, выборы 1846 г. отразили нарастание противоречий между двумя основными фракциями господствующего класса — промышленной буржуазией, представители которой если и принадлежали к цензовой буржуазии, то главным образом к ее низшим разрядам, и финансовой аристократией, которой механизм воспроизводства политической элиты открывал преимущественный доступ в ее ряды. Однако это противоречие не нашло адекватного выражения на парламентской сцене. Палата депутатов, как и вся сфера официальной политики, была монополизирована крупными «нотаблями». Поэтому альтернатива их правлению не могла возникнуть в рамках официальных учреждений.

Не способна была выдвинуть альтернативу и династическая оппозиция. Избирательную реформу она рассматривала лишь как средство изменить правительственную «комбинацию» в палате депутатов и не ставила вопроса о преобразовании самой системы цензовой монархии. Ее руководители решительно отмежевывались от требований радикалов о введении всеобщего избирательного права.

Можно привести множество примеров преобладания групповых, личностных мотивов в деятельности официальных группировок во второй половине 1840-х годов. Вот один из наиболее ярких. На выборах 1846 г. в палату депутатов было избрано 140 кандидатов, поддержавших требование свободы религиозного обучения. Не удивляет, что в их числе оказались практически все прошедшие в палату легитимисты (23 депутата). Но среди них были и 62 консерватора (27 % группировки), а также 50 членов оппозиции, в том числе и некоторые радикалы — Ж. Гарнье-Пажес, Ф. Араго,

А. Кремье, Мартэн¹⁵². Большинство этих либеральных деятелей отнюдь не сочувствовали клерикальным лозунгам, но групповое соперничество вынуждало их обращаться за поддержкой к влиятельным «нотаблям» из реакционного лагеря.

Особенно поразителен тот факт, что даже борьба вне сферы официальной политики приобретала характер группового или местного соперничества. Взять, например, столкновения в деловых кругах по вопросу о таможенном протекционизме. Очевидно, что требование либерализации внешней торговли отвечало интересам крупной машинной индустрии, овладевшей национальным рынком и стремившейся к завоеванию рынков внешних. Еще в конце 1820-х годов такое требование выдвинули крупные хлопчатобумажные фабриканты Эльзаса¹⁵³. В 1846—1847 гг. они поддержали антипротекционистскую кампанию Ассоциации за свободу обмена¹⁵⁴. Естественным представляется и то, что отрасли, где механизация еще не была завершена, нуждались в таможенной защите от иностранной конкуренции, как например традиционный текстиль. Закономерно, что фабриканты-льнопрядильщики составляли большинство образованного в 1842 г. Промышленного комитета, на основе которого впоследствии была создана Ассоциация в защиту национального производства¹⁵⁵.

Однако реальная расстановка сил в деловых кругах в борьбе по вопросу о таможенном протекционизме была много сложнее. В условиях сохранения обособленности отдельных экономических районов страны эта борьба приобрела во многом характер регионального соперничества. Так, в деятельности Ассоциации за свободу обмена ведущую роль играла торговая буржуазия крупных морских портов, особенно Бордо¹⁵⁶, а также предприниматели отраслей с преобладанием традиционной домашней промышленности и мануфактуры, специализировавшихся на производстве изделий «изысканного вкуса» для экспорта, в частности лионские «фабриканты» шелка¹⁵⁷. Зато оплотом протекционистов стали районы высокоразвитой индустрии Северо-Востока. Мотивы поведения деловых кругов той или иной местности зачастую трудно объяснить. Ряд крупных портов — Морлэ, Дюнкерк, Сен-Мало, Ла-Рошель — либо отказались присоединиться к антипротекционистам, либо даже поддержали сторонников высоких тарифов. А деловые круги Нанта образовали комитеты как в защиту высоких тарифов, так и за их снижение¹⁵⁸.

* * *

Преобладание групповых и региональных интересов буржуазии на политической арене было связано с относительной застойностью общественных отношений, обусловленной действием экстенсивных факторов экономического роста. В первой половине XIX в. промышленная революция во Франции развивалась не только «вглубь», т. е. в направлении ломки устаревших производственных

отношений, но и в значительной мере «вширь», воспроизводя отношения мануфактурной стадии капитализма. Это способствовало сохранению многих архаичных черт политического поведения буржуазии, а также политической системы государства, в частности механизма комплектования политической элиты. Главным критерием принадлежности к политической элите было обладание крупной земельной собственностью. Это дискриминировало массу промышленной буржуазии, зато благоприятствовало традиционным фракциям буржуазного класса — бывшей земельной аристократии, крупным буржуазным землевладельцам-рантье, высшему слою той части деловой буржуазии, особенно представителям торгового и банковского капитала, в состоянии которой был высок удельный вес недвижимой собственности. Узкий слой «нотаблей», объединенный стремлением защищать свои кастовые интересы, фактически монополизировал сферу официальной политики и сосредоточил в своих руках основные рычаги государственного управления. В их лице во Франции 30—40-х годов XIX в. господствовал богатейший слой буржуазии, характерным признаком которой являлась связь с крупной земельной собственностью и спекулятивными формами капитала, — так называемая финансовая аристократия.

Между тем интенсификация социально-экономического развития начиная с 30-х годов XIX в. способствовала усилению промышленной буржуазии, могущество которой опиралось на движимое богатство, воплощенное в быстро растущих современных средствах производства. Тогда обнаружилась и стала расширяться трещина в отношениях между широкими слоями нового господствующего класса, переживавшего период консолидации, и политической элитой, все более замыкавшейся на самой себе. Подъем буржуазных внепарламентских политических движений отразил обострение противоречий внутри господствующего класса. Эти противоречия послужили одной из основных причин гибели Июльской монархии.

Однако даже в условиях кризиса правления «нотаблей», который вполне обнаружился в последние годы Июльской монархии, господствующий класс Франции проявил неспособность выдвинуть взамен этой косной касты новую политическую элиту. Буржуазные республиканцы, представлявшие динамичный элемент политической жизни, были лишены опоры в широких буржуазных слоях. Характеризуя эту «партию», К. Маркс писал: «Она не была сплоченной какими-нибудь крупными общими интересами и обособленной специфическими условиями производства фракцией буржуазии»¹⁵⁹. Лишь в течение последующих полутора-двух десятилетий беспрецедентный подъем крупной машинной индустрии, железнодорожного строительства, развитие кредита, связи — словом, буржуазной цивилизации, подготовил почву для глубокого обновления социально-политической структуры Франции и формирования новой политической элиты буржуазии.

К очерку А. В. Ревякина
«БУРЖУАЗИЯ ПОСЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(первая половина XIX в.)»

¹ См. об этом: *Адо А. В.* Великая французская революция и ее современные критики//Буржуазные революции XVII—XIX вв. в современной зарубежной историографии. М., 1986.

² *Cobban A.* The «Middle Class» in France: 1815—1848//French Historical Studies. 1967. N 5. P. 51.

³ Ibid. P. 46.

⁴ *Labrousse E.* Voies nouvelles vers une histoire de la bourgeoisie occidentale aux XVIII-e et XIX-e siècles: 1700—1850//X Congresso internazionale di scienze storiche. Roma, 1955. T. 4. P. 369—372.

⁵ *Pernoud R.* Histoire de la bourgeoisie en France. P., 1962. T. 2; *Daumard A.* La bourgeoisie parisienne de 1815 à 1848. P., 1963; *Rémond R.* La droite en France. P., 1963; *Tudesq A.-J.* Les grands notables en France: (1840—1849). Bordeaux, 1964. T. 1—2; *Bergeron L.* Banquiers, négociants et manufacturiers parisiens du Directoire à l'Empire. Lille; P., 1975; *Chaussinand-Nogaret G.* Une histoire des élites: 1700—1848. P.; La Haye, 1975; Histoire économique et sociale de la France. P., 1976. T. 3. Vol. 2 (далее — HESF); *Voilliard O.* Nancy au XIX-e siècle: Une bourgeoisie urbaine. P., 1978; *Chaline J.-P.* Les bourgeois de Rouen. P., 1982; *Price R.* A Social History of Nineteenth-Century France. L., 1987; etc.

Большое внимание развитию класса предпринимателей уделяется также в работах по истории индустриализации (см. примеч. 14).

⁶ См.: *Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А.* Современный Левиафан. М., 1985. С. 124—134.

⁷ HESF. P. 958.

⁸ Ibid. P. 955—956.

⁹ Отдельные стороны развития французской буржуазии в первой половине XIX в. затрагиваются в работах, посвященных современному положению этого класса (см.: *Бунин И. М.* Буржуазия в современном французском обществе: Структура, психология, политические позиции. М., 1978. С. 8—42; Социальная психология классов. М., 1985. С. 127—143).

¹⁰ *Crouzet F.* Wars, Blockade and Economic Change in Europe: 1792—1815//Journal of Economic History. 1964. Dec. P. 585.

¹¹ *Daumard A.* Op. cit. P. 300.

¹² См.: *Далин С. А.* Инфляция в эпохи социальных революций. М., 1983. С. 108.

¹³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 309.

¹⁴ См.: *Тарле Е. В.* Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства. М., 1928; *Потемкин Ф. В.* Лионские восстания 1831 и 1834 гг. М., 1937; *Он же.* Промышленная революция во Франции. М., 1971. Т. 1—2; *Кожокин Е. М.* Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до рево-

люции 1848 года. М., 1985; *Трунский Ю. Г.* Французская деревня в XIX—XX веках: Тенденции развития. М., 1986; *Léon P.* La naissance de la grande industrie en Dauphiné. P., 1954. T. 2; *Dunham A.* The Industrial Revolution in France. N. Y., 1955; *Fohlen C.* L'industrie textile au temps du Second Empire. P., 1956; *Lévy-Leboyer M.* Les banques européennes et l'industrialisation internationale dans la 1-ère moitié du XIX-e siècle. P., 1964; *Vial J.* L'industrialisation de la sidérurgie française: 1814—1864. P., 1967; HESF; *O'Brien P., Keyder C.* Economic Growth in Britain and France: 1780—1914. L., 1978; *Caron F.* Histoire économique de la France. P., 1979; *Cayez P.* L'industrialisation lyonnaise au XIX-e siècle. Lille, 1979. T. 1—2; *Trebilcock C.* The Industrialization of the Continental Powers: 1780—1914. L.; N. Y., 1981; etc.

¹⁵ См.: *Потемкин Ф. В.* Промышленная революция во Франции. Т. 1. С. 140.

¹⁶ *Markovitch T.* L'industrie française de 1789 à 1964: Conclusions générales//Cahiers de l'I.S.E.A. Série A. F. N 7. Novembre 1964. N 179. P. 122.

¹⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 472.

¹⁸ Там же. Т. 21. С. 342—344.

¹⁹ См.: *Трунский Ю. Г.* Характерные черты эволюции французской деревни в XIX—XX вв.//Проблемы всеобщей истории. Казань, 1972. Сб. 3. С. 136.

²⁰ См. также материалы дискуссии зарубежных историков-марксистов по проблеме «двух путей» перехода к капиталистическому способу производства: *Dobb M., Sweezy P.-M.* Du féodalisme au capitalisme: problèmes de la transition. P., 1977. P. 1—2.

²¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. С. 367—368.

²² Там же. С. 360.

²³ Там же. С. 367.

²⁴ Там же. С. 359.

²⁵ Там же. С. 367, 369.

²⁶ Там же. С. 367.

²⁷ *Crouzet F.* Op. cit. P. 568.

²⁸ *Bergeron L.* Les capitalistes en France: 1780—1914. P., 1978. P. 46.

²⁹ *Bergeron L.* Banquiers... P. 395.

³⁰ Ibid. P. 410.

³¹ Ibid. P. 439—440.

³² Ibid. P. 556.

³³ Ibid. P. 429.

³⁴ *Aguilhon M.* Une ville ouvrière au temps du socialisme utopique: Toulon de 1815 à 1851. P.; La Haye, 1970. P. 22.

³⁵ *Bergeron L.* Banquiers... P. 568.

³⁶ *Soboul A.* Propriété foncière et condition des terres dans l'Europe napoléonienne: Le cas de la France//XV Congrès internationale des sciences historiques. Bucarest, 1980. T. 3. P. 395—402.

³⁷ См.: *Пименова Л. А.* Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986. С. 32.

³⁸ *Daumard A.* Op. cit. P. 149, 154.

³⁹ *Tudesq A.-J.* Op. cit. T. 1. P. 430.

⁴⁰ *Bergeron L.* Banquiers... P. 555—556.

⁴¹ *Кожокин Е. М.* Указ. соч. С. 101.

⁴² *Léon P.* Op. cit. P. 513.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ *Bergeron L.* Banquiers... P. 550.

⁴⁵ Ibid. P. 551.

⁴⁶ *Monnier R.* Le faubourg Saint-Antoine: 1789—1815. P., 1981. P. 184—185.

⁴⁷ *Bergeron L.* Banquiers... P. 549.

⁴⁸ *Chassagne S.* Oberkampf: Un entrepreneur capitaliste au siècle des Lumières. P., 1980. P. 334.

⁴⁹ Ibid. P. 210—216.

⁵⁰ *Chaline J.-P.* Op. cit. P. 69—71, 102—115.

⁵¹ *Fohlen C.* Op. cit. P. 68—69.

⁵² *Cayez P.* Op. cit. P. 220.

- ⁵³ Ibid. P. 226—227.
⁵⁴ Ibid. P. 268—271.
⁵⁵ *Bertier de Sauvigny B.* Un grand capitaine d'industrie au début du XIX-e siècle: Guillaume Ternaux, 1763—1833//Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1981. T. 28. Avril—juin.
⁵⁶ *Vial J.* Op. cit. P. 167.
⁵⁷ HESF. P. 510.
⁵⁸ *Vial J.* Op. cit. P. 182.
⁵⁹ *Cayez P.* Op. cit. P. 336—344.
⁶⁰ *Levêque P.* La Bourgogne de la Monarchie de Juillet au Seconde Empire: Méthodologie et stastique. Lille, 1980. P. 337—342.
⁶¹ *Cayez P.* Op. cit. P. 341.
⁶² *Levêque P.* Op. cit. P. 342.
⁶³ *Daumard A.* Op. cit. P. 150.
⁶⁴ Ibid. P. 149.
⁶⁵ HESF. P. 876—877.
⁶⁶ *Chaline J.-P.* Op. cit. P. 86.
⁶⁷ HESF. P. 877.
⁶⁸ *Bergeron L.* Banquiers... P. 66.
⁶⁹ *Chaline J.-P.* Op. cit. P. 72.
⁷⁰ *Agulhon M.* Op. cit. P. 43.
⁷¹ *Voilliard O.* Op. cit. P. 108.
⁷² *Daumard A.* Op. cit. P. 232.
⁷³ Цит. по: *Chaussinand-Nogaret G.* Op. cit. P. 303—304.
⁷⁴ *Fohlen C.* Op. cit. P. 77.
⁷⁵ *Daumard A.* Op. cit. P. 307.
⁷⁶ HESF. P. 900.
⁷⁷ *Daumard A.* Op. cit. P. 318.
⁷⁸ См.: *Пименова Л. А.* Указ. соч. С. 178—184.
⁷⁹ *Soboul A.* Op. cit. P. 399.
⁸⁰ Ibid. P. 402.
⁸¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 394.
⁸² См.: *Трунский Ю. Г.* Французская деревня. С. 77.
⁸³ *Moriceau J.-M.* Les vices-rois des campagnes? Autour de quelques dynasties de fermiers-laboureurs. XVI-e — XIX-e siècle//Annales historiques complégnoises. N 31. Automne 1985. P. 3—12.
⁸⁴ *Bergeron L.* Les capitalistes... P. 27—28.
⁸⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 50.
⁸⁶ *Tudesq A.-J.* Op. cit. T. 1. P. 425.
⁸⁷ Ibid. P. 428.
⁸⁸ Ibidem.
⁸⁹ Ibidem.
⁹⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 8.
⁹¹ *Dunham A.* Op. cit. P. 218—221; *Cameron R.* Banking in the Early Stages of Industrialization. N. Y. e. a., 1967. P. 105—106.
⁹² *Tudesq A.-J.* Op. cit. T. 1. P. 402—405.
⁹³ Ibid. P. 433—435.
⁹⁴ *Fohlen C.* Op. cit. P. 99.
⁹⁵ Ibid. P. 109.
⁹⁶ *Bairoch P.* Le Tiers-Monde dans l'impasse. Le démarrage économique du XVIII-e au XIX-e siècle. P., 1971. P. 56 sv.
⁹⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 238—239.
⁹⁸ *Daumard A.* Op. cit. P. 425 sv.
⁹⁹ HESF. P. 956.
¹⁰⁰ Ibid. P. 904.
¹⁰¹ *Cameron R.* Op. cit. P. 106—107.
¹⁰² *Chaline J.-P.* Op. cit. P. 119.
¹⁰³ *Fohlen C.* Op. cit. P. 93.
¹⁰⁴ La bourgeoisie alsacienne: Etudes d'histoire sociale. Strassburg; P., 1954. P. 391.

- ¹⁰⁵ *Gille B.* Recherches sur la formation de la grande entreprise capitaliste: 1815—1848. P., 1959. P. 129—147.
¹⁰⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 238.
¹⁰⁷ HESF. P. 947.
¹⁰⁸ *Bergeron L.* Banquiers... P. 35.
¹⁰⁹ La bourgeoisie alsacienne... P. 384.
¹¹⁰ *Papy M.* Quelques fortunes bordelaises au milieu du XIX-e siècle//Revue d'histoire économique et sociale. 1965. N 2. P. 220.
¹¹¹ *Landes D.* French Entrepreneurship and Industrial Growth in the Nineteenth Century//Journal of Economic History. 1949. N 1.
¹¹² *Monnier R.* Op. cit. P. 184.
¹¹³ *Bergeron L.* Banquiers... P. 555.
¹¹⁴ *Bergeron L.* A propos des biens nationaux: la signification économique du placement immobilier//Annales E.S.C. 1972, N 2. P. 418.
¹¹⁵ HESF. P. 940.
¹¹⁶ *Daumard A.* Op. cit. P. 303, 316.
¹¹⁷ См.: *Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А.* Указ. соч. С. 124.
¹¹⁸ См.: *Пименова Л. А.* Указ. соч. С. 44.
¹¹⁹ *Bergeron L., Chaussinand-Nogaret G.* Les «masses de granit»: Cent mille notables du Premier Empire. P., 1979. P. 29, 40.
¹²⁰ Ibid. P. 62.
¹²¹ Ibid. P. 9.
¹²² *Tulard J.* Problèmes sociaux de la France impériale//Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1970. Jul.—sept.
¹²³ *Beck T.* French Legislators: 1800—1834. Berkeley e. a., 1974.
¹²⁴ Ibid. P. 31—32.
¹²⁵ Ibid. P. 33—37.
¹²⁶ *Chaussinand-Nogaret G.* Op. cit. P. 214.
¹²⁷ *Beck T.* Op. cit. P. 170—171.
¹²⁸ Ibidem.
¹²⁹ Ibid. P. 97.
¹³⁰ *Girard L.* Les libéraux français: 1814—1875. P., 1985. P. 69—79.
¹³¹ *Beck T.* Op. cit. P. 178.
¹³² Ibid. P. 121.
¹³³ *Pernoud R.* Op. cit. P. 422.
¹³⁴ *Beck T.* Op. cit. P. 109.
¹³⁵ Ibid. P. 184.
¹³⁶ *Tudesq A.-J.* Les grands notables... P. 358 sv.
¹³⁷ Ibid. P. 98, 100.
¹³⁸ *Julien-Lafèrière R.* Les députés-fonctionnaires sous la Monarchie de Juillet. P., 1970. P. 72.
¹³⁹ *Agulhon M.* Op. cit. P. 104—105.
¹⁴⁰ *Julien-Lafèrière F.* Op. cit. P. 128, 130.
¹⁴¹ *Remond R.* Op. cit. P. 89.
¹⁴² См.: *Алпатов М. А.* Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. М.; Л., 1949. С. 107. См. также: *Rosenvallon P.* Le moment Guizot. P., 1985.
¹⁴³ *Girard L.* Op. cit. P. 131.
¹⁴⁴ *Chasteney J.* Une époque de contestation: La monarchie bourgeoise 1830—1848. P., 1976. P. 138.
¹⁴⁵ *Vigier Ph.* La monarchie de Juillet. P., 1972. P. 77.
¹⁴⁶ *Tudesq A.-J.* Les conseillers généraux en France au temps de Guizot: 1840—1848. P., 1967. P. 146.
¹⁴⁷ *Tudesq A.-J.* Les grands notables... P. 325.
¹⁴⁸ *Agulhon M.* Op. cit. P. 45.
¹⁴⁹ *Tudesq A.-J.* Les grands notables... P. 967.
¹⁵⁰ Ibid. P. 854—857.
¹⁵¹ Ibid. P. 855.
¹⁵² Ibid. P. 709.
¹⁵³ *Ratcliffe B.* The Tariff Reform Campaign in France: 1831—1836//Journal of European Economic History. 1978. N 1. P. 77—78.

¹⁵⁴ *Tudesq A.-J.* Les grands notables... P. 612.

¹⁵⁵ Ibid. P. 620—621.

¹⁵⁶ *Histoire de Bordeaux.* Bordeaux, 1969. Т. 6. P. 105.

¹⁵⁷ *Cayez P.* Op. cit. P. 240.

¹⁵⁸ *Gille B.* Op. cit. P. 146—147.

¹⁵⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 129.

